Большой отряд (Подпольный обком действует - 2)

Алексей Федорович Федоров

SHOUT
SHARE
IT

- Федоров Алексей Федорович
  - ○

Федоров Алексей Федорович Большой отряд (Подпольный обком действует - 2)

Дважды Герой Советского Союза
Алексей Федорович ФЕДОРОВ
ПОДПОЛЬНЫЙ ОБКОМ ДЕЙСТВУЕТ
Книги 1 - 3
Литературная запись Евг. Босняцкого
Книга вторая
БОЛЬШОЙ ОТРЯД
ОГЛАВЛЕНИЕ:
Глава первая. Перед боем
Глава вторая. Первые успехи
Глава третья. Обком в лесу
Глава четвертая. Большой отряд
Глава пятая. Соединение
= =

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПЕРЕД БОЕМ

Областной отряд дислоцировался в Рейментаровском лесу Холменского района. Наша группа прибыла сюда 17 ноября 1941 года. Здесь теперь наша база, областной центр, место жизни и работы.

17 ноября 1941 года - очень радостный для меня день. Никогда его не забуду. Я встретился с черниговцами, со своими друзьями и соратниками; я своими глазами увидел, что существует, действует областной отряд и члены подпольного обкома руководят им: Попудренко, Капранов, Новиков, Яременко это все люди, которых я знаю много лет по работе, знаю как коммунистов. Был здесь и Дружинин. Он прошел, подобно мне, через всю область. Попудренко назначил его комиссаром кавалерийской группы, которая по-прежнему располагалась в Гулино, где вначале стоял областной отряд; Дружинина я встретил немного позже.

Чувство большой радости, прямо-таки ликования, заслонило на первых порах все. Не хотелось, да и трудно было в таком настроении замечать недостатки.

Я уже писал, что сразу по прибытии нашей группы собрали весьма торжественный завтрак с чаркой, а потом митинг. После митинга нас, пришельцев, омолодил парикмахер.

Часов в двенадцать собрался обком.

Разговаривали в штабной землянке. Добротное помещение. Высокая кровля, стеклянное окошко. Посредине стол на врытых в землю ножках. В углу велосипед на специальных козлах. От его заднего колеса привод к динамке. Товарищи часами "катались" на нем - заряжали аккумулятор радиоприемника. Рядом, на ящике, и сам приемник, снятый с самолета.

Часть землянки отгорожена большой занавесью. Занавесь открыта, и видны деревянные нары: "спальня" руководящих кадров. На этих нарах сено, ватники, попоны, одеяла и даже две подушки. На табурете, в углу, ведро с водой. Стены украшены портретами вождей. Вот, пожалуй, и все. На столе, разумеется, карта, чернильница, лампа и остатки закуски.

Члены обкома, как и все бойцы и командиры, были одеты в ватные пиджаки, ватные штаны. Только некоторые щеголяли в кожаных пальто или куртках.

Собралось человек двенадцать. Плотно окружили стол. Николаю Никитичу Попудренко предложили первому отчитаться, а вернее, просто рассказать о делах отряда и обкома.

Слушая, я невольно сравнивал его с тем Николаем Никитичем, которого знал по Чернигову. Выражение лица, манера держаться - все обличало в нем партизанского командира. Он, несомненно, гордился своим новым положением. Это и по одежде было заметно. Кожаная куртка перетянута ремнем. Через плечо - новенькая портупея. Папаха заломлена, как у Чапаева. Два пистолета за ремнем. Брови сдвинуты, взгляд полон решимости...

Я хорошо знаю Николая Никитича, Думаю, что правильно понял и эту его склонность к внешнему параду. Человек он был очень добрый, а в семейных отношениях и очень нежный. Он, видимо, боялся того, что бойцы легко распознают его душевную доброту и мягкость и это может как-то повредить его командирскому авторитету. Отсюда и стремление к грозному виду.

Однако доброта и нежность отлично уживались в этом человеке с большой волей и непримиримостью ко всему, что противоречило его партийной совести.

Говорил Николай Никитич с воодушевлением, тоном митингового оратора:

- Мы не имеем права скрывать от обкома, от самих себя, что надвигается зима, что запасы продовольствия и обмундирования истощаются, что уже нет табака. И мы знаем также, что против нас ополчился, окружил лес жестокий, коварный, неумолимый враг. Сейчас против наших отрядов немцы выставили полторы тысячи солдат. Завтра, быть может, бросят против нас четыре,

пять тысяч. Что ж, мы гордимся этим! Каждый партизан стоит десяти фашистов! И чем больше мы отвлечем на себя сил здесь, в тылу врага, тем меньше будет их на фронте. Смелость, смелость и еще раз смелость, - вот что от нас требуется, товарищи! Партизаны - мстители народные - презирают смерть. С каждым днем дерзость наших ударов будет возрастать. Полетят под откос десятки вражеских эшелонов, полетят в воздух немецкие штабы...

Кто-то из присутствующих, как бы про себя, сказал:

- Для этого нужна взрывчатка.

Я попросил Николая Никитича ответить на несколько вопросов. Почему передислоцировались из Гулино? Чем занимается обком? В каком положении связь, разведка? Как дела в районах?

Ответы меня не обрадовали. Передислоцировались по вполне основательным причинам: здесь гуще леса, легче прятаться от немцев. Но сюда перебралась только часть отряда. Кавалерийская группа осталась на прежнем месте. Называли ее кавалерийской теперь уже условно. Оказывается, большую часть лошадей сдали Красной Армии, когда она проходила, отступая, через эти районы. Сдали потому, что сочли рискованным держать у себя лошадей.

- Пеший и за кустом спрячется. А всадника видно издалека.

Очень плохо обстояло дело со связью. Радиостанцию зарыли на базе Репкинского отряда. Радисты попали в руки немцев, и теперь никто не знал, где спрятана рация, найти ее невозможно.

- Продовольственные базы, - сказал Попудренко, - сохранились. На питание не жалуемся. Оружие тоже есть. Но со связью дела неважные. Сводки слушаем, музыки хоть отбавляй, а с фронтом и с советским тылом сообщения нет. Послали несколько групп, составленных из коммунистов и комсомольцев, с заданием перейти фронт, связаться с армейским командованием. Результатов пока нет. Известно, что две группы попали в лапы немцев. С районами и другими отрядами связь постоянная: конная и пешая. В наших лесах дислоцируются четыре отряда: Рейментаровский, Холменский, Перелюбский и Корюковский.

Чем занимается обком? Все члены его загружены полностью отрядными делами: Яременко - комиссар, Капранов управляет хозяйством, я командую... Учтите, что и народ в области не знает, где мы. Даже коммунисты и то не все знают. До оккупации ясное дело - областной центр - город Чернигов. Исторический центр. К нему естественное политическое и экономическое тяготение. Но в Чернигове немцев полно - туда обком не посадишь.

А здесь, в лесах, конечно, не экономический и не

административный, а только наш большевистский центр. Можно ли отсюда руководить всей областью, да еще при наших-то средствах связи? Можно ли охватить своим влиянием всех коммунистов, всех комсомольцев, всех наших советских людей? Нужно ли к этому стремиться? Давайте обсудим. Я, - заключил Попудренко, - сомневаюсь.

Заметно было, что Николай Никитич не очень-то верит в возможность сочетания партийной и военной, то есть партизанской работы.

- Наша основная задача, - говорил он, - поддержать отсюда, из тыла, Красную Армию. Ослабить немцев, помешать им прочно обосноваться и грабить население. Мы должны ежедневно громить их на дорогах, рвать поезда и железнодорожные мосты. Небольшими, подвижными, легкими группами проверенных людей наскакивать, бить и прятаться. Мы не можем действовать крупными силами, не можем базироваться на одном месте...

В словах его чувствовалась какая-то неуверенность. Казалось, он убеждал не только меня и весь состав подпольного обкома, но и самого себя.

В штабную землянку ворвался взволнованный дежурный:

- Разрешите обратиться, товарищ командир! Разведка сообщает, что с новгород-северского направления в сторону Холмов движутся немецкие части. На машинах и конные...

Попудренко прервал заседание. Мне показалось, он был рад, что заседание так неожиданно закончилось. Он вызвал командиров, отдал приказ всему боеспособному составу отряда выстроиться. Поставив разведчиков во главе колонны, Николай Никитич сам вскочил на коня и скомандовал:

- Шагом... арш! Бегом!

Нас, прибывших сегодня, на операцию не взяли. Решили, что нам нужно отдохнуть, Помыться в бане. Помывшись и отдохнув, я пошел прогуляться по лагерю, мне хотелось его осмотреть. Несколько землянок, пять или шесть: штабная, три жилых, госпиталь; одна землянка была еще недостроена, для нее рыли котлован. В ней предполагалось установить типографскую машину, печатать газету и листовки.

Крыши землянок поднимались чуть заметными холмиками. На них был уложен дерн, а на некоторых даже посажены кусты. Легковую машину М-1, которой давно уже не пользовались, в целях маскировки наполовину зарыли в землю и прикрыли ветвями. С воздуха партизанский лагерь обнаружить было нелегко.

На земле же не только обнаружить, - проникнуть в лагерь не составляло особого труда. В радиусе ста - ста пятидесяти метров

от центра дежурили всего трое часовых.

Два плотника околачивали настил для печатной машины. Я заговорил с ними. Потом подошло еще несколько партизан. Из их рассказов мне стало понятно, что дела в отряде далеко не благополучны.

Бойцы были недовольны, но чем? Они и сами не смогли бы объяснить. Попудренко им нравился, и к другим руководящим товарищам они относились с полным доверием. Только Кузнецов - начальник штаба - вызывал их возмущение: много пьет, с народом груб, а главное - в деле ничего не смыслит.

О Попудренко говорили восхищенно: храбрый, толковый, умный командир. Правда, перехватывает иногда: слишком горяч. Но справедливый и, когда нужно, добрый. А против врага так лют, что лучше и не надо. А все-таки...

Довольно долго я не мог понять, что кроется за этим уклончивым "а все-таки".

Мне рассказали, как по пути из Гулино, когда отряд перекочевывал на новое место, решили уничтожить старосту - предателя из села Камка.

Сам староста сбежал. Его не удалось настигнуть. В сарае у него обнаружили сто седел, которые немцы оставили ему на хранение. Седла эти могли пригодиться в отрядном хозяйстве, но их сожгли. То ли из озорства, то ли от досады, что староста утек. У народа осталось впечатление несерьезности, какой-то ненужной лихости, чуть ли не хулиганства.

- Зачем зря уничтожать добро? Когда бы действительно нельзя было забрать и оно могло к немцам попасть... Неужели мы, товарищ Федоров, так и останемся без кавалерии? Будем по мелочам... Прыг-скок, там мотоцикл подорвем, там немца убьем, а там, глядишь, собаку-ищейку отравим и выпьем на радостях: ай да лихие партизаны!

Это говорил солидный, усатый дядька лет сорока. Он копал котлован. Воткнув лопату в землю, он вытер руки о штаны и продолжал:

- Вот вы приглядитесь, товарищ Федоров, как мы живем, как воюем и на что надеемся. Живем на то, что есть в ямах, что закопали. Даже муку возим в соседнее село. Там из нашей муки и хлеб, и лепешки, и пироги бабы с превеликим удовольствием испекут, пожалуйста. Ну, а как кончится наша мука?.. У баб просить будем?

- Чего там кончится! - махнула рукой жизнерадостная повариха. Имеется, говорят, запас... Ты, Кузьмич, сколько воевать собираешься?

- Да если так воевать, то запасенного добра еще и останется.

Только вопрос - кому? По моему разумению, немцам. Они хоть и дурни, а тоже нас терпеть не очень-то будут. Сперва с Балабаем покончат, потом с Козиком, а там, глядишь, и к нам подберутся. Сколько их, карателей, понаехало? В Погорельцы батальон прибыл.

В разговоре приняло участие еще несколько человек. Подходили с разных сторон. Всех волновали эти вопросы.

- Да чего там о муке да о сале толковать? Как мы воюем? Что, вот, сейчас пошли? Добре побачут тих нимцив на дороге, полюбуются. Ну, постреляют трохи. А то и зовсим ничого. Так, экскурсия, - со злостью проговорил и даже сплюнул раненный в обе руки пулеметчик. - Разведка доложила - нимци в Орловке. Так тож пятнадцать километров. Пройдись-ка пеший, да все бегом, да при полной амуниции, с ручным пулеметом. Туда-сюда тридцать верст, а с кривинками да тропками все сорок будет. Толку же - три вбытых нимця.

- Это все не главное, - пробурчал опять Кузьмич.

- А что же главное?

- Как это что? - удивленно переспросил он. - Это всем известно. Главное - продержаться. Червона Армия як вдарит, а мы тут как тут. Они с фронту, а мы с тылу. Да як поднимемся. Нам силу сохранять надо. Вот что есть главное!

- Долго ты так сохраняться думаешь?

- Долго не долго, а месяца три-четыре придется. Экономить продукт надо. Будем экономить, норму заведем - продержимся.

- Подожди-ка, товарищ, - перебил я говорившего. - Сколько ты воевать собираешься? Три месяца? А вы что об этом думаете? - обратился я к остальным.

Оказывается, и другие долго партизанить не собирались. Нашелся товарищ, что оказал - восемь месяцев. Его высмеяли. Чудаком назвали.

- А командиры что об этом говорят? Попудренко?

- Зима, говорят, немца сломит.

Подумав над тем, что я услышал, оценив начало доклада Попудренко, вспомнив впечатление, которое оставил Ичнянский отряд, я понял, что главная беда именно в этом "п р о д е р ж а т ь с я".

Но партизаны областного отряда, видимо, уже начинали понимать, что даже продержаться маленькими, разрозненными группами невозможно; что тактика мелких, случайных, бесплановых наскоков - опасная тактика.

И, как бы в подтверждение этого, под утро вернулся несолоно хлебавши Попудренко. Бойцы были промокшими, злыми, смертельно усталыми.

- Немцы на машинах, а мы пешие, - с раздражением говорили они. - Куда уж нам за ними угнаться?

Попудренко и сам был недоволен результатами похода. Не хотелось ему, правда, показать, что операция сорвалась потому, что задумана была неверно. Досадовал он и на себя. Выпив с огорчения спирту, он улегся рядом со мной, сказал что будет спать.

Но минуту спустя шепотом начал разговор.

- Эх, Алексей Федорович, - сказал он и не очень естественно рассмеялся. - Думал, выпью, так усну. Нет, и спирт не берет... Что-то у нас, Алексей Федорович, не так. Что-то менять надо.

Я тоже думал об этом. Откровенно высказал Николаю Никитичу, что линию, которая до сих пор проводилась, считаю неверной. Не разделять надо отряды, а сплачивать. Поодиночке нас разобьют, мы и опомниться не успеем. Большой отряд может проводить серьезные операции, громить гарнизоны врага; не ждать, пока немцы нападут, а нападать на них.

Мы говорили сперва потихоньку, чтобы не разбудить товарищей. Но тема была такой волнующей, что мы невольно повысили голоса и скоро заметили, что нас слушают все, кто здесь лежит. А так как тут, на этих нарах, лежали впритирку все члены обкома, то само собой получилось продолжение утреннего заседания.

Так, не зажигая света и не поднимаясь, выступали и Капранов, и Новиков, и Днепровский (мы его ввели в состав обкома).

Очень серьезная угроза, оказывается, уже нависла над нами. Наши отряды были по существу окружены немцами и мадьярами. Не то, чтобы они создали сплошную линию фронта. Но в радиусе тридцати-сорока километров почти во всех районных центрах и населенных пунктах стояли гарнизоны, а в некоторых уже концентрировались специальные части для борьбы с партизанами.

Ближайший такой карательный отряд, силой до батальона, прибыл на днях в Погорельцы. Его разведка уже прощупывала лес и ежедневно беспокоила Перелюбский отряд.

- Балабай обратился за допомогою до Лошакова, - говорил Капранов. - А той отвечае: це не наше дило. Бийтесь сами. Ну, а що ж их там у Балабая тилько двадцать семь партизан.

Большинство товарищей пришло к выводу о необходимости слияния всех отрядов, дислоцирующихся в Рейментаровском лесу. Согласился с этим и Попудренко. А согласившись, он уже не стал вилять, не такой он был человек. Не теряя времени, поднялся, зажег лампу, написал вызов командирам всех отрядов

приехать на следующее утро в штаб.

- Как ты думаешь: на слияние все согласятся? - спросил я.

- Да они, Алексей Федорович, об этом мечтают, - ответил Попудренко.

Решили посоветоваться с командирами и по другому, назревшему давно вопросу: как быть с приемом в отряд новых людей. Желающих было много: и большие, и маленькие группы, и одиночки...

*

19 ноября съехались командиры и комиссары отрядов: Балабай, Нахаба, Водопьянов, Курочка, Коротков, Козик, Лошаков, Дружинин, Бессараб. Приняли участие в совещании также все члены обкома и командиры взводов областного отряда - Громенко и Калиновский.

Пригласил я на свою ответственность еще одного человека, почти никому у нас не известного лейтенанта Рванова. Всего два дня назад он попал в отряд.

Внешние данные у Рванова далеко не эффектные: средний рост, тихий голос, робкие движения, да еще ранен в руку; лечиться ему, а не командовать. А я представил его товарищам как начальника штаба будущего объединенного отряда.

Почему я предложил руководящую должность неизвестному человеку? Вопрос этот я читал в глазах большинства собравшихся. Но прямо мне его не задавали. Конечно, у меня были на то серьезные основания. Своими соображениями я поделился пока только с Попудренко и комиссаром отряда Яременко. Они со мной согласились.

В штабной землянке было жарко натоплено. Народу собралось много. Кое-кто вынужден был сесть на пол. Я предложил товарищам снять верхнюю одежду, что все и сделали. Не захотел раздеться только Бессараб, командир одного из местных отрядов. Это, впрочем, осуществить было бы ему нелегко. Уж слишком много амуниции на нем висело: два пистолета, несколько ручных гранат на поясе, полевая сумка, бинокль, компас и столько ремней, что надо было диву даться, как он в них не запутается.

Степан Феофанович Бессараб - плотный мужчина лет сорока - был перед войной председателем колхоза. Он даже занимал короткое время должность председателя районного исполкома. Но с работой не справился. Однако человек он был в этих краях очень известный и по-своему авторитетный. Широко знали его еще потому, что в дни коллективизации, когда он был председателем сельсовета, какой-то кулак покушался на его жизнь. Выстрелил в окно и ранил Бессараба в голову.

Бессараб, был тяжел на подъем. Он предпочитал не Двигаться, не говорить. Когда же обстоятельства принуждали его сказать ту или иную фразу, он неизменно начинал с того, что откашливался, хмыкал, а потом произносил два ничего не означавших слова: "ватого-етаго". И после совал эти слова вместе или врозь в начало, в середину или в конец фразы. Так что, когда вспоминали о нем, многим даже раньше фамилии приходили на память эти слова "ватого-етаго".

- Гм, ватого-етаго, я, пожалуй, раздеваться не буду. Я, ватого, болею. Боюсь, етаго, простудиться...

Но, говоря о Бессарабе, необходимо помнить и то, что он пришел к нам добровольно, сам вызвался остаться. И народ из колхоза за ним последовал, признал его своим командиром. Он был, безусловно, предан советской власти.

Почти все из тех, кого я встретил на совещании, раньше чем стать партизанскими командирами и членами обкома, побывали у меня в Чернигове. Я уже писал о переменах во внешности и манерах Попудренко. Переоделись, переменились и все остальные.

О переменах в характерах говорить еще рано. Однако новый внешний облик отражал как-то и душевное состояние товарищей. В одежде, амуниции, точнее - в манере носить ватники, шапки, пистолеты видно было, каким товарищ хочет быть партизаном.

Заломленная папаха Попудренко, борода и коллекция ремней Бессараба, усы Федорова, белая полоска над воротничком на военной гимнастерке Балабая, нарочитая грубость речи у деликатнейшего человека - секретаря Холменского райкома Курочки, - все это выглядело несколько демонстративно, как всегда у начинающих.

Да, мы были начинающими партизанами и подпольщиками. Первоклассниками. В большинстве своем люди, немало поработавшие, уже определившие свое место в жизни, мы вдруг оказались в лесу, в землянке, окруженные вражескими войсками...

Я обратил внимание на агронома, а теперь командира взвода Громенко. Он выглядел так же, как в Чернигове на каком-нибудь заседании. Он там работал в облземотделе, и теперь ничто не переменилось в его внешности. Это мне показалось еще более нарочитым, чем борода Бессараба. Я задал ему обычный вопрос:

- Как дела?

Он охотно, радуясь вниманию, ответил:

- Дела бы ничего, Алексей Федорович, но жену эвакуировать не успел. Рожает жена. Она в селе у родителей. Там немцы.

"Так вот чем занята твоя голова" - подумал я. Было естественно, что Громенко думал о жене. Но я ждал, что он

прежде расскажет о своем взводе или о положении всего отряда. А Громенко продолжал говорить:

- Вы по Чернигову жичку мою не помните? Ну, верно, конечно, всех не запомнишь... Она в селе, километрах в сорока отсюда. Надо бы сходить, и в то же время думаю, что не надо, что лишнее расстройство...

Я, признаться, не мог ничего ему посоветовать. Никак я не предполагал, что на этом совещании придется решать и такие вопросы.

- Ладно, - сказал я, - поговорим, когда освободимся. Что-нибудь придумаем.

Понудренко объяснил товарищам, для чего их созвали. Каждого командира спросил, как он смотрит на слияние отрядов воедино под общим командованием Федорова. Большинство ответило согласием:

- Давно пора. Без этого пропадем.

Один лишь Бессараб, поразмыслив, объявил, что ему нужно посоветоваться с товарищами по отряду. Его предупредили, что обком партии рекомендует слиться.

- Я, ватого-етаго, трохи подумаю. Завтра утром скажу.

- Так смотрите, товарищ Бессараб, завтра в девять утра будем вас ждать. После вашего приезда и оформим приказ.

Перешли к другому вопросу. Как относиться к одиночкам и группам, желающим влиться в отряд. Их в лесу скиталось немало. И отставшие от своих частей, и беглые пленные, и пробивающиеся к фронту окруженцы. Народ все вооруженный. Одна из групп имела даже станковый пулемет. Но люди эти чувствовали себя в Рейментаровском лесу чужими. Плохо ориентировались, далеко не все решались общаться с населением. У них не было боеприпасов, они обносились, мерзли и, что самое главное, голодали. Почти все такие группы просились в отряды.

Разгорелся спор. Рванов, красный от волнения, показал мне глазами на дверь: "Не лучше ли мне, пока решается этот вопрос, уйти?" Действительно, дело касалось именно таких, как он. На совещании Рванов был единственным представителем людей, не принятых еще официально в отряд.

- Сидите, сидите, - сказал я Рванову. - Нам будет интересно выслушать и ваше мнение.

Командир кавалерийской группы Лошаков, большой, темный, как цыган, мрачный, насупив брови, сказал:

- Как это так принимать? Непонятно, зачем вдруг такое нарушение бдительности? Вы же сами, товарищ Федоров, и другие секретари обкома в Чернигове предупреждали о строжайшей секретности и конспирации. А теперь? Выходит,

бдительность по шапке, и кто желает - придет. Как это понимать окруженец? Это значит - не погиб в бою. Пустите его в лес к партизанам он и у нас не захочет гибнуть, начнет прятаться за чужую спину. А тем более пленный. Пленный - это значит сдался. Нет, нам таких не треба. Партия нас отобрала и утвердила. И вас я знаю, Курочку знаю, Бессараба и Козика тоже. Я на них имею полное право опереться. Также и бойцы. Они у нас все известны, на них заполнялась анкета. Мое мнение - держись своих.

Первый возразил Балабай. Выступил он неожиданно горячо. Не ждал я от него такой прыти. Директор Перелюбской школы, преподаватель истории, Александр Петрович Балабай был мне известен как человек застенчивый, склонный к лирике, к равномерной, устроенной жизни. Директором школы он стал недавно. Хвалили его за порядок, чистоту, хорошую постановку воспитательной работы. "Молодой, но умелый и вдумчивый педагог" - вот характеристика, которую я чаще всего слышал, когда речь заходила о Балабае. Знал я еще, что он недавно женился, счастлив. И в представлении моем складывался образ тихого счастливца, посвятившего жизнь школе, жене, домику с садом.

Балабай сложения был могучего. Оделся он в форму офицера Красной Армии, и она ему очень шла. Голову он старался держать высоко, и не случайно у него под воротничком виднелась белоснежная полоска. На совещание он явился тщательно выбритым. Если бы все товарищи тянулись к такому партизанскому облику, было бы прекрасно. И хотя, выступая, он девически покраснел, я понял, что этот тихоня умеет постоять за себя и за свои принципы. Вот что он сказал:

- Мы остались добровольно, так что с того? Какая в этом особая заслуга? Воевать так или иначе необходимо, а, по-моему, воевать добровольно всегда лучше, чем по мобилизации. Значит, мы такие же бойцы, как и красноармейцы. Чем же особенно гордиться? Товарищ Попудренко вкатил мне выговор за то, что наш отряд принял пятерых окруженцев. Но ребята оказались хорошие, и это подтвердилось на деле. У нас в лесу находится группа в двадцать шесть человек во главе с Авксентьевым. И мы все знаем, что люди хорошие. Их дивизия получила приказ командования выходить из окружения небольшими группами. Они выполняют приказ. Но если пойдут дальше, к фронту, многие из них погибнут. По-моему, правильнее их принять. По-моему, надо принимать всех, кто искренно хочет вести борьбу с немцами. А что касается окруженцев, это вообще хороший народ. Это люди, которые не хотят идти в плен, держатся до последнего. Они уже партизаны. Только неорганизованные. Надо им помочь

организоваться. Это вооруженные люди и не первый день воюют, они нам будут полезны... - Тут Балабай сделал большую паузу, оглядел всех присутствующих и после глубокого вздоха, как бы с сожалением, добавил: - По-моему, будет преступлением не принимать окруженцев. Да, преступлением! - твердо закончил он.

- Ну, Александр Петрович, загнул, - покачав головой, сказал Бессараб.

- Хотите высказаться? - спросил я.

Бессараб поднял на меня глаза, подумал и важно произнес:

- Могу. Считаю, что если окруженцы хотят, то пусть, ватого, сами организуются. Не для них мы, етаго, готовились и добывали снаряжение, а тем более провиант. Авторитетно заявляю - я против.

- А если обком очень попросит, - не удержался я, - как тогда, товарищ Бессараб, уважите нашу просьбу?

- Насчет приема людей?

- Вообще, как вы относитесь к тому, что обком партии руководит партизанским движением в области, ведь вы член партии, не так ли?

Бессараб надулся. Глаза у него покраснели. Насупив брови, он мрачно сказал:

- Устав партии мне известен. Но в порядке прений мое мнение - против. Исключение можно допустить по территориальному признаку. Могу, ватого-етаго, принять в партизаны окруженца, если он бывший житель нашего района. Как мы призваны защищать свой район. Не может быть, чтобы каждый, кто пожелает, был принят...

Говоря это, Бессараб уперся тяжелым взглядом в Рванова. Все поняли, что он видит в этом человеке источник смуты. Другие командиры тоже не очень доброжелательно разглядывали не известного им лейтенанта.

Я не предполагал давать товарищам какие-либо объяснения, хотел приказом назначить Рванова начальником штаба объединенного отряда и тем самым подготовить, между прочим, людей к введению воинской дисциплины. Разумеется, раньше, чем сделать это, я расспросил Рванова о его предыдущей службе, узнал, что он кадровый офицер, понял по ответам, что это человек большой выдержки, а главное - прекрасно разбирается в военной тактике. Понравилось мне в нем еще и то, что, попав в ужасную переделку, Рванов сохранил подтянутость кадрового командира, не спорол знаков различия и даже каким-то образом умудрился сохранить чистой гимнастерку и брюки, надраил до блеска сапоги.

Совещание, которое я собрал, было в сущности не военным,

не партизанским и даже не партийным. Оно было штатским, оно было пережитком. Я просто не привык еще приказывать. А товарищи не привыкли к тому, что они командиры и что я для них не просто руководитель, а командир. Здесь собрались советские и партийные работники, агрономы, инженеры, председатель колхоза, учитель... Следом пришла другая мысль. Ведь большинство собравшихся - и как раз те, которые возражают против приема окруженцев, - не испытало еще на себе тягот войны и подлинной опасности. Об окружении, о том, кто такие окруженцы, какие испытания пришлись на их долю, знают только понаслышке. Им полезно узнать, что это такое.

- Дмитрий Иванович, - прервав Бессараба, обратился я к Рванову, прошу вас рассказать, как вы попали в этот лес.

Уже то, что я назвал Рванова по имени и отчеству, вызвало у товарищей удивление. А удивление, как известно, повышает внимание. Рванов тоже был удивлен. Но с готовностью встал, вытянулся и спросил:

- Биографию нужно?

- Нет, задача такова: я хочу на вашем примере показать товарищам, кто такие окруженцы и почему их надо принимать в партизаны.

- Ясно. Буду по возможности краток. Воевать начал с первого дня. Последняя должность, на которой с 15 июля сорок первого года, - адъютант старший - начальник штаба батальона в пехотной части. Два раза получал благодарность за хорошо проведенные операции. От командира полка и командира дивизии. 9 сентября в 9.30 село Лузики, Понорницкого района, где мы дислоцировались, обошли немцы. Я был в штабе с тремя связными. По штабной хате немцы повели пулеметный огонь. А у нас только автоматы, пистолеты и карабин. Ребята прикрыли меня огнем из автоматов. Я, взяв важнейшие штабные документы, перебежал улицу и залег в просо. Стал отстреливаться из карабина. Уложил пятерых фрицев. Они были пьяны. Это помогло их уничтожить. Но и мне пуля угодила в руку. Я отполз к яме. Там навоз и мусор. Закопал в мусоре документы, перетянул раненую руку и пополз к какой-то хате. Ползу вдоль забора. В заборе, вижу, дыра. У дыры лежит мои помкомвзвода - Киселев. Он ранен в левое плечо и правую ладонь. Сил у него хватило, чтобы выбить доску, но влезть в отверстие он уже не мог. Просит: "Товарищ лейтенант, спасите!"

Кое-как мы пролезли во двор. Немцы тем временем полностью овладели селом. Мы залезли в сарай. Там клетка с поросенком и сено. Киселеву стало очень плохо. Я его замаскировал сеном, сам тоже зарылся. В 11 часов Киселев

обессилел, просит воды. В 13 часов приходит старушка кормить поросенка. Попросил у нее воды. Старушка, когда увидела окровавленного Киселева и мою раненую руку, посоветовала сдаться. Мы ей ответили, что это невозможно. В 16.20 пришли немцы и завели со старушкой во дворе разговор. Мы с Киселевым договорились: если войдут - сперва в них, потом в себя. Слышим, немцы спрашивают: "Мамка, рус есть?" "Два командира, - отвечает, были и ушли".

Когда стемнело, мы вылезли в отверстие и ползком по просу в лес. Полку была поставлена задача - овладеть Понорницей. В соответствии с этим я взял азимут. Мы с Киселевым шли всю ночь. На рассвете, когда вышли на поляну, нас обстреляли. Беру азимут на запад. На шляху много следов, отпечатки сапог - русские. Пошли по следам. Наткнулись на село. Узнаю, что наши прошли четыре часа назад. Хозяйка дала тряпку и немного хлеба и махорки. Перекусили, перекурили, забинтовались и пошли дальше, догонять. Пошли через Рейментаровку. Там чуть не наткнулись на немецкую разведку. Потом пошли в Савенки, еще за семь километров. Киселев уже еле двигался, он должен был отдыхать через каждые пятьдесят метров. Шли до Савенок пять часов. На пути река Убедь. По колесной колее перешли вброд. Киселева, чтобы не утонул, я нес на себе. Вошли в Савенки в 22.15. Постучались наугад. Киселев совсем обессилел и упал на дверь.

Рванов говорил именно таким, отрывистым, точным языком рапорта. Говорил стоя, ни на что не опираясь.

А мы, слушатели, сидели и полулежали. И по тому, как он говорил и как держался, видно было, что перед нами кадровый военный, не забывающий ни при каких обстоятельствах, что он представляет Советскую Армию. Дружинин подошел ко мне сзади, наклонился к уху, но шепнул довольно громко, так, что многие слышали:

- Не Бессарабу и не Лошакову судить о том, можно ли принять Рванова в партизаны, а скорее Рванов должен решать, кто из нас годится.

А Рванов продолжал рапортовать. Он доложил, как приютили его и Киселева пожилая колхозница Наталья Хавдей и пятнадцатилетний сын ее Миша. Перевязали, накормили и уложили. А когда пришли в Савенки немцы, хозяйка назвала Киселева своим сыном. Рванов же ушел в лес и жил там, только изредка пробирался в село, чтобы достать продуктов и сделать перевязку. Он связался с секретарем сельской парторганизации Дусей Олейник, а через нее и с партизанами областного отряда.

Незаметно для слушателей Рванов перешел от рассказа о себе

к выступлению. И, надо сказать, слушали его хорошо, сочувственно.

- Через секретаря парторганизации раненые бойцы, находящиеся в селе, получали от вас, товарищи, да и теперь получают продовольственную помощь, приходит ваш фельдшер, перевязывает, дает лекарства. Это хорошо. Большая благодарность вам. Но получать только помощь, а самим не воевать - не к лицу советскому человеку. Кое-кто из раненых уже поправился. Считаю своим долгом сказать, что в лесу, вокруг вашего лагеря, находится немало честных советских людей Им очень горько, что их не признают своими. Если мое мнение что-нибудь значит, прошу учесть и мое предложение: группу 26, группу Карпуши, Лысенко и другие группы считать партизанскими отрядами и наравне с местными влить в областной отряд.

Выступили еще два или три человека. Запомнилось короткое и энергичное слово Дружинина:

- Спорить, собственно, не о чем, товарищи. Мы с вами на войне. Мы своеобразная воинская часть. Хотим мы того или не хотим, но потери в наших рядах будут. А потери должны восполняться, иначе мы, как воинская часть, как партизанский отряд, погибнем. Я, между прочим, и сам пришел к вам из окружения. Говорят, что меня приняли потому, что я выходец из Черниговской области и руководству я известен. Говорят, что и Днепровского поэтому признали своим. Бессараб тут даже предлагал принимать только черниговцев или даже только жителей того района, в котором отряд организован. Это ошибочная, вредная мысль. Такого рода местничество к добру не приведет. Наша родина - весь Советский Союз, а не Рейментаровский или Понорницкий район. По указанию, по призыву партии организованы партизанские отряды, отобраны и оставлены заранее. Но почему надо было отбирать в эти отряды известных обкому людей? Да потому, что они должны составлять костяк, основу партизанского движения. Наивно думать, что мы одни, без поддержки народа, без резервов, без пополнения, сможем что-нибудь сделать...

- Кажется, вопрос ясен, товарищи? - спросил я, и хотя не все ответили утвердительно, я сказал, что считаю совещание закрытым.

- Завтра вы получите приказ.

С недоумением посмотрел на меня Бессараб и стал шептать что-то сидевшему рядом с ним Капранову, повернулся к Лошакову и опять зашептал.

- Вам что-нибудь непонятно, товарищ Бессараб? - спросил я.

Он не ответил. Воцарилось неловкое молчание. За Бессараба ответил Капранов:

- Вин спрашивае, як же так, что немаеть постановления? Що, мол, таке происходит, что не принимаем резолюции? Зачем его беспокоили, вызывали?

Я рассмеялся. Рассмеялось со мной еще несколько человек, но не все.

Пришлось повторить, что завтра они получат приказ.

*

После четырех часов в штабной землянке уже стало сумрачно. Погода была морозной и пасмурной. Сильный ветер срывал с деревьев последние листья. Они мелькали перед окошком, кружились, собирались в кучки.

Когда кончилось совещание, мы пообедали с командирами отрядов. За обедом шутили вяло. О будущем говорили в таких выражениях:

- Что, Николай Никитич, пушки у нас будут?

- А ты думаешь! Конечно! И артиллерия, и кавалерия...

- И бухгалтерия, - прибавил Капранов. - А як вы думаете, будемо без учету жить? Выдам вот сейчас по сто грамм, и бильше немаеть.

- И связь наладим, как часы, - продолжал я за Николая Никитича, как можно более бодрым тоном - С каждым райкомом партии, а в отряде с каждой ротой свяжемся и телефоном и радио. С фронтом каждый день будем перекликаться. С самой Москвой поведем разговоры: здравствуйте, говорит Черниговская партизанская дивизия.

Товарищи рассмеялись. Все поняли мои слова как шуточное преувеличение. Даже загрустили от этого.

Вдруг Санин, заместитель командира одного из отрядов, хлопнув ладонью по земле, закричал:

- Гады, сволочи! В лес нас загнали, в берлогу, в нору. Люди в комнатах, а мы, будто черви, в ямах. Дайте мне того немца! Я его своими руками, я его зубами!..

Посидели еще немного. Я напомнил, что завтра, не позднее чем послезавтра, пришлю приказ. А пока пусть стоят по старым местам.

Разговор не клеился. Каждому было о чем подумать. Командиры отрядов стали разъезжаться. Попрощавшись с ними, я пошел бродить по лагерю.

Стемнело. То ли снег, то ли мельчайший град крутился в воздухе, лез за шиворот, набивался в уши. Народ сидел по землянкам. Тусклые огоньки светились в крохотных оконцах. В одной землянке играли на гармошке, в другой пели что-то

заунывное, подстать осеннему ветру и моему настроению. Пели плохо.

Мне многое не нравилось, в особенности поведение Бессараба, но еще больше тревожило то, что многие считали себя не нападающей, а обороняющейся стороной.

Хотя мы и спорили на совещании, следует ли принимать окруженцев и бежавших пленных, я, правду сказать, ценил боевые качества этих пришельцев. Они стали партизанами, принужденные обстоятельствами, они не записались заблаговременно, но зато у них - опыт боев, живая ненависть к врагу, тоже приобретенная в боях и скитаниях. Испытали и видели они больше наших отрядных хлопцев. Побродив два месяца по оккупированной территории, я уже понимал, что нет более надежного, более хорошего места для советского человека на оккупированной земле, чем партизанский отряд. Да, людям нужны испытания, чтобы они стали хорошо воевать. Нужны испытания даже для того, чтобы открыть самого себя. До первого серьезного боя и многоопытный пожилой человек подчас не знает самого себя.

Так, размышляя, я брел по тропе, все отдаляясь от штаба, углубляясь в лес. Деревья в этом месте стояли не очень густо. Уральцы или сибиряки, верно, и за лес не сочли бы наши места. Дерево от дерева - добрых пять метров. Изредка сосна, а чаще клены, дубы, тополя. Землю присыпало порошей, поэтому я различал стволы и очертания голых ветвей. В них свистел ветер и заглушал далекие звуки лагерной жизни.

Вдруг замечаю, что одно тоненькое деревцо подозрительно утолщено снизу. Похоже, что к нему прижался человек. Я остановился в нерешительности. Кто бы это мог быть? Если наш часовой, то почему не окликает? Ведь я не скрывался, шаги мои можно было услышать.

Постояв с минуту, я стал потихоньку приближаться к странному дереву и вскоре заметил, что рядом с утолщением лежит на убеленной порошей земле предмет, похожий на винтовку. И услыхал удивительные звуки. Сам себе не поверил, уж очень звуки эти напоминали детский плач. Определенно, я слышал всхлипывания и посапывания обиженного или напуганного ребенка.

- Ты что? - спросил я не очень громко.

Фигура отделилась от дерева, метнулась в сторону.

- Да стой, стой, куда ты, не бойся! - крикнул я.

Человек доверчиво остановился. Я поднял с земли винтовку.

- Иди сюда, - сказал я, вынул из кармана фонарик и осветил... девушку в ватнике и шапке. Ей было никак не больше

шестнадцати лет. Испуганные глаза смотрели в мою сторону, на щеках размазаны слезы.

Тогда я осветил себя.

- Узнаешь?

- Товарищ Федоров?

- Он самый. Что это ты здесь делаешь?

- На посту, товарищ командир, - пролепетала она.

- А почему ревешь?

- Та я, товарищ Федоров, не реву. Я ничего, - и заплакала еще сильнее. - Ой, простите, товарищ командир. Не можу я. Темноты дуже боюсь. И одна боюсь.

- Лагерь охраняешь, что ли?

- Да.

- Ну, получай свое оружие, идем.

Надо было этого постового как следует распечь. Но, мне девочка напомнила чем-то старшую дочь Нину Представил себе ее в первый раз ночью, в полном одиночестве, в заснеженном лесу...

- Как зовут? - спросил я.

- Валя.

- Когда спрашивает командир, надо назвать фамилию.

- Я, товарищ командир, знаю. Так как-то вышло... Проценко Валентина... Из первого взвода. Санитарка.

- Сколько лет?

- 1925 року.

Ну, так и есть, ровесница моей Нины... Когда я привел ее а штаб и рассказал о случае Николаю Никитичу, он вызвал Громенко и спросил, как получилось, что на серьезный пост он направил ребенка. Взводный удивленно ответил:

- Боец Проценко на хорошем счету. Замечаний не имеет. Отличница по стрельбе.

- Ладно, идите. Обеспечьте пост надежным человеком...

Громенко повернулся и пошел, но Валя продолжала стоять.

- Чего тебе еще? - спросил Попудренко.

- Вы меня, товарищ командир, накажите, но бойцам, пожалуйста, не рассказывайте, за что.

Однако скрыть этот случай не удалось. То ли взводный рассказал, то ли сама Валя не удержалась и поделилась с подругами. Долго еще вспоминали в отряде, как "защищала" лагерь Валя Проценко. А вспоминая, конечно, хохотали.

По прошествии нескольких месяцев Валя очень изменилась, возмужала, окрепла в боях. Она и сама не могла без смеха вспомнить этот случай.

В тот год преждевременно кончилось детство миллионов

наших мальчиков и девочек. Родине понадобились и их силы.

*

Ночью Рванов подготовил приказ. Его сразу не подписали. Решили ждать Бессараба. Он обещал приехать к девяти утра. Но вот уже десять. Николай Никитич припомнил, что месяц назад просил командиров прислать списки членов партии. Все прислали, один Бессараб не пожелал. Он не отказался, а волынил, откладывал. Когда же Попудренко как секретарь обкома строго потребовал выполнить свое указание, Бессараб проворчал, что вот нет ему покоя. Он и в лесу себе не хозяин...

Не так уж нам требовалось согласие Бессараба. Не демократии ради ждали мы его решения. Понимая, что он в душе сопротивляется, мы захотели узнать, как далеко он пойдет. И зачем, до поры, применять средства принуждения? Может быть, одумается человек, поймет, что стоит на неверном пути.

В одиннадцать утра, убедившись, что Бессараб не приедет, я приказал оседлать лошадь и выехал вместе с комиссаром и группой бойцов.

- Ну, хлопцы, будем удельного князя усмирять, - пошутил я.

На подступах к лагерю Бессараба постовой пропустил нас по знакомству. У него, как потом выяснилось, было указание: всех, кто приедет из областного отряда, задерживать. А если будут лезть, - поднять тревогу. Но, видимо, Бессараб не думал, что поеду я сам. Увидев Меня, часовой, рейментаровский колхозник, признал старого знакомого - секретаря обкома. Улыбка расплылась на его физиономии. Он даже сделал попытку стать во фронт и прижал руку к шапке. Так, без тревоги, мы въехали в лагерь и застали его в мирном, полусонном состоянии.

Тихое, зажиточное поместье. На веревках, протянутых между деревьями, сушится белье: рубахи, портянки, даже простыни. С другой стороны на сучьях висят бычьи и бараньи туши. На земле сидит и разделывает только что зарезанного кабана молодой парень. Туш много, куда больше, чем в областном отряде. А у нас народу втрое больше, да и хозяйственник наш Капранов дело свое знает.

Над кухней вьется дымок, и такой приятный дух идет, что мой адъютант, скосив в ту сторону глаза, облизнулся.

Подъехали к кухне. Просторная, высокая землянка. Большой стол. На столе - гора жирных мясных котлет. Хозяйничает там какой-то молодой партизан и две поварихи. Одна из них прехорошенькая, задорная девица Леночка. Меня она узнала и приняла горделивую позу.

- Хорошо живете, - сказал я, показав на котлеты.

- Да, не по-вашему, - бойко ответила Леночка.

- Ишь, как вас Бессараб под свою дуду выдрессировал. Ну, ладно, пойдем до него в гости. Где он тут живет?

Леночка землянку показала, но вслед крикнула:

- Ничего у вас не выйдет!

При входе в землянку встретил нас Степан Остатный - заместитель Бессараба. Он смерил меня взглядом исподлобья. На приветствие ответил кивком. Но в землянку пропустил. Там было грязновато. На столе в беспорядке валялись бумаги, вперемешку с кусками хлеба и разломанной картошкой. Пол закидан окурками. Скамьи и табуреты стояли где попало. Видать, как сидели вечером, совещались, так все и бросили. К приему "гостей" не готовились.

За ситцевой занавеской спал "сам". Наш приход его разбудил. Остатный счел нужным объяснить:

- Поздно вчера легли.

Из спальни откликнулся женокий голос:

- А ты не оправдывайся, не в милиции.

Бессараб вышел из-за занавески. На наше приветствие он буркнул что-то неопределенное.

В землянку вошли еще двое приближенных командира. Ян Полянский и Школяр. Они приняли вызывающие позы.

Не дождавшись приглашения хозяев, я сел на табурет, спросил:

- Какое же вы, товарищ Бессараб, приняли решение? Мы вас все утро ждали. Нам ведь очень важно узнать результаты ваших размышлений.

Молчит, сопит, даже лицо не поворачивает.

- Я к вам обращаюсь, товарищ Бессараб. Вы что же думаете, свататься мы приехали?

Вместо него ответила жена:

- А кто вас звал? Езжайте, не держим.

- Это что ж, ваш заместитель, а, товарищ Бессараб?

- Да, заместитель. Вам какое дело.

Я не удержался, сказал несколько серьезных слое. Взвизгнув, она выбежала из землянки.

Медленным движением Бессараб задрал гимнастерку, потянул из кобуры пистолет. Пришлось выбить из его рук оружие. Бессараб деланно рассмеялся. Потом сел.

- Я, - сказал он, - пошутил. - И потом серьезно: - Нечего, ватого-етаго, к чужой славе примазываться.

- А что это у вас за слава? Сидите и колхозников объедаете. Товарищ Яременко, - попросил я комиссара, - пока я тут беседую с начальством, соберите, пожалуйста, весь личный состав отряда.

Бессараб удивленно молчал.

- Ну, что ж, давайте, говорите, что у вас за слава, - повторил я, когда Яременко вышел.

Впрочем, было понятно, о чем Бессараб говорит. Как ни мало сделал за это время областной отряд, все-таки нет-нет, да и раздастся на дороге взрыв. То мост обвалится, то грузовик на мине взлетит, то слышно, староста-предатель исчез бесследно; группа немцев с разбитыми головами валяется в поле.

В окружающих селах знали, что еще до прихода немцев Бессараб, по указанию райкома партии, сколачивал отряд. И люди в его отряде были все местные. То и дело заходили к родственникам, к знакомым. И всю деятельность стоявших в этих лесах отрядов и групп население принимало за работу партизан Бессараба.

- Выкладывайте, не стесняйтесь, - тянул я из Бессараба ответ.

- Я действовал на фланге 187-й дивизии... У меня, ватого-етаго, благодарность командования...

Тем временем Яременко собрал человек двадцать. Выстроил их возле штабной землянки.

Мы вышли. Я заставил и Остатного, и Школяра, и самого Бессараба тоже примкнуть к строю.

- Отныне, товарищи, - сказал я, - все отряды, дислоцирующиеся в этом лесу, сливаются. Таково решение обкома партии и областного штаба. Таково требование жизни. Желающие высказаться есть?

Бессараб двинулся было вперед.

- Подождите, с вами мы уже вдоволь наговорились. Ваше мнение известно.

Выступили Школяр, Полянский, еще один товарищ, которого я до сих пор не знал. Все, будто по шпаргалке, говорили, что слияние приведет к гибели. Что запасы быстро истощаются, скоро нечего будет есть. Отряды, слившись, потеряют главное преимущество партизан - подвижность и возможность прятаться. Гнуснее всех выступил Полянский.

- Да что говорить, - распинался он, - нам ясно, для чего все это затеяли. Нам-то все понятно. Обкому нужно отсидеться. Обкому нужна охрана. Своих мало, да свои-то все городские, того и гляди заблудятся в трех соснах... На чужом горбу в рай хотите прокатиться.

Пришлось митинг прекратить. Яременко разъяснил партизанам цели объединения, напомнил бойцам, что такое партизанская и партийная дисциплина. Я прочитал перед строем приказ:

- Районный отряд, созданный по инициативе райкома партии, с сего числа влить в объединенный партизанский отряд и отныне

именовать третьим взводом. Командиром назначаю Бессараба, политруком Гречко; Полянский отчисляется в распоряжение штаба отряда.

На этом митинг кончился. Бессарабу я предложил явиться завтра для доклада. Полянского взял с собой. Пистолет я Бессарабу вернул, но перед этим объяснил, что оружие партизан получает для борьбы с врагами Родины, а не для баловства и глупых угроз.

Так бесславно кончилось существование "удельного княжества" и началась боевая жизнь третьего взвода.

Вечером все командиры получили приказ, в котором предлагалось слить воедино Областной, Корюковский, Холменский, Рейментаровский, Перелюбский отряды, а также отдельные группы окруженцев, вставших на путь партизанской борьбы.

Объединенный отряд именовать с сего числа партизанским отрядом имени Сталина.

*

Приказ вступил в силу. Я стал командиром довольно значительного партизанского отряда.

Произошло это не вдруг. Еще в Чернигове обком партии поставил меня во главе областного штаба партизанского движения. Но говоря по совести, штаба этого пока не существовало. Партизанское движение, а вернее организованные партизанские отряды были во всей области. Однако руководить ими оперативно, как это надлежит штабу, пока не представлялось возможным.

Нужно было прежде всего взяться за организацию областного отряда. Отдать приказ мало. Надо делом доказать, что не зря объединились. Надо головами немцев, взорванными мостами, разбитыми гарнизонами врага доказать... Мне же лично предстояло еще завоевать у товарищей командирский авторитет.

По сути, никогда в жизни я не был командиром самостоятельной воинской части. После гражданской войны некоторое время командовал взводом в железнодорожном полку. Но прошло с тех пор чуть ли не двадцать лет. Да и какое может быть сравнение? Там я каждый день отчитывался перед опытными командирами, там была стройная, продуманная организация, давно установленный порядок. Боролись мы в то далекое время с незначительными бандитскими шайками. Но кое-какие знания из тех, что получил в 1920 году в кавалерийской школе, и теперь пригодились. Кое-что вспомнил из боевой практики, кое-что отложилось из тех военных сведений, что получал во время краткосрочных лагерных сборов...

Не без колебаний принял я на себя должность командира. Думал, не отразится ли отрицательно повседневное оперативное руководство отрядом на главной моей работе - секретаря подпольного обкома партии? Попудренко уже испытал на себе такое совместительство. Оно пришлось ему не по душе.

Попудренко был неправ, подвергая сомнению возможность широкой массовой партийной работы. Пусть не сразу, но мы должны охватить своим влиянием всех коммунистов и комсомольцев, оставшихся в области, наладить руководство ими. Для этого нужно еще очень много сделать!

Но обком, все члены его пришли к единогласному решению: прежде всего надо укрепить отряд.

Это было, конечно, верно. Надо приниматься за работу. Вопросов несметное количество. Охотников поговорить, посоветоваться, даже пошептаться - сколько угодно. А некоторые приходят и требуют: "Раз ты командир - Дай! Дай оружие, дай боеприпасы, дай людей, дай продовольствие!"

Надо было в первую очередь точно распределить функции, надо было каждому дать задание. Подобрать кадры - вот с чего следовало начать.

В легальном обкоме, в мирное время, изучение и подбор руководящих кадров - большой коллективный труд. Раньше чем бюро обкома рекомендует того или иного коммуниста на руководящую должность, к нему долго присматриваются, выслушивают мнение товарищей о его способностях, знаниях, честности. Взвесят все "за" и "против". Чтобы переменить работника или снять по непригодности, тоже нужно время, и немалое.

И это, разумеется, правильно. В мирных условиях иначе нельзя. А в партизанских условиях? Изучать надо, принципы те же - наши, большевистские принципы. Но каждый раз собирать обком, чтобы утвердить того или иного товарища, невозможно.

- Назначили Рванова начальником штаба. Почему Рванова? Есть старые, опытные партийные работники. Черниговцы. Есть секретари райкомов, председатели районных советов. И вдруг, пожалуйста, какой-то двадцатичетырехлетний мальчишка. Лейтенант. Подумаешь, специалист! Прежний начальник штаба Кузнецов - и тот был капитаном...

Были такие разговоры. Но всех разговоров не переслушаешь. Рванова назначили потому, что он с 22 июня воюет. Потому, что он точен, исполнителен и требователен. И еще потому, что, попав в такой ужасный переплет, он сумел сохранить достойную советского офицера подтянутость и внешнюю аккуратность. Значит, в штабе будет порядок.

Вот Бессараба оставили командовать взводом. После всех его проделок, конечно, оставлять не следовало. Но пока нет оснований считать его плохим командиром. Боев-то настоящих еще не было. Надо проверить человека в бою. Отряд он сам подбирал, людей знает, и люди его тоже знают.

Теперь, оглядываясь назад, думаешь: "А ведь странное было положение в тот первый период. Как командир я ни перед кем не отчитывался. Высшего начальства не было. Это, оказывается, очень неприятно и тяжело. Если бы не было у меня такой опоры, как обком, легко бы и растеряться".

Но я был командиром, и часто мне самому приходилось принимать решение.

Право, когда я бродил в поисках отряда, было, кажется, легче. Там я отвечал лишь за собственное поведение и за собственную жизнь.

На следующий же день после приказа является Бессараб:

- Я, ватого-етаго, жду ваших боевых указаний.

- Приказ читали? Выполняйте.

- Ребята скучают. Есть желание встретиться в бою с проклятыми оккупантами.

- А что ж вы раньше не скучали по боевым действиям?

- Ждали, когда прибудет высшее начальство. Когда прикажет.

- Смирно! Кругом, шагом марш! - вынужден был скомандовать я.

А Бессарабу, вероятно, этого и надо было. Пошел к своим бойцам, сказал, что вот, мол, начальство вместо боевых действий занимается каким-то подбором кадров.

Немало людей, особенно в областном отряде, я знал по Чернигову. В небольших городах вообще запоминаешь множество лиц. С человеком не знаком, но встречал его то ли на заводе, то ли в театре, то ли просто на улице. Теперь знакомились заново. Я ходил по землянкам, участвовал в строительных работах, начатых еще до прихода нашей группы. Не уверен я был в том, что надо строиться, но пока этих работ не отменял. Люди должны быть заняты. Нет ничего хуже безделья. Стали проводить и строевые занятия. На них я тоже приглядывался к людям.

Один я ходил редко. То с Попудренко, то с комиссаром отряда Яременко, то с Рвановым. Попудренко и Яременко уже давно были в отряде и хорошо знали людей. Рванов хоть и много моложе меня, но человек военный штабист. Так, на ходу, я кое-чему учился у товарищей: Не то, чтобы брал уроки, но приглядывался, как они держатся с народом, как оценивают обстановку.

И везде, конечно, разговоры, шутки, прибаутки. Без шутки

партизанам трудно. Днем, ночью, в бою, на диверсии, в походе - трунят друг над другом, подсмеиваются. Другой и себя не пожалеет, выставит в смешном свете, лишь бы вызвать хохот. Это понятно - смех бодрит, а лишений приходилось испытывать великое множество.

В тот период люди очень нервничали.

Не я один, все ставили перед собой вопросы. И думали, думали... Никогда в жизни я не встречал так много задумчивых людей. В компании еще ничего, даже иногда спляшут или споют. Но и плясали и пели очень плохо. Большой любитель солдатских песен, Попудренко сказал мне однажды:

- И что за народ у нас подобрался? Ни одного порядочного плясуна, ни одного гармониста хорошего. А как начнут песню тянуть, хоть беги...

Потом-то выяснилось, что пели только тягучие песни и плясали плохо от задумчивости.

Часто командиры отрядов и члены обкома приходили ко мне с рапортами о разного рода нытиках. Балабай, например, доложил:

- Пошел проверять посты. Боец П. - здоровый, крепкий мужик лет под сорок - сидит на земле по-турецки, винтовку отложил, сам открыл рот и в небо смотрит. На мой приход даже внимания не обратил. Будто я не командир, а так, гуляка. "Что, - спрашиваю, - загрустил по гауптвахте?" А он домашним тихим голосом отвечает: "Думаю я, Александр Петрович, что напрасно с Красной Армией не ушел. Мальчишеством было с моей стороны здесь оставаться. Подавят нас немцы, як тех мух! Вот я с солнышком, Александр Петрович, и прощаюсь..."

Был у меня самого весьма примечательный разговор. Отвел меня в сторону боец С. Не глупый, кажется, человек, бывший заведующий районным отделом народного образования. Руку мне на плечо положил и начал:

- Вот, - говорит, - Алексей Федорович, рассудите. Пришла мне такая мысль: что если бы лежал я больной и врачи приговорили меня к смерти?

Я насторожился. К чему человек клонит?

- Нельзя, - отвечаю, - верить таким приговорам.

Он продолжает:

- А все-таки. Если сомнений действительно никаких, как тогда? Я бы, например, предпочел не ждать. Я бы, товарищ Федоров, предпочел сразу после консилиума умереть, застрелиться.

- К чему, - спрашиваю, - ты эту панихиду развел?

- А к тому... - Тут С. прямо-таки с воодушевлением произнес: -

К тому, что если поставила нас здесь партия на жертву, на жертвенный подвиг, так давайте же поскорее этот подвиг придумаем и совершим.

И, заметьте, товарищ этот был трезвый, не бредил. Пришлось ему объяснить, что он нытик и маловер и что партия ни на какие жертвы нас не посылала, а послала воевать с врагом.

- Что вы?! Прикажите, и я готов, как, помните, в знаменитой пьесе "Салют Испания", взорвать себя вместе с вражеским штабом!

Прошел год, и товарищ научился взрывать немецкие штабы и эшелоны, сам оставаясь невредимым. В 1944 году он получил звание Героя Советского Союза. Я ему при случае напомнил этот разговор.

- Признаюсь, - сказал он, - не верил, что мы способны оказать немцам серьезное сопротивление. Думал: раз нам суждено погибнуть, так давайте же поскорее и покрасивее.

О подобной красоте не только он один заботился. Мельком я упоминал уже об артисте черниговской драмы Васе Коновалове. Он и теперь здравствует. Воевал хорошо, награжден. Но в самом начале... Как-то раз ночью явился он с группой актеров в Черниговский обком, прямо в мой кабинет, с просьбой принять их в формирующийся партизанский отряд. Я его включил в списки. В ту же ночь он получил винтовку. Так, с винтовкой, и пошел домой прощаться. Потом, у партизанского костра, сам рассказывал:

- Возвращаюсь домой, настроение лихое, в бой бы с таким настроением. А надо спать ложиться. Ложусь и винтовку с собой в постель.

Так многие молодые люди романтично воспринимали свое вступление в партизаны. Но надо было этим молодым людям показать труд войны, надо было научить их преодолевать трудности.

В эти же дни всеобщих переживаний произошел у меня разговор по душам с Громенко.

Он вернулся из "отпуска". После совещания с командирами я позволил ему отлучиться. Отправился он к жене с партизанскими подарками. Дали ему меду, масла, леденцов, печенья. Дали ему сотню патронов, два пистолета, пару гранат.

В отлучке Громенко был пять дней. Два дня путешествовал туда, два обратно, а у жены пробыл всего лишь ночь и часть утра. Отчитался он коротко:

- Командир первого взвода Громенко. Вернулся из отпуска. Все в порядке. Разрешите приступить к исполнению обязанностей?

Часа через два я снова увидел его среди бойцов первого взвода. Он усадил их кружком и что-то горячо говорил. Я тоже

присел послушать. Громенко сказал мне, что проводит политбеседу, и продолжал:

- Каждому из нас, товарищи, следует пересмотреть наново всю свою жизнь...

"Куда он гнет? - думал я. - Что это за философские беседы с бойцами?" Но смолчал и стал слушать дальше. Тем более, что, судя по выражению лиц, бойцы беседой были увлечены.

- Хотим мы того или не хотим, но думаем мы сейчас все очень много. Да и как может быть иначе? Нормальная жизнь поломалась, семьи разбиты, профессии наши, то, к чему мы готовились годами, теперь не нужны. Во всяком случае, до победы. И вот мы горюем. Многие горюют. Я слышал, товарищ Мартынюк рассказывал свой сон. Будто подбегает к нему дочка и просит приласкать, и прижимается к нему, и плачет. Просыпается товарищ Мартынюк и замечает, что гладит рукав своей телогрейки. И рукав этот мокрый от слез. Ответьте мне, товарищ Мартынюк: сколько вам лет и кем вы работали до войны?

Сивоусый, коренастый Мартынюк поднялся с бревна, на котором сидел, похлопал глазами и сказал:

- Имело место.

- Я просил вас сообщить свой возраст и профессию. Вы напрасно волнуетесь. Я не упрекаю вас за то, что снятся вам ваши дети. Мне и самому снится прошлое. Вот уже третий месяц я или протравливаю семена, или подрезаю ветки яблонь, или...

- А я вчера, - прервал вдруг командира взвода парнишка лет девятнадцати, - играл в футбол против немецкой команды. И мяч, будто мина, может взорваться. Честное слово...

Все рассмеялись, Мартынюк тоже улыбнулся и сказал:

- Лет мне, товарищи командиры, сорок четыре. Профессия моя формовщик черного чугунного литья. Прошу извинения, что рассказывал сон и других смутил. Жизнь я обязательно перегляжу и других вызываю. А дочка у нас с женой родилась, когда мне уже было Тридцать восемь, а жене тридцать четыре. Первое наше дитя. И его уничтожила германская бомба... Разрешите сесть?

Я поднялся и ушел. Ничего не сказал Громенко, не стал прерывать его беседу. Хотя показалось мне, что напрасно он будоражит нервы своих бойцов. Вечером он подошел ко мне сам. Выбрал момент, когда я был один.

- Можно, Алексей Федорович, - попросил он, - посоветоваться с вами и поговорить, как со старшим товарищем? Вам не понравилась, как мне кажется, беседа, которую я вел сегодня утром.

- Пойдем, товарищ Громенко, - предложил я ему, - погуляем по лесу.

Он с радостью согласился. Мы отошли от лагеря метров на двести, уселись там на пеньки. Вот что рассказал он мне.

- Я, Алексей Федорович, агроном. Это вы знаете. В прошлом мужик. Крестьянской кровушки, крестьянского воспитания. В общем, интеллигент из народа. Думаю, не могу не думать. И когда работал на контрольносеменном пункте, понимал зерно не только как хлеб. Нет, еще в большей степени я понимал его как труд народа. И мечту Мичурина сделать пшеницу многолетним растением, а если нельзя это сделать с пшеницей и житом, то, может быть, и по боку их и вырастить хлебные орехи... эту мечту я очень хорошо понимаю. Вот.

В сущности я хотел поговорить с вами о другом. Рассказать о путешествии к жене... Но без предисловия не умею... Казалось мне, Алексей Федорович, что хорошим коммунистом я могу быть только, углубляясь в профессиональные знания. Я был честен, работал, отдавая себя целиком делу. Я считал себя счастливым. Нет, не считал, был счастливым. Потому что и дома все было очень хорошо.

Огромное впечатление, помню, произвело на меня письмо товарища Сталина к комсомольцу Иванову. Тогда я в первый раз не только подумал, но и почувствовал, что битва неизбежна. Что капитализм обязательно против нас ополчится. Но вы знаете, как это бывает. Подумал - и опять стал ждать. Даже оправдал свое равнодушие к будущей схватке тем, что работаю и тем самым, значит, укрепляю страну. Воином я себя не представлял, воевать не готовился. Вот в чем дело.

В партизаны я пошел добровольно. Это вы тоже знаете. И вот оказались мы в лесу. Ведь нельзя сказать, что не делали мы ничего до вашего прихода, Алексей Федорович. Товарищ Яременко прямо-таки со страстью налаживал типографию. Ребята героически вытаскивали шрифт из Корюковки. Героического с самого начала оказалось сколько угодно. И героизм этот искренен.

Балабай чуть не погиб в схватке против десятка немцев. Балицкий безоружным отправлялся по селам, где уже были немцы. Выдавал себя за учителя. Агитировал, звал к сопротивлению, вел в нашу пользу разведку. Николай Никитич... в нем я вижу даже не столько большого командира, сколько выражение общенародной ненависти. Все в нем кипит. И если бы не чувство ответственности за отряд, за жизнь людей, я уверен, он бы в самую отчаянную схватку бросился очертя голову... Но это уже критика командира, на эту тему я продолжать не стану. Вернемся к моим делам.

Зачем скрывать. Явилось у меня чувство ничтожности наших

партизанских потуг. Нет, малодушия или трусости у меня не было, не в этом дело. Но почувствовал я себя, как бы это сказать, ну, вроде того попа из рассказа Леонида Андреева, который, помните, влез спьяну на паровоз, тронул какой-то рычаг и помчался. И управлять он не умеет, и остановить не может, и соскочить страшно.

А еще эта история с женой. Эвакуировать ее не удалось. Правду сказать, была она уже на сносях, ехать в далекое путешествие в таком положении не решилась. Очень она сердилась, что я иду в партизаны, покидаю в такой момент семью. Сердилась, а все-таки понимала, что иначе нельзя. И чтобы меня освободить, собралась неожиданно и уехала в село. А что с ней было дальше, я не знал. И ко всем моим размышлениям прибавились муки неопределенности.

Громенко вздохнул, осведомился, не надоел ли рассказом. Мы закурили, он помолчал с минуту, а потом продолжал:

- Когда я уходил, мы условились, что там, в селе, я никому открываться не буду. Агитацию, помните, вы мне запретили. И правильно. Чтобы начать эту работу, надо сперва оглядеться, узнать народ. Не буду рассказывать, как шел. Добрался сравнительно удачно. Была, правда, маленькая перестрелка, но это не в счет.

Хату, где могла быть жена, я знал. Село это известно мне с детства. И меня там все называют по имени. Пробрался я к хате в темноте, огородами. Был уверен, что никто не заметил. Встреча со слезами, с объятиями. Мальчишке уже месяц и три дня. Было решено, что он "вылитая копия - отец". Подарки партизанские оказались кстати. Но вообще-то жена пока не голодает Есть кое-какие запасы... Слезы, смех, взаимные рассказы, все это было. Но, заметьте, с самого начала все шепотом и топотом.

Сперва мальчик спал. Я думал - мы его сон бережем. Но проснулся, и жена продолжает по-прежнему. И, кроме того, торопит собирать постель. Я раза два заговорил громко. Она руками замахала и сразу же задула лампу.

"В чем дело?" - спрашиваю. "А ты, - отвечает, - прислушайся и посмотри в окно. У всех темно и тихо. Все боятся". - "Но ведь немцев в селе нет". - "Немцев нет, так есть свои сволочи, вся дрянь собралась". И только она это сказала, по улице с гиканьем на лошадях проскакала пьяная компания. Матерятся, кому-то грозят.

"Кто такие?" Как начала мне жена перечислять, кто в селе панует, у меня сразу прямо бешенство в голову ударило. Ну, представьте, Алексей Федорович, был у нас Дробный Иван. Такая падаль, жалкий попрошайка и пьяница. Все и забыли давно, что

отец его когда-то приказчиком был у помещика. Ходил этот Дробный в полусумасшедших. Ну, алкоголик самого последнего разбора. Когда с похмелья и денег нет - он перед любым на колени станет, чтобы трешницу выпросить. А теперь его боятся.

Появился откуда-то Санько. Этот в Чернигове в годы нэпа развернулся, кожевенный заводик держал. А в последнее время работал счетоводом не то на музыкальной фабрике, не то в облпромсовете, точно не помню. При встречах со мной в городе такой был тихий.

Я прервал Громенко:

- Не знаю, чему ты удивляешься? Уж не воображал ли ты, что немцы поручат управление сельскими делами нам с тобой. Ясно, что они всякую сволочь собирают. Да и кто к ним, кроме сволочей, пойдет?

- Не в этом дело, Алексей Федорович. Я не о том хотел рассказать. Меня что потрясло. Ведь у нас здесь в лесу продолжается советская жизнь, и люди и отношения между ними - все советское. Я на несколько часов попал в село, которое знаю и считаю родным. Я даже не встретился с этой поганью. Одно лишь то, что всю ночь жена умоляла меня не говорить громко, не шевелиться, младенцу рот зажимала, сама тряслась... А под утро стала торопить - "уходи". Даже от этого, согласитесь, задохнуться можно. Перед кем меня заставляют трястись? Перед самыми ничтожными и подлыми людьми. Короче говоря, я получил реальное представление, что есть оккупация.

- Это правильно, - сказал я, - но все-таки не совсем понятно, о чем ты хотел со мной посоветоваться.

- О том, Алексей Федорович, что реставрацию капиталистических отношений мы ясно себе никогда не представляли. О том, что до войны в школах наших, в комсомольских и партийных организациях, в литературе нашей ненависть к капитализму прививали недостаточно. И тем самым к войне готовили недостаточно. Я вот, например, бросать гранаты умею, воинский устав знаю, противогаз изучил. Политически неграмотным меня считать тоже нельзя. Читал я много, люблю читать. Но писатели наши воображения моего не подтолкнули, ни в одной книге не показали, какой ужас эта реставрация капитализма... Вот потому-то я и завел этот разговор с бойцами.

То, что рассказал мне Громенко, для меня уже не было новостью. Я и сам по пути к отряду переболел этим. Правильно, нужно, конечно, нашим людям не только умом, но и сердцем понять, что за "новый порядок" несут немцы.

- И какой вывод вы сделали из сегодняшней политбеседы? - спросил я.

- Вывод такой, что жить при этой подлой системе невозможно. Надо действовать и как можно скорее. Мы, то есть наш взвод, решили просить по возможности быстрее направить нас для самостоятельной серьезной операции... Разрешите предложение, Алексей Федорович. Когда я рассказал своим бойцам биографию всей этой сволочи, которая распоряжается теперь в нашем селе, описал каждого, нам, знаете, захотелось их взять в оборот.

- Иначе говоря, вы хотите своим взводом совершить партизанский налет на это село, истребить там старосту, полицаев?

- Правильно.

- В порядке конкретной агитации?

- В некотором роде и это. Мне там все подходы известны. Я на обратном пути поговорил кое с кем из народа, нашел общий язык. Разведал обстановку. Для этой операции и времени и оружия немного будет нужно...

- Подумай, о чем ты говоришь, товарищ Громенко. Начал правильно. Сердце тебе подсказало, что необходимо действовать. Но что получается? Каждый командир поведет своих бойцов в свое село потому, что там месть конкретна, фамилии подлецов ему известны. Если действовать по таким признакам, мне придется вести вас всех в Лоцманскую Каменку под Днепропетровск.

- Товарищи будут очень разочарованы, Алексей Федорович. Мы уже продумали маршрут, наметили сроки, распределили обязанности. Ваш отказ многих обидит, товарищ Федоров. Ведь у ребят руки чешутся...

- И ты обидишься?

- Не в этом дело, товарищ Федоров. На мои обиды вы можете не обращать внимания. Но, согласитесь, что одно из преимуществ партизанской борьбы состоит в том, что мы действуем в своих районах...

Я объяснил Громенко, что задуманная им операция в планы командования не входит. Он возразил на это, что планы составляются людьми, что их можно менять. Он даже обвинил меня в недостатке решительности, в неумении подхватить инициативу масс.

Пришлось мне так хорошо начатую беседу прекратить. Пришлось в довольно решительных выражениях объяснить Громенко, что такое партизанская дисциплина.

Он ушел раздосадованным. Сказал на прощание, что я нетерпим к критике, что человек я нечуткий. Но приказу все-таки подчинился.

От этой беседы у меня осталось двойственное впечатление. Хорошо, что командиры наши - люди думающие. Очень приятно, что со мною они делятся своими мыслями.

Мне понравилась горячность, искренность Громенко. Понравилась его живая ненависть к оккупантам, жажда боевых дел. Но в то же время меня поразили и возмутили в нем наивность и легкомысленное отношение к партизанской борьбе.

Если бы один Громенко. Нет, многие вполне серьезные люди, руководящие работники и коммунисты не могли понять, что партизанский отряд - военная организация, а не добровольное общество, не артель по уничтожению первых попавшихся оккупантов.

*

Одной из главных задач, поставленных обкомом в то время перед коммунистами и комсомольцами, была борьба за строжайшую партизанскую дисциплину, против распущенности, расхлябанности, безответственности.

Пришлось кое-кому разъяснить, что и партизанское движение не может быть отдано партией самотеку, стихии. Строгая дисциплина, плановость, организованность, взаимовыручка между отрядами, между бойцами, высокие моральные требования к каждому партизану, а к коммунисту, к комсомольцу особенно высокие.

Коммунист везде коммунист. Ни в лесу, ни в подполье, ни в компании друзей, ни в семье - словом, нигде коммунист не имеет права распускаться, не имеет права забывать Устав партии и всегда, во всякой обстановке должен быть коммунистом.

В некоторых отрядах, особенно в тех, которые организовались уже после оккупации, возникла давно осужденная партией система выборов на командирские посты. В одном из небольших отрядов даже не выбирали на командирскую должность, а устроили нечто вроде лотереи: мерили на палке, кому стать командиром.

Обком осудил практику выборов на командирские посты и потребовал, чтобы все отряды, дислоцирующиеся на территории Черниговской области, были связаны с областным штабом и координировали с ним свои действия.

Одновременно обком вел работу по укреплению единоначалия и командирского авторитета. Слово командира - закон. Обком требовал пресекать немедленно всякие попытки митинговать по поводу уже принятых решений, обсуждать приказы командиров.

Партизаны - это свободные граждане оккупированных районов. Но это не свобода гуляния по лесам. Личную свободу

нельзя отделять от свободы всего советского народа. Партизаны нынешней войны должны рассматривать себя как бойцов Красной Армии. Мы говорили каждому партизану:

- В армию ты идешь потому, что тебя к этому обязывает Основной Закон Советского государства. И не забывай, дорогой товарищ, что Украина, хотя и пришел сюда враг, осталась частью великого Советского Союза. В партизанах ты потому, что тебя к этому обязывает совесть советского гражданина. Так будь же дисциплинирован по совести, по сознанию. То, что ты пришел добровольно, не снимает с тебя обязанности быть дисциплинированным.

Очень удивились некоторые товарищи такой установке. Что ж это, в самом деле, творится? Формы у нас нет, люди мы вроде штатские. Есть среди нас даже и невоеннообязанные. Старики или, к примеру женщины. Есть и подростки, чуть ли не дети. Выходит, и им следует подчиниться армейской дисциплине?

Мне доложили, что один ярый сторонник вольницы проповедует такие идеи:

- Я, - говорит, - может быть, нарочно при отходе Червоной Армии остался здесь, в лисе. Я, - говорит, - обожаю партизанщину, чтобы, значит, свобода - и никаких гвоздей! Что значит ты командир? Командир тот, за кем поднимется в бой народ! Партизана нельзя притеснять. Партизан, як зверь лесной, як волк. В стаю собирается, когда врагов надо бить, а после драки опять соби хозяин!

Вызвали этого "волка" в штаб.

- Так это ты серьезно говоришь, что остался в лесу по собственной, так сказать, инициативе?

- Я, - отвечает, - черниговец. Я дальше Черниговшины уходить не захотел. Решил мстить и биться только на своей родной земле.

- То есть как это не захотел? Выходит, что ты из армии дезертировал, так, что ли?

- Я по своему характеру в партизанах больше пользы принесу. Армейская дисциплина подавляет меня, як личность.

- Нет, ты отвечай на вопрос. Из Красной Армии дезертировал?

Защитник "свободы личности" слегка приуныл. Подумал немного, огляделся по сторонам, видит, - поддержки в штабе ни у кого не получит.

- Я, - отвечает, - не дезертировал, а только переменил род войск.

- Приказ об этом получил?

- Мне совесть приказала.

- А в каком звании эта самая твоя совесть, если она даже приказы Главного Командования отменяет? Сдать оружие и на

гауптвахту!

К счастью этого любителя "волчьей свободы", надо сказать, что со временем он совершенно изменился и хорошо воевал.

Обком требовал от каждого коммуниста, чтобы он воспитывал в партизанах любовь и уважение к Красной Армии. Каждый из нас был бы рад стать бойцом или офицером Красной Армии. Мы должны понимать, что партизанское движение есть следствие временных неудач Красной Армии, следствие временного превосходства вражеских войск, следствие того, что мы вынуждены воевать на своей территории. И когда Красная Армия при нашей помощи выбьет отсюда врага, мы будем радоваться и гордиться, что сможем вступить в ее ряды.

Товарищ, о котором я только что упомянул, пришел в партизаны из армии. Он знал, что такое воинская дисциплина. Мы ему только напомнили, что распускаться не следует. Большинство же партизан, особенно в тот первый период, состояло из людей гражданских, глубоко штатских. Им трудно было отрешиться от привычки критиковать и обсуждать. Трудно было переменить довоенные представления о самих себе.

Выяснилось как-то, что некоторые из наших бойцов всякими правдами и неправдами увиливают от несения караульной службы и от хозяйственных нарядов. Доложили об одном весьма почтенном человеке, что он ни разу не стоял на посту.

- Да, факт - признался товарищ. - Но ведь просятся: давай, Сергей Николаевич, мы за тебя постоим. Ты человек в летах, тебе трудно...

- Благородные какие люди!

- Да оно, это верно, благородные, только дорого, черти, дерут за благородство.

- Сколько же? Какая нынче такса?

- А это смотря за что. Вот, скажем, отдежурить у продсклада - жменя махорки или два ломтя хлеба. Чистить картошку на кухне - за это немного меньше берут.

- Неужели хлеба людям не хватает? А ты-то откуда лишний берешь?

- Да, видите ли, мне персонально хватает. Курить я только здесь, в партизанах, начал. Курю немного. И ем тоже помалу...

- Понятно, раз мало работаешь, значит мало и ешь.

- И это отчасти верно. Только в хлебе-то нуждаются главным образом новички, которые из окруженцев или беглых пленных. Они наголодались, пока бродили по лесу... Ну, просто, жалко людей. Честное слово, сами просятся.

Когда его выругали и наказали, обиделся товарищ.

Всех случаев нарушений дисциплины я приводить не

собираюсь. Хотя их было не так уж и много. Тогда, впрочем, и народу у нас было немного. И народ был хороший. Уже одно то, что все добровольцы, а большинство партизан еще до прихода немцев записалось в отряды, показывает, что люди хотели воевать не за страх, а за совесть. Большинство нашего областного отряда составляли индустриальные рабочие, партийные и комсомольские работники, люди, до конца преданные советскому строю. Позднее отряды пополнялись людьми, среди которых кое-кто не мог похвастать чистой совестью. Они кровью должны были смывать прегрешения перед Родиной.

В тот организационный период болезни наши были, пожалуй, болезнями роста. Их порождала неуверенность в себе, весьма смутное представление о сроках борьбы и оторванность от масс. Да, несомненно, оторванность была. Уже третий месяц отряд отсиживался в лесу, партизаны очень мало общались с населением, и жизнь и интересы населения оккупированных сел и городов им были мало известны.

Отрыв от масс, от народа мог стать гибельным для нас. Обком принял решение - ориентировать людей на продолжительные сроки партизанской борьбы. Чем скорее Красная Армия перейдет в наступление и очистит нашу область от немцев, тем лучше. Пока же надо прекратить разговоры о сроках, не переживать, не думать о том, как продержаться, а действовать.

Обком дал указание штабу подготовить серьезную наступательную операцию. Она должна стать испытанием всех качеств наших людей и нашей организации.

*

По заданию обкома, была послана группа товарищей в село Савенки. Группа должна была, выполняя решение обкома, связаться с населением и провести агитационно-массовую работу.

Я тоже поехал. Впервые в условиях оккупации я принимал участие в собрании крестьян. Вероятно, потому оно и запомнилось так хорошо. Позднее мне часто приходилось выступать на подобных собраниях крестьян с докладами. Но в то время все было ново.

Мои спутники тоже говорили, что странное чувство неуверенности, даже волнения было у них. Опасно? Нет, мы знали, что больших сил враг поблизости не имеет. Предварительно была разведана обстановка. Наши люди коммунисты-подпольщики и живущие в Савенках активисты - заблаговременно оповестили народ, расставили кругом дозоры. И все же мы волновались.

Беспокоило, конечно, своеобразие обстановки и новизна. Как-

то нас примут? Как проводить такое собрание? Даже организационные вопросы - и те были не ясны. Следует ли, например, придать торжественность такому собранию? Нужен ли президиум? Были среди нас сторонники торжественности: это, мол, усиливает впечатление.

Еще важнее было - верно определить главную тему дня. До войны каждое собрание посвящалось конкретным вопросам. Обсуждение производственного плана колхоза, итоги социалистического соревнования бригад и звеньев, отчетный доклад правления, подписка на заем... Да мало ли что. Если даже приезжал лектор с докладом о международном положении, колхозники заранее знали, о чем будет идти речь, готовили вопросы.

Мы же ехали, так сказать, вообще: познакомиться, поделиться новостями, узнать настроение народа. Разумеется, главными вопросами дня были непримиримая борьба с оккупантами и поддержка партизанского движения. Но предложить конкретный план действий савенковским колхозникам мы еще не могли.

Подъехали на конях к школе. В большом зале уже был подготовлен стол, накрытый красной скатертью. Портрет Ленина - над столом. Два каганца скупо освещали помещение. Организаторы извинились: "Керосину взять негде, заправили каганцы воловьим жиром".

Народ собирался не сразу, входили по одному, по два. Некоторые считали нужным делать вид, что забрели случайно, на огонек. Другие, напротив, входили с подчеркнутой решимостью: ступали твердо, смотрели прямо и говорили громче, нежели следовало.

Девушки и молодые женщины долго топтались у входа, шушукались, заглядывали. Их звали, они отнекивались. И только потом, когда уже собрание было в разгаре, они все потихоньку вошли.

Наш комиссар Яременко сказал:

- Сейчас я предоставлю слово командиру партизанского отряда и секретарю подпольного обкома... Фамилию не стану называть по причинам конспирации, иначе говоря, тайны...

Я поднялся, хотел, начать, но в зале почему-то раздался смешок, другой. Некоторые просто громко рассмеялись. Что такое, почему?

- Да це Федоров!

- Ну да, Федоров.

- Яка така тайна? Это Федоров! - крикнул кто-то из задних рядов.

Яременко нахмурился, а я рассмеялся. И появилось теплое,

доброе чувство к этим людям. Может, именно потому, что в такой обстановке, в такое время, но стало все как-то сразу просто и задушевно.

Я коротко рассказал, кто такие партизаны, как и за что они воюют. Передал содержание последних сводок Совинформбюро. Слушали очень жадно. Когда я закончил, Яременко обратился к собранию:

- Вопросы есть?

Первым крикнул из дальнего угла какой-то молодой парень:

- Товарищ Федоров, расскажите, як вы на собрание старост в Припутнях один ходили.

- Положим, не один, а вдвоем мы ходили... А ты от кого слышал?

- Та хиба ж я знаю. Гуторит народ. Кажуть, самого бургомистра убили та пять полицаев.

Удивительно быстро распространялись среди населения истории о партизанских подвигах. Ничего особенного, как читатель уже знает, в Припутнях не произошло. Однако и этот маленький эпизод разнесла и преувеличила народная молва.

- Нет, - сказал я, - с рассказами подождем.

И сразу меня поддержало несколько голосов:

- Что же, товарищ Федоров артист тебе рассказывать?

- Не балакать приехали!

- Лучше ты расскажи, почему не в партизанах...

Парня зашикали.

Он смущенный сел. И начались вопросы. Серьезные вопросы, на которые мне было нелегко отвечать. Я и сам многого не знал.

В вопросах этих были все чаяния и думы крестьянства. И задавали их, не стесняясь, от всей души. Обращались, как я понимал, не ко мне, а к партии.

Высокий пожилой крестьянин, весьма мрачного вида, так и выразился:

- А що, товарищ Федоров, Коммунистическая партия думае насчет других держав? К примеру, Америка? Як та буржуазна Америка от души нам помогае, чи за пазухой з каминням? И що Япония - не нажмет с Дальнего Востоку?

- Ишь куда глянул Сидор Лукич! - с восторгом, не то с насмешкой воскликнул его сосед по скамье.

- Нет, це дило... Це важна справа.

- Не мешай, дай товарищ Федоров объяснит.

- А як там самолеты наши будут еще? Урал та Сибирь работают?

- Товарищ Федоров, запишите еще вопрос: с расчетом мы отступаем чи просто бежим?

Неожиданно через гул густых мужских голосов прорвался тоненький детский голосок:

- Дядя начальник, а мени можно спросить? Как мени одиннадцать рокив, я в третий класс перешел, чи будемо мы учиться в нимецьких школах, чи будемо при батьках та партизанах?

Все рассмеялись, но мальчик будто сигнал подал: пошли вопросы жизни самого села. И говорить стали тише, плотнее придвинулись к свету, будто собрались члены тайного общества. Усатый, крепкий старик почти шепотом спросил:

- Вот вы скажите, як мы будемо? Положим, прийдет завтра нимець, чи там каратель, чи на заготовку продуктов... И одного из тех нимцив становят ко мне на квартиру. Про меня ему известно, что я тихого поведения и не партизан зовсим и не комсомолец, а так старый, мирный селянин...

- Ты давай, Степан, швидше.

- Постой. Так вот, товарищ командир, стоит у меня нимець, а може два. Так вы мне яду дадите, динамиту, чи просто топором рубать сонных?

Я улыбнулся, но поторопился спрятать улыбку. Односельчане поняли вопрос старика совершенно серьезно и ждали серьезного ответа.

- В зависимости от обстановки, - ответил Яременко.

Но ответ этот не устроил собрание. Взоры обратились ко мне. Пришлось пораскинуть умом.

- Динамиту, а вернее толу, мы вам на двух немцев не дадим. Его у нас мало. Ядом их тоже всех не отравишь, да его у нас и вовсе нет. Но против такого лютого врага всякое оружие пригодится. Во-первых, каждого, кто хочет всерьез драться с врагом, мы зовем в отряды. Во-вторых, вы можете и тут, на месте, оказать нам немалую поддержку: сообщением разведочных данных; при случае спрячете нашего связного... Если же нам придется громить в вашем селе гарнизон немцев или отряд карателей... Тогда, надеемся, пустите в ход и топоры, и камни. Как, товарищи, поддержите?

Общий одобрительный гул был ответом на мой вопрос.

Член правления колхоза Мария Хавдей, женщина лет сорока, спросила:

- Мы, товарищ секретарь, приучены в последние годы не поодиночке, а колхозом решать. Правление у нас и теперь есть. И хлеб колхозный тоже есть. Не беспокойтесь, он крепко захороненный. Одна яма, что нам на трудодни, а другая яма - то хлиб державный, мы его должны сдать по заготовкам. Так кому сдавать? Сами вы приедете, то есть хозяйственники ваши, или

нам везти? У нас коней нимци почти всех забрали...

- Хлеб надо раздать населению.

- Так то ясно. Я не про той хлиб говорю, что на трудодни. А про той, что государству, Червоной Армии полагается. Мы вчера на правлении решили, как быть. Урожай собрали дуже богатый, хлиба каждому и на трудодни много следует. Нимцю продавать?.. То несекрет - есть таки подлюги, кому хочешь продадут, лишь бы гроши. Так нимець, вин куплять не станет. Вин свое дело знает - тычет автомат до грудей: "дай", свои-то: заработанный и то отнимут. Куда уж государственный раздавать... Вот мы и постановили: кто есть теперь наша власть, наша держава, наша Червона Армия? Ясно партизаны. Значит, и хлиб, что держави следует, - партизанский хлиб.

- А не жалко?

- Да нет, той хлиб нам тилько мешает: нимцив привлекает. Им як донесуть, что излишки народ прячет, враз и прикатят.

Это, конечно, было верно. Ход мыслей логичен, логика - глубоко советская. И все же было ясно, что правление артели подготовило к нашему приезду подарок. Очень ценный подарок.

Рано или поздно наши продовольственные запасы истощатся, в некоторых отрядах уже истощились. Вырастал серьезный и щекотливый вопрос: где брать? Конечно, главным источником должны стать немецкие склады и обозы. Но временами нужда заставит прибегать и к помощи населения. Крестьянству, да и нам самим, важно придать этой помощи законный характер. Особенно же приятен подарок савенковцев тем, что раскрывает новые душевные качества советского крестьянина, социалистические качества.

- Мы не откажемся, - сказал Яременко, - спасибо. А как передать нам зерно или сохранить для партизан, мы сообщим вам особо. Но только хранить его следует так, чтобы при угрозе налета немцев можно было немедленно его уничтожить.

Собрание длилось больше двух часов. Задавали множество самых разнообразных вопросов, всех не передашь. И лишь один человек повел в волчью сторону: худощавый, плохо одетый дядька лет пятидесяти, с острым, внимательным, но не прямым взглядом. Он спросил, как бы очень доброжелательно, по-семейному:

- А позвольте до вас обратиться, чи вы украинец будете?

- К чему это? - насторожился я.

- Да так... Призвище* ваше - Федоров, а с лица вроде наш...

_____

* Фамилия.

- Русский, - сказал я (хотя на самом деле считаю себя

украинцем). Это разве дело меняет? Как это понимать: наш - не наш?

- Та ничего, - уклончиво ответил он и прикрыл рот, симулируя зевок.

- Нет уж, продолжай, пожалуй. Начал, так веди свою линию.

И тот мрачный крестьянин, что спрашивал об Америке, видимо, сверстник этому, повернулся и очень зло Крикнул:

- Давай, давай, выкладывай, выворачивайся! Чего хоронишься?

Дядька не смутился. Щурясь то на меня, то на своего сверстника, то повернувшись ко всему собранию, он медленно начал:

- Можу и сказать. Я так гляжу. Украина вся пид нимцем? Вся. А что теперь нам тут про партию думать? Оставили Украину, так и тикайте з ней. А мы и сами с нимцем чи справимось, чи...

- Сговоримся! - крикнул старик. - Ты, сучья душа, рад сговориться. Ишь, щирый який выискался. Вин за всю Украину балакает. Я тебе вот что скажу, иудина твоя кровь, не про Украину ты мечтаешь, а про гроши. Як ты глядел с молоду в куркули, так и теперь. Свободна торговля тоби нужна. Та своя землица, та наймытов* с десяток. А то - Украина... Да ты меня пид ребра не толкай, - он резко обернулся к стоявшей рядом с ним женщине. - Я его не боюсь. Против колхоза пойдет, к нимцам побежит, так мы его живо на сук.

_____

* Батраков.

- Це не можна, - ответил дядька. - Свою людыну я николы не выдам. Да и сор с хаты не вынесу. Я ж тильки вопрос... Верно, товарищ Федоров, це дружна розмова?

Он еще что-то шептал, но вдруг осекся, хрипнул и скрылся в темноте. Послышалась возня в задних рядах. Ему, должно быть, зажали рот и от одного к другому передали вроде как мешок. Его никто не ударил, просто удалили из помещения. А на улице, кто его знает, что с ним стало.

Перед концом собрания опять выступил тот усач, что спрашивал топором или динамитом. Начал опять-таки с вопроса:

- Вот к чему у меня еще интерес: что ж мы будем, товарищи партизаны, робыть, колы нимець наше село сожжет?

- А ты, Степан, не каркай! - крикнули ему.

- Помолчите. От, не дадут человеку высказаться. Я и сам собьюсь. А что нас нимець будет палить, так це точно. Колы волк есть, так ему надо есть. На это я вам, товарищи партизаны, скажу - не горюйте. Це вийна. Це така вийна, что нет хуже... На вопрос свой я сам отвечу: мы на все подготовимся - на пожар, на люту

смерть, на кровавы пытки. На одно не годимся - под нимцем жить, его плуг тащить. Так и Москве передайте, товарищ Федоров.

- Спасибо, друг, от всей души партизанская благодарность... Только вот беда, радио у нас пока, того... передать в Москву еще не можем...

- Це уже ваша забота, як передать, - он лукаво усмехнулся. - Сердце сердцу весть дает.

*

29 ноября Яременко разбудил меня часов в пять утра.

- Алексей Федорович, стреляют! Вставайте, Алексей Федорович!

Еще накануне было известно, что довольно значительная разведывательная группировка немцев предприняла наступательную операцию против Перелюбского отряда. Отряд вынужден был отойти в глубь леса. Его командир Балабай просил помощи. Но ему был дан приказ - держаться во что бы то ни стало.

Кстати сказать, отряды хотя и были, согласно приказу, слиты и именовались официально взводами, но пока стояли по своим старым местам и называли их по привычке отрядами.

Областной штаб готовил план разгрома значительного гарнизона немцев. Не в наших интересах было раньше времени демонстрировать врагу свои главные силы. Потому-то Балабаю и было отказано в поддержке.

План операции разрабатывался в тайне. Знало о нем всего, несколько человек. Настроение же у нашего народа за последние дни резко ухудшилось. В самом деле, до этого хоть и небольшие, но все же были дела. Хоть и не всегда удачно, но ходили на дорогу стрелять проходящих немцев и взрывать мосты. А тут пришел к руководству новый командир и занимается культурно-просветительной работой, стрелять учит. А немцы - они не спят; немцы только и ждут случая. Вот в такой обстановке начался незабываемый день 29 ноября.

- Слушайте, слушайте, Алексей Федорович, - повторил Яременко после того, как понял, что я окончательно проснулся.

В землянке, кроме нас двоих, никого не было. Попудренко давно, конечно, вскочил и побежал выяснить, что случилось. Другие члены обкома тоже вышли.

Выстрелы не повторились. Я оделся, взял оружие. В этот момент открылась дверь, и в землянку ввалились Попудренко, Капранов, Новиков и вместе с ними весь занесенный снегом начальник отделения разведчиков Юрченко. Он задыхался, то ли от быстрой ходьбы, то ли от волнения.

- Ну, говори толком, ты стрелял? - тормошил его Попудренко.

- Погодите трохи... Тут все свои? То есть новичков нет?

- От, чертова душа! - воскликнул Попудренко. - Крутит, мутит, слово из человека не выжмешь! Говори, наконец, ты стрелял? - Юрченко кивнул головой. - Зачем стрелял, зачем в лагере тревогу вызвал?

Еще с вечера группе Юрченко было дано задание разведать лес в сторону села Самотуги. Ничего удивительного в том, что он встретил на своем пути немецких разведчиков, не было. Подумаешь, постреляли немного. Юрченко был человеком не робкого десятка. Не отзвуки отдаленной перестрелки взволновали лагерь. Нет, но все дело было в том, что раздалось несколько выстрелов уже тут, чуть ли не рядом со штабной землянкой.

- Виноват, товарищи командиры, - выдавал, наконец, из себя Юрченко. От волнения в воздух разрядил пистолет...

- Чего ты волновался? - спросил нетерпеливый Капранов.

Но я его прервал, попросил лишних выйти. В землянке остались только Попудренко, Новиков и я с Юрченко. Он продолжал тяжело дышать и никак не мог найти нужные слова для рапорта. Я ему дал немного спирту, и он смог, наконец, выговорить:

- Ой, товарищ командир, Алексей Федорович, предатель у нас. Ей богу, предатель. Вот вызовите ребят, они скажут.

- Стой, где твои ребята? Товарищ Новиков, прошу, сейчас же разыщи их и прикажи молчать, пока не разберемся...

- Ох, верно, могут растрепать... - согласился Юрченко.

Он был молодым командиром отделения. Не подумал, что сведения такого свойства надо держать в тайне. Не предупредил своих бойцов. И те, действительно, уже успели разнести новость по лагерю.

Юрченко доложил, что километрах в трех его группа заметила нескольких немцев. Они двигались в нашу сторону.

- Мы открыли огонь, они ответили, но тут же, гады, бросились тикать... Светло было от луны. Мы средь немцев заметили... будто из отрядных хлопцев с ними есть...

- Кто, говори прямо!

- А як вы думаете?

- Да брось ты загадки строить!

Юрченко не для игры говорил уклончиво. Так же, как мы, он надеялся на ошибку. Противно узнать, что кто-то из людей, которым доверяли, мог предаться врагу.

Но когда Юрченко назвал фамилию, мы уже не сомневались. Я мог бы ему ее подсказать.

Это был учитель из села Сядрино - Исаенко.

Юрченко объяснил, что ребята заметили шарфик. Шарфик этот видели на Исаенко раньше, носит он его как-то особенно.

- Идите, - приказал я. - Идите и молчите. Никому ни слова.

Мне уже несколько дней назад докладывали, что боец Исаенко часто отлучается в Сядрино к отцу. Просит, конечно, разрешения, говорит, что отец нездоров, нуждается в уходе. Но потом пришли от подпольщиков села сообщения, что отец учителя пользуется благосклонностью немцев и полицаев: староста дал ему вола и двух баранов из конфискованного колхозного скота.

Я вызвал тогда к себе сынка. Доказательств его виновности у меня не было. Худенький человек лет тридцати. Голос вкрадчивый, движения неуверенные. Но следует ли по таким признакам судить о человеке? На мои вопросы он отвечал с преувеличенной готовностью:

- Я вам все расскажу, честное слово... Я вам сейчас объясню, и уж кто-кто, а вы меня, наверное, поймете. Видите ли, товарищ командир отряда, папаша мой глубоко религиозный человек. Он, так сказать, противник братоубийственной войны... Он со всеми до глупости мягок. Он немцев принимал просто вежливо. Возможно, что излишне вежливо. Офицерам, понимаете, это понравилось. Они его отблагодарили. Отказаться папашка не посмел. А теперь он стремится передать этого вола в вашу, то есть в нашу, в партизанскую пользу...

- Слушайте, вы-то все-таки учитель, должны понимать, что возня с "папашкой" может кончиться для вас плохо. Бросьте это. Бросьте!

- Разрешите, товарищ командир, я все понимаю, честное слово. Но зачем такие выводы? У меня есть идея склонить папашу к подпольной работе. Он, клянусь, патриот. Вы же знаете, что есть и священники, которые... Я даже уверен, что его внешнюю покорность следует применить для целей разведки. Как вы находите?

То, что он говорил, было разумно. Никаких проступков в отряде за этим Исаенко не числилось. Но чувство мне подсказывало: подлый тип. Что я мог сделать? Ну, не симпатичен он мне, голос, физиономия не нравится. Это же не доказательство виновности. Все-таки я его предупредил:

- Имейте в виду - частые отлучки из лагеря вам придется прекратить. Религиозного своего "папашку" оставьте в покое. В услугах его мы не нуждаемся.

Исаенко взяли под наблюдение. Несколько дней он никуда не ходил. И вот, пожалуйста...

Теперь все были уверены, что в лагерь он не вернется. Через час докладывают: вернулся и даже в том же шарфике. Может быть, думал, что его не узнали. Но, скорей всего, немцы его насильно послали: иждивенцы им не нужны. Конечно, его тут же доставили в штаб.

- Куда отлучались?

- Узнал, что отец при смерти. Побежал к нему...

Очень удобное вранье. Этим можно объяснить и свое волнение. Исаенко был бледен.

- Что ж у тебя - радиосвязь или как? Откуда ты это узнал? Давай бреши дальше.

- Специально прибегала сестренка. Ну вот... Я задержался у постели отца. Я сознаю, что это недисциплинированность и нужно было отпроситься у командира. Но после разговора с вами побоялся, что не отпустят. Заслуживаю взыскания, это я понимаю и даю честное слово, что я... Родственные чувства неуместны, когда...

- Один возвращался?

- Что? - Исаенко мгновенно оглядел землянку.

Окно очень маленькое, у двери Попудренко и Новиков.

- Тебя, сволочь, видели с группой немцев, - не сдержался Попудренко. - Вел, гад, к лагерю? Говори, вел?

- Нет, честное слово, я...

- Тебя восемь человек опознали... Выкладывай!

- Я скажу, я, конечно, скажу... Немцы были. Но только я их не вел. Они меня вели... Верьте мне. Я не вру... Они меня схватили, когда я возвращался...

- И потом вам удалось бежать? - спросил я.

- Да, потом я сбежал, - поторопился согласиться он. - Воспользовался суматохой и ускользнул...

Новиков вдруг ухватил его за отдувающийся карман, вытащил оттуда пистолет.

- А эту штуку немцы тебе на память оставили? Ах, ты... Всю правду! Всю немедленно!

Исаенко грохнулся на колени.

Через полчаса я отдал приказ: расстрелять перед строем. Это был мой первый приказ о расстреле предателя.

Новиков начал уговаривать:

- Зачем перед строем? Это произведет на людей тяжелое впечатление.

- Что ж, может быть, как у Балабая?

За три дня до этого случая в Перелюбском отряде тоже уличили в связи с врагом одного из новичков и тоже приговорили к расстрелу. Но привести его в исполнение публично не

решились. Прикончили предателя в землянке, когда он уснул, выстрелом в ухо. Конечно, были после того случая в Перелюбском отряде самые нелепые разговоры. Народу объявили: такой-то расстрелян за предательство. Но люди справедливо требовали открытого объявления приговора. Во всем, решительно во всем чувствовалось, что не хватает нашим людям военной прямоты, суровости. И не разозлились еще по-настоящему. Малодушие, мягкотелость - нет, это не годится.

Исаенко был расстрелян перед строем.

Через полчаса доложили, что из лагеря сбежал недавно принятый в отряд Василий Сорока, бывший секретарь старосты из села Козиловка. Его согласились принять потому, что он принес с собой несколько гранат и список семей офицеров Красной Армии, подготовленный старостой по приказу немцев... Слишком поздно мы поняли, что это уловка.

И начались шепотки по лагерю. "Третий предатель за несколько дней. Чего смотрят? Как это решились принимать людей со стороны?"

- Вот видите, - говорили сторонники Бессараба. - Мы предупреждали...

- Да вы поймите, - отвечали им люди более здравые, - это же не довод. По-вашему, если находятся предатели, значит, закрыть доступ в отряды всем честным людям, желающим бороться с немцами?

Но паникеры продолжали свою разлагающую работу. Пищи для нее все прибавлялось.

Из Корюковки, за двадцать два километра, прибежал весь растрепанный, с дикими, обезумевшими глазами комсомолец-подпольщик Николай Кривда. Он рассказал, что в местечко прибыл и свирепствует карательный отряд.

- Кидают гранаты прямо в людей, тащат, детей колют...

Разговор с Кривдой происходил не в штабе, а на поляне в присутствии многих. Кривда был очень возбужден, его долго не пропускали в лагерь. На заставе он тоже истошным голосом вопил, что вот, мол, "немцы терзают, мучают, они за мной гонятся, они сейчас сюда придут, пропустите немедленно к командиру".

Визг, крик - это в лагере ни к чему. А тут он еще такое понес, что у меня и у других товарищей закралось подозрение. Все мы после трех предательств были настроены недоверчиво. Впрочем, поверить Кривде и в самом деле было нелегко.

Он рассказал, что группа немцев подошла к его дому. В доме он один. Стучатся. Он закрыл ставни, забаррикадировал дверь и притаился с пистолетом.

- Они сперва прикладами в дверь стучали. А когда надоело, так кинули гранату, а может, и целую связку пид окно, аж дом закачался и все загорелось. Ну - пропал! Смотрю, задняя стенка посыпалась, обвал произошел и дыра на волю. Та стенка в сторону огорода. Я пролез в дыру и ползком, ползком к лесу. Так до вас и прибег...

Его взяли под стражу. Расходясь, народ говорил, что вот, пожалуйте, еще один провокатор... Все же направили в ту сторону разведку: четверых бойцов с помощником секретаря обкома Балицким во главе. Еще до возвращения Балицкого прискакал на взмыленном коне связной от командира Корюковского отряда Короткова.

- Со стороны Домашлина, - сообщил связной, - ветер гонит густой черный дым и видно пламя огромного пожара.

*

Тогда я жил и действовал со всеми. Не мог отойти и посмотреть глазами постороннего человека и на лагерь с его людьми и на самого себя. А вот теперь вспоминаю, вижу лагерь в тот проклятый день как бы со стороны.

Лес уже стал белым. Снег, хоть и не глубокий, лежит и на земле и на ветвях деревьев. Землянки - как небольшие холмики, их совсем незаметно. Чернеют только тропки. И ходят по этим тропкам между землянками люди с винтовками. Они собираются иногда в кучки, озираются по сторонам, тревожно шепчутся...

А в одной из землянок, такой же, как все, совещаются командиры. Уж который раз совещаются! Что они могут придумать? Ведь и они люди, должны понимать: сила солому ломит. Кругом во всех селах, во всех городах - враг. Сытые, хорошо одетые, здоровые немцы. Они ездят в автомобилях, они говорят по телефону, они спят ночами под крепкими крышами, в теплых постелях. Их тысячи, тут рядом, вокруг леса, тысячи. А надо будет - позовут еще, вызовут танки, артиллерию.

Командиры совещаются. К ним, к штабной их землянке наши постовые опять ведут человека - парнишку лет пятнадцати. Парнишка этот весь обледенел, он говорит громко, почти что кричит.

Люди выбегают из землянок.

- Что случилось, какая еще новость?

Начальники отмалчиваются. Ничего, бойцы все равно узнают. Спрашивают у постовых:

- Кто прибег?

- Кажется, из Козлянич. Фамилию назвал - Васюк.

- Это какой же Васюк?

- Федоровского адъютанта братеник...

- А чего мокрый?

- Говорит, вплавь. Говорит, плохи там дела. Прибыли каратели СС.

Снова кто-то заявился. И снова плохие новости. Хороших новостей совсем не стало.

Немного посмеялись, когда пригнали с лесной дороги возок. Заиндевевшая мохнатая лошаденка тащит кучу хвороста. Рядом с возком два старика. Вышли навстречу возку из своей землянки командиры. Стали расспрашивать.

- Кто такие?

- За хворостом...

Часовой перебивает:

- Да не слушайте их. Они с хворостом в лес едут.

- Простите, господин. Мы топор потеряли, так обратно поехали...

- Что ж это ты, двадцать четыре года при советской власти жил, а за три месяца оккупации забыл слово "товарищ"?

- Так бьют и староста и немцы.

- А что ж твой приятель без "господина" обходится? Или его не бьют немцы, своим считают?

Второй старик, усмехнувшись, говорит:

- У меня зубов нет. Хочу шказать гашпадин, а получается гашпадин. Шказал раз, так побили...

Раскидали хворост. Лежат под хворостом, обнявшись, худенький парнишка еврей и чернявая девочка лет шестнадцати. Оба закоченели, дрожат, молчат...

- Что ж это у тебя за товар, а, "гашпадин"? Рассказывай!

- А то верно, что вы партизаны?

И старики рассказывают. К ним в село прибежали вот эти двое. Комсомольцами называются. Брат и сестра Непомнящие. Они из Мены прибежали. Там тоже эсэсовцы. Там стреляют и вешают. Там насилуют девушек. А местные партизаны плохо вооружены... разбежались.

Переглядываются люди с винтовками. Хмуро посмеиваются. Они ведь тоже не очень вооружены...

Прибегают связные, возвращаются разведчики...

Немцы заняли Гулино. Кавалерийская группа под командованием Лошакова и Дружинина отступила в глубь леса без сопротивления.

Из Добрянки, за восемьдесят километров, пришла группа с Марусей Скрипка во главе. И в группе той Артазеев, парень очень смелый, так говорят все, кто его знает. Но и эти товарищи принесли печальные вести. В упорных боях разгромлен Добрянский отряд. Командир Явтушенко, он же и секретарь

райкома, погиб в бою. Председатель райисполкома Эпштейн тяжело, может быть, смертельно ранен.

Их из Добрянки семь человек. Они едят и рассказывают. Торопятся жевать и торопятся рассказывать. Всюду на дорогах немцы. На автомобилях и на мотоциклах и сотни верховых мадьяр...

Из Чернигова, из самого города, через своих людей по эстафете сообщают: группа товарища Толчко попала в лапы гестапо. Все после долгих истязаний расстреляны. Десятки виселиц в Чернигове. На одной висят мужчина и женщина, на их головах - мешки, лиц не видно. И прикреплены: к женскому трупу печатная надпись - Мария Демченко, а к мужскому - Федоров*.

_____

* Позднее стало известно, что немцы "вешали" так многих из тех,

кого знал народ. Просто заготовили заранее надписи и прикрепляли их к

трупам казненных. Меня, например, "повесили" три раза в Чернигове,

два раза в Нежине и, кроме того, "вешали" неоднократно в районных

центрах.

- Как же это? Ведь Федоров - вот он, перед вами. А Демченко не черниговская вовсе. Она в эвакуации...

Пожимают вестники плечами:

- Не знаем.

Вернулся из Корюковки со своими ребятами Балицкий. Правду, оказывается, рассказал Николай Кривда. В местечке немцы. Местечко горит. И дом Кривды на самом деле взорван, весь развалился. На обратном пути зашли разведчики туда, где стоял раньше Корюковский отряд. Землянки раскиданы, нашли семь трупов партизан. Где остальные? Ушли, а может, взяты в плен?

Идут, идут, ползут сюда, к заснеженным землянкам, в лес, люди со всех концов области. Только слышно: расстреляны, убиты, арестованы...

Лес ведь тоже не крепость. И не такой уж большой и густой...

Только наступили сумерки, а уже видно огромное зарево над Корюковкой. И в другой стороне - тоже красные облака.

Казалось, смятение, растерянность царили в лагере. Посторонний глаз не разглядел бы наступательного духа, продуманности действий, плана.

На самом же деле командиры хоть и давно совещались, но не спорили, а именно работали над планом операции. Конечно,

руководители, а среди них и я, не могли оставаться равнодушными, не могли спокойно относиться к таким донесениям разведчиков и связных. Но выход из создавшегося положения оставался лишь один: наступать.

Наш главный козырь был, как это ни странно, в самоуверенности немцев. Наши люди - разведчики и активисты из Погорельцев - сообщали, что гарнизон расположился со всеми удобствами. Много пьют, много едят, ночами устраивают веселые попойки, а спать ложатся - раздеваются.

Много их туда наехало. Человек пятьсот - не меньше. Было очень радостно узнать, что разведчики наши встретили среди погорельского населения сочувствие и желание во всем помочь. Только благодаря колхозникам Погорельцев на плане, который вычерчивал Рванов, появлялось все больше разведанных точек: штаб, пулеметные гнезда, стоянки автомашин, склад боеприпасов, склад горючего, квартира майора Швальбе и квартира лейтенанта Ференца.

Больше других помог нам Вася Коробко - четырнадцатилетний ученик Погорельской школы. Худенький, темноволосый крестьянский хлопчик. Он давно уже просился в отряд. Приходил несколько раз к Балабаю, уговаривал:

- Возьмите, Александр Петрович. Я любые испытания выдержу. Я ведь маленький, где угодно пролезу и не буду бояться никогда!

Но Балабай все же не решился взять его в отряд. Тогда Вася стал просить, чтобы дали ему хоть какое-нибудь задание. Ему посоветовали устроиться, в немецкой комендатуре. Она разместилась в здании бывшего сельсовета.

- Немцам сапоги чистить? - хмуро спросил Вася.

- Ты же сам сказал, что готов на любые испытания...

И он действительно подметал полы, чистил немцам сапоги, сумел расположить их к себе настолько, что его ни в чем не заподозрили, даже когда на двери самой комендатуры появилась листовка нашей лесной типографии.

Переполох тогда в Погорельцах поднялся ужасный. Немцы сорвали полы в пяти хатах. Они почему-то решили, что если типография "подпольная", то и действительно должна располагаться под полом.

Вася передал нам через Балабая подробнейший, нарисованный им самим, план Погорельцев. На этом плане хата, в которой жил комендант, была изображена в разрезе.

- Вот это кровать, - объяснил он. - На кровати лежит, головой к окну, сам комендант. Чтобы вы не перепутали, я нарисовал на его лбу свастику.

В ночь на 30 ноября к нам пришла пионерка Галя Горбач и, страшно волнуясь, рассказала:

- В нашей хате самый тайный нимець стоит. Офицер и денщик его, красивый, как офицер. Эти двое, когда другие спят, все шепчутся. У них особый чемайдан есть, они его от всех прячут. То закидают тряпками, то в подпол спустят. Вчера на конюшню тихо пошли, в навоз закопали.

- Что же ты думаешь в том чемодане?

- А я не знаю. И мамка не знает. Они шепчутся, а мы у окна стоим, слушаем. Только они по-нимецьки, непонятно.

Мы, конечно, поблагодарили Галю. И маме просили передать партизанское спасибо. Хотели послать с ней провожатого. Отказалась. Было ей не больше четырнадцати лет. Перед уходом попросила, и глазки ее разгорелись при этой просьбе:

- Дайте мени, колы не жалко, одну гранату. Одну-единетвенную. У Поли Городаш целых три есть, только она жадная. Мы с ней закадычные подружки, но ни за что не дает.

- А зачем тебе граната?

Она хитро улыбнулась:

- Люди балакают - у вас тех гранат сорок ящиков, а может, еще и больше. У вас они так лежат, а я кину...

Капранов восторженно расхохотался. Утирая слезы, он повторял:

- От це дивчина, от то партизанка!

Я подозвал его, шепнул, чтобы он дал девочке немного конфет. Он сразу стал серьезным.

- Немаеть, Олексий Федорович!

Пришлось повторить приказание. Он выполнил его нехотя. Странное дело, конфетам девочка не обрадовалась. Взяла, но, кажется, всерьез обиделась, что не получила от нас гранату.

Был очень большой соблазн сказать Гале, что скоро мы снова увидимся.

Вечером 30 ноября в лагере была поднята тревога: вступил в силу давно приготовленный приказ: всем взводам-отрядам сняться со своих мест и за ночь выйти для совместных действий к Тополевским дачам, в расположение Перелюбского отряда.

Погода нам благоприятствовала. Разыгралась ужасная метель. Луна поднялась только во второй половине ночи. Поход был очень тяжелым, но зато, как мы того и хотели, совершенно скрытным.

1 декабря в 12 часов дня в лесу Тополевских дач встретились партизаны четырех отрядов. Началось братание, поцелуй. Наконец-то произошло настоящее слияние. Теперь в объединенном отряде было около трехсот человек.

Но торжество скоро кончилось. Немцы не дали нам даже отдохнуть после тяжелого перехода. В 13 часов группировка противника силами до роты, прибыв на нескольких грузовиках, развернулась и начала прочесывать лес.

Конечно, этой ночью немецкая разведка бездействовала. Фрицы были уверены, что встретят здесь, как и раньше, маленький отряд Балабая. Соединенными силами мы в десять минут опрокинули врага. Оставив на поле боя шестнадцать человек убитыми, немцы бежали.

И тут выяснилось, что у нас много храбрых людей. Наши хлопцы контратаковали с лихостью. Особенно в бою этом отличился Артазеев. Он сперва стрелял из-за укрытия, а когда немцы побежали, поднялся во весь свой огромный рост и пустился их догонять. Ох, и зол же он был! Злость даже в фигуре выражалась: мчится по полю на длинных своих ногах и орет. Но не может догнать. И вдруг, видим, на полном ходу садится, как-то кувырком садится. Все решили: ранен. Но вот он опять бежит. Догнал двух фрицев и стал работать прикладом и штыком. Обоих уложил.

Потом, когда уже все собрались и делились впечатлениями, оказалось, что садился Артазеев, чтобы разуться. Мешали ему сапоги, велики были. Так он скинул их и по снегу босиком за немцами!

Был у нас боец Юлий Синькевич, скромный, тихий, и, правду сказать, все мы считали его трусом. В этой стычке он умудрился пристрелить трех немцев. Что с человеком стало! Он хлопал теперь по плечу Артазеева. Он даже есть стал больше и потребовал у Капранова двойную порцию спирта. А вечером, когда все плясали и пели у костров, Синькевич тщательно чистил свою винтовку.

Маленькая репетиция. Бойцы еще не знали, что им предстоит этой ночью. Многие удивились, когда им приказали в 10 часов засыпать снегом костры и немного поспать.

В 2 часа всех подняли. Каждая рота, каждый взвод и каждое отделение получили точное задание. В 4.30 все уже подползли к исходным позициям. В 5.00 Рванов нажал курок ракетницы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

Погорельская операция не относится к числу крупных или очень искусных в военном отношении. Просто внезапный дерзкий налет. Внезапный для противника. Мы же довольно долго провозились с его подготовкой. Я не уверен даже, что мы не допустили тактических ошибок.

Однако значение этой операции для нас было очень велико.

Впоследствии и командиры и бойцы вспоминали ее у костров, рассказывали о ней новичкам. Да и теперь, стоит нам собраться, непременно перебираем эпизоды этого боя. Участвовало в нем с нашей стороны двести сорок два человека. И каждый, кто остался жив, старается припомнить какой-нибудь эпизод. Ну и каждый, конечно, рассказывает немного по-своему. Попытаюсь передать и я, как сам помню.

Подползая к селу Погорельцы, волновались в то раннее утро больше всего командиры и члены обкома. Они понимали, что неудача - это почти провал партизанского движения в области. Если не провал, то очень большое отступление: надо будет начинать наново. На карту поставлено очень многое.

Вот как выглядела эта карта. Большое темное село в заснеженной степи. Через него проходит шоссейная дорога, пересекают село несколько улиц. Лес, тот самый лес, из которого мы два часа назад вышли, - в семи километрах. Светит поздняя, закатная луна. Мороз, небольшой ветер.

Группа, с которой были Попудренко, Яременко, Рванов и я, растянулась цепочкой по дну овражка. Всего нас в этой группе вместе с бойцами шестнадцать человек. А вокруг села, в разных местах, четыре группы двести сорок два партизана. Мы стараемся не только не говорить, даже не шептаться.

Наш командный пункт избран давно, он помечен в плане. Все бойцы, и командиры осведомлены о месте его расположения. Это бывший хозяйственный двор колхоза. Сломанная веялка, маховик от локомобиля, куча ржавых шестеренок, изношенный жернов.

Мы вглядываемся в стрелки часов. У всех они идут по-разному. Решено равняться на Рванова. До сигнала еще несколько минут.

Эти несколько минут самые напряженные. Мы смотрим в одну точку. В центре села над высокой хатой вьется дымок с искрами. Вьется мирно. Однако там штаб. Не только дым над хатой, все село выглядит так, будто и нет никакой войны. Но там свыше пятисот вражеских солдат и офицеров, прибывших сюда специально, чтобы уничтожить нас. Сейчас фрицы спят, храпят, почесываются. Это мы воображаем. Кто знает, возможно, они давно приготовились? Сидят в засадах и хихикают, ждут, когда мы дадим сигнал и поднимемся. В селе двенадцать человек знают, что в 5.00 Рванов выпустит в небо зеленую ракету. Если из двенадцати наших помощников один оказался предателем...

Рванов поднимает ракетницу, нажимает спусковой крючок. Но выстрела нет. И в ту же секунду в центре села раздается удар по рельсу.

- Сволочи, тревога! - не удерживается Попудренко и, конечно,

выскакивает из укрытия.

Я тяну его за кожанку назад. Второй, третий удар по рельсу. В селе почему-то по-прежнему тихо. Удивил меня в этот момент своей дисциплинированностью Рванов: ракетница отказала, а он только шепотом матерился. В селе раздается четвертый, пятый удар по рельсу... Рванов со всего размаха ударяет бойком ракетницы по жернову. С шипением и треском вылетает в небо зеленый огонек.

Нет, в селе никто не подымал тревоги. Просто аккуратные немцы отбивали часы.

Проходит секунда, две секунды, потом слышатся сразу несколько выстрелов. Поднялись, бегут к селу наши. Справа, у церкви, раздается взрыв. Огромное пламя освещает село. Это пламя все растет, наклоняется над Погорельцами. Теперь нам видны и немцы. Звенят стекла, белые фигурки сыплются из окон, падают. Начал цокотать немецкий пулемет, но тотчас захлебнулся. Сквозь треск автоматов и винтовок все громче слышен вой. Полуодетые немцы десятками бегут куда попало и орут, все, как один, орут. Их крик сливается в вой. Бегут и к нам, прямо на КП, штук десять этих воющих. Они орут два слова:

- Руссише партизан, руссише, руссише, руссише партизан!

Мы потом три года подряд довольно часто будем слышать этот вопль. Из подорванных танков, из горящих штабов, из разбитых вагонов будут бежать обезумевшие немцы и орать, как сегодня:

- Руссише, руссише, руссише партизан!!!

Пламя все разрастается: ребята из взвода Громенко подожгли склад горючего.

Тех немцев, что в горячке напоролись на КП, мы уложили всех до одного. А потом не выдержали и вслед за Попудренко пошли к центру боя, перенесли командный пункт на главную улицу. Здесь светло и оживленно. Горят автомобили. Прыгают с них немцы в горящей одежде. Бой затихает. Идем дальше, и вдруг я вижу: стоит на крыльце, в одном платье, вся освещенная пожаром девочка. Фу ты черт, да ведь это Галя. Она меня тоже узнала.

- Галя, - кричу я ей. - Уходи, давай прячься!

Она оборачивается ко мне и весело говорит:

- Так нимцив бильше нема - усе мертвяки.

Подбегает женщина:

- Идыть сюда, у мене в бане три нимця ховаются.

Но там уже все кончено. Наши ребята закидали баню гранатами. Стихают выстрелы. Я смотрю на часы - бой длится уже сорок минут.

Кричит Капранов, зовет народ на помощь. Надо собирать и грузить трофеи. Подбегает ко мне Новиков. Он узнал Галю.

- А ну, где твои красивые немцы с чемоданом?

Галя очень огорчена: они сбежали. Вместе с нами идет она по улице. Всматривается в скрюченные трупы. Их много. По специальному указанию их подсчитывают два бойца. И вдруг Галя бежит вперед.

- Вот он, тот самый, помогите! - кричит она и сама пытается стянуть труп огромного рыжего унтера с чемодана.

Большой дюралюминиевый, тисненный под кожу, чемодан с чехословацкой маркой. Балабай вскрывает его, как консервную коробку штыком. Дамские воротники, каракулевые шкурки, часы и даже шелковый трикотаж и бюстгальтеры аккуратно сложены в этом чемодане. Народ собирается вокруг нас. Это повод для митинга.

Поднимается на крыльцо хаты Яременко. Сбегаются со всех сторон партизаны и селяне. Бегут и женщины. Многие прибегают с хлебом и крынками молока.

- Вот что нужно от нас немцам, - говорит Яременко и поднимает, вываливает перед всеми содержимое чемодана.

Это действует сильнее длинной речи. Хохот, крик:

- От це вояки!

Среди партизан я вижу много новичков. Их можно отличить от наших ребят по вооружению. У наших на плечах и русское, и польское, и немецкое оружие, у новичков, погорельских крестьян, только немецкие и венгерские автоматы и винтовки.

Подходит Рванов:

- Пора давать отбой. Операция рассчитана на полчаса, прошло уже больше часа.

Но тут же подбегает наш фельдшер Емельянов:

- У нас трое раненых. Есть рана с переломом. Нужен гипс, но гипса нет... Я бегал в больницу, там засело несколько немцев с пулеметом.

Бой за гипс длился восемь минут. Из новой немецкой ракетницы Рванов выпускает белую ракету. Отбой. Партизаны сбегаются. Строем покидаем Погорельцы. И уже в поле, за полкилометра от села, крик, шум, взаимные объятия и поздравления. Все наперебой рассказывают, и даже стонущие раненые пытаются что-то рассказать.

Попудренко возвышается над всеми. Он на огромном и очень злом немецком жеребце.

- Разве это лошадь? Это - сволочь, - объясняет мне Попудренко и бьет жеребца кулаком по голове. - Осторожно, Алексей Федорович, отойди. Кусается, как крокодил.

По моей просьбе Попудренко со своего возвышения командует зычным голосом:

- Прекратить разговоры! Ускорить шаг!

Кто-то напевает "По долинам и по взгорьям". И вдруг выясняется, что ребята наши отличные, просто превосходные певцы.

Таково мое общее впечатление от операции. Конечно, в этой короткой передаче я не все смог рассказать. Несколько раз подбегали к нашему КП командиры групп. Рванов с возмущением доложил, что взвод Бессараба не сумел вовремя перекрыть дорогу, немцы ускользнули. Добрых три сотни немцев ушли в сторону Семеновки. Каждые десять минут связные докладывали о ходе операции. И я, и Рванов, и Попудренко давали оперативные указания.

Практические результаты были следующими. Уничтожены склады с боеприпасами, с горючим, вещевой, продовольственный. Уничтожено две пушки, девять автомашин, восемнадцать мотоциклов. Потери противника: убитыми свыше ста человек. Наши потери: трое раненых.

Боевую операцию по уничтожению немецких захватчиков в селе Погорельцы отряд провел с оценкой на "хорошо". Восемнадцати бойцам в приказе была объявлена благодарность. Особое внимание всего личного состава было обращено на героический поступок Арсентия Ковтуна.

Уже пожилой человек, до войны председатель колхоза, Арсентий Ковтун записался в отряд и ушел в лес еще до оккупации. Вместе с ним вступил в партизаны его семнадцатилетний сын Гриша. И отец и сын были зачислены в Перелюбский отряд.

Был Арсентий Ковтун человеком могучего сложения, спокойным, неразговорчивым. Называл себя солдатом и держался, как старый опытный солдат: в разговоры часто не вступал, на глаза командирам не лез, но всякое поручение непременно исполнит; одинаково хорошо почистит картошку, срубит дерево, выкопает котлован для землянки или приведет "языка".

В этом бою ему приказали бесшумно снять часового у штаба. Он подполз и обнаружил, что пост спаренный: два немца стоят на двух углах дома. Ковтун подождал сигнала. Когда ракета взвилась над Погорельцами, он кинулся на ближнего часового. Но тот успел выстрелить. Пуля разбила бинокль, висевший на груди Ковтуна. Это его не остановило. Он схватился с немцем врукопашную. Они свалились, и немец оказался сверху. Второй часовой прыгал рядом, не решаясь выстрелить. Как потом

рассказывал сам Ковтун, он нарочно держал немца на себе, чтобы второй не выстрелил.

А когда подбежали партизаны, Ковтун мгновенно сбросил с себя немца, вскочил на ноги и со страшной силой нанес ему удар прикладом по голове. Приклад разлетелся в щепы. Второй часовой сделал несколько выстрелов, пробил Ковтуну в двух местах шинель. Ковтун ринулся на него и заколол штыком. Тут подоспел и Гриша.

- Цел, батька? - спросил он взволнованно.

- Цел, цел, сынок, - ответил Ковтун, вырвал из оцепеневших пальцев часового винтовку и бросился в гущу боя.

Весь день после операции рассказывали партизаны об этом поединке. Сам же Ковтун помалкивал и, только уж когда очень приставали, давал солидные и точные ответы.

- А что, дядя Арсентий, тяжелый был тот немец, что на вас лежал?

- Вин не лежал. Вин на мени катался.

- Здоровый был?

- То, что здоровый, ладно. Дуже крепко вид него перегаром несло. Нажрался рому, язык, як той кобель, высунул, рыгает, икает - черт ти что...

- А как же вы приклад разбили? Неужели голова такая крепкая была?

- Так на ней же каска. И голова тоже тяжелая. Ну, и винтовка у меня была польская. Качество не то...

Когда мы отошли от Погорельцев километров за пятнадцать и совсем уже рассвело, слышим - там опять стрельба. Минометы, пулеметы, а потом артиллерия; штук десять снарядов разорвалось. Разведчики приходят, докладывают:

- Немцы с немцами дерутся. Из Семеновки пришло подкрепление погорельскому гарнизону. Те, что в Погорельцах остались, решили, что это опять партизаны, и открыли огонь. А семеновские немцы тоже сообразили, думают партизаны укрепились в селе. Стали выбивать их артиллерией. Полчаса бились.

- Так пускай всегда воюют, - сказал наш именинник Ковтун.

С тех пор так и пошло. Если удавалось нам стравить немцев с немцами, мадьяров с немцами или полицаями, все говорили:

- Так пускай всегда воюют!

Мы вернулись в тот же лес, где располагался до погорельского боя областной отряд. Там, где раньше жили сто человек, теперь разместились триста с лишним: все взводы, да еще погорельское пополнение. Стояли морозы, часто дул свирепый, ледяной ветер. Зима только начиналась. Впереди были еще более сильные морозы, да и с продовольствием становилось хуже, запасы приходили к концу.

Но людей будто подменили. Подтянулись люди. Быстро и охотно выполняют все приказания. Идешь вечером мимо костров, ребята разбирают немецкие винтовки, автоматы, пулеметы, осваивают вражескую технику.

- Правильно, товарищи! В ближайшем будущем никто оружия нам не даст. Боец Кривда, отвечай на вопрос: кто главный поставщик украинских партизан?

Поднимается Кривда, берет под козырек:

- Гитлер!

- Отставить, плохо знаешь предмет, боец Кривда. Мальчик, а вы что скажете?

Разведчик Малах Мальчик на самом деле уже старик. Ему около семидесяти лет. Он с 1917 года в партии, бывший лесник, бывший плотник, верткий, ловкий, расторопный, на все руки мастер. Он пришел в партизаны вместе с двумя взрослыми сыновьями, дочерью и зятем. Сейчас он разведчик. В лесу он, как дома. В любом селе у него друзья.

- Главный наш поставщик, Алексей Федорович, - отвечает он, усмехнувшись, - партизанская отвага.

- Нет, - перебивает его Семен Тихоновский, большой охотник на выдумки и сказки. - Главный партизанский поставщик - це буде уверенность. Уверен ты в победе - и добудешь, и достигнешь, и сто лет после войны проживешь.

- Ишь, якой уверенный выискался.

- Ну, а як же! Ты про то слышал, як партизан с нимцем про окружение спорили?

- Расскажи, Семен Михайлович!

Тихоновского не надо упрашивать.

- Ну, встретились нимец с партизаном. Нимец и говорит: "Сдавайся, бо я тебя окружу и уничтожу". А партизан отвичае: "Ты есть глупый попка и больше ничего. Як ты меня окружишь, когда ты весь как есть окружен и деваться тебе больше некуда?" Нимец: "Ха-ха-ха, - а сам оглядывается. Я, - говорит, - до Урала дойду, меня фюрер ведет", - а сам опять оглядывается. "Как же ты окружить можешь и победить, - говорит опять партизан, - когда ты все головой вертишь? Зыр, да зыр назад? А не оглядываться тебе тоже нельзя, бо со всех сторон глаза человеческие тебя окружают, и гнев в тех глазах и смерть твоя". Нимец як завопит: "Молчать, а то убью!" - а сам не выдержал - опять оглянулся. Партизан его тут и стукнул.

Ходишь так вечером от костра к костру, слушаешь партизанские разговоры, смотришь вокруг. Как все переменилось! Каких-нибудь два дня назад люди были унылыми, молчаливыми, и в каждом взгляде встречался вопрос: "Что дальше?"

Странное дело - даже лес не тот. Красивый, оказывается, лес. А вечером, при свете костров, просто великолепный, можно сказать, величественный пейзаж. Воздух свежий, лица у всех румяные, хохот, гам, шум. Кто борется в снегу, кто песню запевает, поднимается пар над котлами, скоро будет ужин.

Подхожу к костру, возле которого сидят молодые черниговцы, большей частью рабочие ребята. Сажусь с ними, они выжидающе молчат.

- Что, ребята, устали? Намучились в бою и переходах?

- Нет, товарищ Федоров, у нас порядок. Музыки только не хватает и надо бы песню свою, партизанскую.

- Так что ж, займитесь, сочините. Или будем ждать, пока из Москвы поэта к нам командируют?

- Это бы тоже не вредно. Но мы и сами постараемся. Придумаем. Обязательно, товарищ командир, напишем!

- Алексей Федорович! - ко мне обращается краснолицый, здоровый парень с чубом, лихо зачесанным на шапку, - у нас тут спор вышел. Помогите разобраться...

Кое-кто улыбнулся. Некоторые не удержались, прыснули смехом.

- Да брось ты, Николай...

- Заткните ему рот...

- Нет, - продолжает здоровяк, - я скажу. По-моему, с

командиром, а тем более, с партийным руководителем, можно обо всем посоветоваться. У нас тут, товарищ Федоров, один друг во время боя...

Парнишка лет девятнадцати в Длинной железнодорожной шинели вскочил, набрал в грудь воздуху, видно, хотел что-то сказать, но лицо его залилось краской, глаза обиженно заморгали; он махнул рукой и убежал в лес. Все так и грохнули хохотом.

- Видели партизана, товарищ Федоров? Это тот самый друг. Он в Погорельцах, во время боя, лег за колодой и минут пятнадцать огородное пугало расстреливал. - Ребята опять рассмеялись. - Точно, честное комсомольское, не вру. Люди по врагу стреляют, а он переводит патроны. Только тогда успокоился, когда палку пулями перешиб и чучело свалилось в снег.

Парнишка в железнодорожной шинели, видно, совладав с собой, вышел из-за деревьев, подошел к здоровяку и поднес к его лицу кулак.

- Ты не думай, - с жаром воскликнул он, - что если большой вырос, так все тебе можно. Я тебе, Николай, этого никогда не прощу... Слушайте, товарищ Федоров, я объясню. Теперь уже все равно... У меня близорукость... Но ведь я в депо работал слесарем, мог работать.

Здоровяк схватил его руку и, давясь смехом, сказал:

- В том-то и дело, что там ты в очках работал. Признавайся - на обмане в партизаны попал. В армию тебя не взяли, вот и надо было эвакуироваться. Там бы ты был на месте. А то, видите ли, он книжек начитался про партизан. Куда конь с копытом - туда и рак с клешней!

- Врешь, не в книгах дело. У меня, если хочешь знать, отец... У меня, товарищ Федоров, отец погиб на фронте и сестренка изуродована во время бомбежки... Он все это знает, товарищ Федоров, он со мной вместе работал. А теперь высмеивает. Это, я считаю, не по-комсомольски!

- А где же твои очки? - спросил я слесаря. - В очках ты, верно, стрелял бы получше?

- Я их, когда верхом учился ездить, разбил. Вы Думаете, я один белобилетник? Знаете Данилу с музыкальной фабрики, маленький такой? У него туберкулез был в детстве, ему только год назад поддувание перестали делать. Так он в Погорельцах унтера уложил и двоих, наверное, ранил. Вы спросите его - он теперь, в лесу, лучше себя чувствует, чем в городе. И еще есть, мне это точно известно, не комсомолец, пожилой человек, с язвой желудка, тоже белобилетник. Все мы просились в армию

добровольно, не взяли... Но я могу воевать, честное слово. - Он сунул руку в карман и вытащил под общий смех три пары очков. - Это я вчера с немцев поснимал, но не годятся. У меня восемь диоптрий.

- Ничего, - утешил я парнишку, - рано или поздно подберешь нужный номер. Ты ему, Николай, помоги. В следующем бою обязательно подбей немца с подходящими очками. И на этом, давайте, я вас помирю. Может, и лучше... Как тебя зовут?.. Александр Бычков. Так вот, Саша, может, и лучше бы тебе эвакуироваться, но теперь поздно рассуждать. Воюй!

Подходит Бессараб. Он, видимо, слышал конец разговора.

- У нас, ватого, старик один сразу двое очков носил, - говорит он.

Бычков надевает на одни немецкие очки другие. Теперь он похож действительно на рака. Даже я не могу сдержать смех. Но Бычков больше не обижается. Он смеется со всеми и радостно говорит:

- Вижу! Отлично вижу! Снайпером буду, честное комсомольское!

Бессараб берет меня под руку и отводит в сторону.

- Хорошее, ватого-етаго, настроение у людей!

- А почему, как ты считаешь?

Задумывается, шевелит пальцами усы.

- Я так считаю, Алексей Федорович, объяснить это явление следует тем обстоятельством, что мы объединились и совместными усилиями ударили по врагу...

- Значит, правильно объединились?

Но Бессараб еще не закончил своей первой фразы. Он человек крайне самолюбивый. На данном этапе он считает нужным признать свою ошибку. Но хочет преподнести это признание, как подарок:

- Труд человека поднимает. Теперь мы потрудились. Поэтому, я считаю, и настроение у бойцов на уровне.

- Значит, правильно объединились?

- Момент выбрали правильный. В этот момент надо было, ватого, выступить с общими силами. Ясно?

На этом разговор с Бессарабом прекращается. Он и теперь в душе упрямо держится прежних своих взглядов. Но факты настолько очевидны, успех так разителен, что Бессараб временно отступает.

Сразу после Погорельской операции главным достижением мы считали общий подъем духа. Партизаны стали себя уважать, поверили в свою силу. Теперь то и дело слышны были разговоры о необходимости еще более дерзких, более крупных налетов. Но

успех был гораздо шире, серьезнее, чем мы предполагали.

Мы оценивали его со своих, лесных, партизанских позиций.

Прошел день, и стали к нам докатываться волны той бури, которую мы, сами того не подозревая, подняли вокруг.

В погорельском бою, как я уже говорил, принимало участие двести сорок два партизана. Кроме того, несколько жителей села помогало нам разведать вражеские силы, часть проводников, из тех, что показывали дорогу нашим ротам, тоже были жителями Погорельцев. После боя почти все они присоединились к партизанам и последовали за нами в лес. Но не только проводники и разведчики вошли в это новое погорельское пополнение.

В бою у нас было много помощников. Мы не знали их, не рассчитывали на них. Большинство так и осталось для нас неизвестными. Некоторые до конца войны держали эту свою помощь в секрете даже от друзей и близких.

Потом-то мы уж твердо знали: если ведем бой в населенном пункте, десятки безымянных помощников воюют вместе с нами. Бой увлекает, зажигает часто и робкие души. Когда немец бежит, вдогонку ему летят не только партизанские пули. Старухи швыряют в него из окон горшки, мальчишки из-за деревьев и с чердаков стреляют в него из рогаток. Инвалиды кидают под ноги костыли. Давно накопленная ненависть находит выход.

В погорельском бою мы впервые узнали об этих помощниках. Некоторые из них так разошлись, что, не скрываясь, вступали в драку. Хватали брошенное врагом оружие, стреляли, и вдруг выяснялось, что и ранили и убили нескольких немцев. Эти товарищи тоже пришли в отряд.

- Оставаться в селе нам нияк не можна, - не без сожаления говорили они.

Погорельское пополнение отряда было довольно велико - больше пятидесяти человек.

Но число это с каждым днем значительно увеличивалось. На следующий день после операции в наш лагерь пришло больше десяти добровольцев. Через день - двадцать два. И на третий день шли и на четвертый. Не только из Погорельцев. Люди шли из Богдановки, Олешни. Ченчиков, Самотуг. Старики и подростки, женщины, девушки, даже детишки двенадцати-тринадцати лет приходили и просили "записать в партизаны".

Во всех этих селах, расположенных в радиусе десяти-пятнадцати километров, в то раннее утро, когда в Погорельцах шел бой, люди высыпали на улицы, смотрели на зарево и слушали, с надеждой и трепетом слушали отзвуки боя. Стреляют пулеметы, минометы, пушки, рвутся снаряды. Все понимали, что

каратели не могли так разбушеваться. Прорвалась Красная Армия? Выбросили десант? Каких только предположений не строили.

У нас были тысячи зрителей и слушателей. И уж, конечно, мгновенно разнеслась молва. Без газет и без радио во всех ближних селах, да и в дальних тоже, узнали, что партизаны вышли, наконец, из леса и бьют немцев. Совсем недавно немцы и их ставленники повсюду трубили, что никаких партизан нет. "В лесах прячутся незначительные группы большевистских бандитов. Скоро их выловят и уничтожат". А теперь немцы бегут в панике, разбегаются по полям и шляхам в одних кальсонах... Шутка сказать, напасть на такой гарнизон! Нет, в лесах не маленькие группы, там сотни, а может быть, и тысячи партизан. У них и пулеметы, и минометы, и пушки!

Сами немцы теперь везде кричат, что на них напал мощный, хорошо вооруженный отряд. Нельзя же, в самом деле, сознаться, что гарнизон разбежался под натиском группы партизан.

В Черниговской области это было первое заметное выступление партизан. Оно показало народу, что есть у него защитники, есть мстители за поруганную его честь. Советские люди начали поднимать головы.

*

Мы укрепились в лесу. Чуть ли не ежедневно то с одной, то с другой стороны шли в атаку немцы, венгры; случалось, что они бросали против нас и вновь созданные полицейские части. Часов в десять-одиннадцать утра в лагере объявлялась тревога. Две или три роты отправлялись навстречу врагу: почти позиционная война.

Иногда мы производили налеты на гарнизоны противника. Не все, конечно, удачные, как в Погорельцах, однако весьма чувствительные. Создавалась видимость равновесия. Можно было думать, что оккупанты примирились с нашим существованием, согласились, что до поры лес - зона партизан.

Впрочем, мы скоро сообразили, что немецкое командование в тот начальный период сознательно не бросало против нас крупных сил. Немцы избрали провокационную тактику.

Вражеское командование было уверено, что оставшихся в лесах партизан оно сможет выловить и уничтожить в любое время. Первоочередной задачей оно считало организацию власти, полное порабощение населения. "Вселить ужас во всех, кто останется жить. Стук немецких сапог должен вызывать дрожь в сердце каждого русского" - такую задачу поставил гаулейтер Украины Розенберг перед солдатами оккупационной армии.

Но эта программа ужаса потерпела крах, как, впрочем, и все,

что придумывали выкрученные фашистские мозги. Немцы были в то время самоуверенны и наглы. Как-то приволокли наши партизаны в штаб "языка" унтер-офицера войск СС. Для допроса мы вызвали переводчика из роты Балабая - Карла Швейлика. Карл был уроженцем Украины. Его давно проверили - настоящий советский человек.

Во время допроса эсэсовец спросил нашего переводчика:

- Ты немец?

- Да, - ответил Карл, - я немец, но не одураченный Гитлером.

Эсэсовец, хотя и был связан, попытался ударить Карла ногой. И даже, когда получил оплеуху, продолжал плеваться и визжать.

- Дураки! - вопил он. - Вас всех поймают через две недели и повесят.

- Почему же через две недели? Сейчас что - кишка тонка?

- Вы пока что нужны нашему командованию.

Тогда мы расхохотались. Но в словах эсэсовца была доля правды. Оккупационные власти рассчитывали, что им удастся восстановить против партизан население.

Кое-где немцы сами создавали ложные партизанские отряды.

Оккупанты дали оружие отпущенным уголовникам, отъявленным бандитам, разрешали им безнаказанно грабить и убивать население. Единственное условие, которое им ставили, - всюду кричать, что они партизаны.

Это был хоть и коварный, но глупый план. На такую удочку попадались только очень наивные люди. Большинство населения безошибочно отличало настоящих партизан от провокаторов. Народ искал защиты от этих бандитов не у оккупационных властей, не у полиции, а у нас.

С помощью населения наша разведка установила, что одна из таких банд находится в хуторе Луковицы, Корюковского района. Взводу под командованием товарища Козика и моему помощнику по обкому товарищу Балицкому было поручено уничтожить провокаторов, именующих себя партизанами.

Их захватили врасплох. Разоружили и вывели на улицу хутора. Все население собралось смотреть, как будут судить бандитов. Балицкий прочитал народу листовку обкома "Кто такие партизаны". Тут же раздали пострадавшим все награбленное имущество, которое нашли у бандитов. А их всех до одного расстреляли в присутствии жителей.

После Погорельской операции гарнизоны окружающих местечек и сел получили значительные подкрепления. По данным нашей разведки, противник сосредоточил вокруг Рейментаровского леса до трех тысяч солдат. Они не спешили воевать с партизанами, предпочитали более легкую "работу"

расправу с населением.

Запылали села. В своих плакатах и листовках немцы писали, что "уничтожают партизанские гнезда". Каратели врывались в село, выгоняли всех из домов. Тех, кто сопротивлялся или задерживался, чтобы взять необходимые вещи, тут же расстреливали. Теплую одежду, велосипеды, патефоны, часы, деньги, драгоценности отбирали. Скот угоняли. Потом одну за другой поджигали хаты.

В ближайших к нам районных центрах - Холмах и Корюковке - появились бургомистры. Начали "работать" полевые и хозяйственные комендатуры. Прибыли и расположились в домах с глубокими и обширными подвалами гестаповцы. В курортном городе Сосница, там, где сливается Десна и Убедь, расположился со своим штабом начальник полиции левобережья Украины пан Добровольский. Во всех населенных пунктах срочно создавались полицейские команды и "выбирались" старосты.

Большинство старост, поставленных немцами, были злейшими врагами народа. Партизаны вели с ними борьбу, разоблачали перед населением, а наиболее подлых и жестоких безжалостно уничтожали, но случалось, что немцы, не найдя в селе явного предателя, вынуждены были выдвигать в старосты человека, недостаточно ими изученного, лишь бы не коммуниста и не очень активного сторонника советской власти. Поэтому раньше, чем предпринимать что-либо против старосты того или иного села, мы сперва узнавали у населения, что за человек. И если он оказывался хотя бы колеблющимся, подсылали к нему своих людей, старались склонить старосту на свою сторону.

Не всегда удавалось убедить колеблющегося активно действовать в нашу пользу. Но многие из них, под страхом народной мести, умеряли свой административный пыл, становились "добрее" и "справедливее".

Кроме того, мы старались с помощью разных хитростей поставить на должность старосты своего человека. Из первой книги читатель знает, что одним из таких ставленников большевистского подполья был Егор Бодько. Он был оставлен в Лисовых Сорочинцах заранее, прямо нацелен на эту должность райкомом партии. И теперь мы продолжали подбор новых людей для такой работы.

Как-то ночью, возвращаясь с обхода в штабную землянку, я услышал громкий смех Николая Никитича. Смеялся он всегда очень весело и заразительно. Открываю дверь, смотрю, он сидит у лампы с двумя стариками.

Взглянув на меня, Попудренко опять раскатился восторженным хохотом:

- Нет, ты послушай, Алексей Федорович. Вот депутация, так депутация!

Но старики, видимо, не разделяли его веселости. Один из них смотрел прямо-таки мрачно. Другой, увидев меня, поднялся и с обидой в голосе сказал:

- Колы мы дурны, так разъясните. Мы до вас за допомогою, за советом пришлы.

Попудренко сразу стал серьезным.

- Повтори, папаша, - сказал он. - Расскажи нашему командиру. Ты не обижайся. Дело, действительно, важное, и мы его уж как-нибудь решим. То не над вами я смеюсь... Просто нравится мне то, что вы рассказываете.

Старики переглянулись, и когда я сел против них за стол, угостил махорочкой, они начали рассказ:

- Мы с хутора Гута...

- Вы бы, товарищ командир, дали распоряжение, чтобы к вам полегче доступ был. Два часа нас на заставе держали. А дело спешное.

- Мы с хутора Гута, - повторил первый. - Был, приходил от вас, от партии, чи от партизан, агитатор. Той агитатор сводку читал, спасибо рассказал нам, яки дела на фронтах, як треба нимцив бить и обманывать.

Высокий такой, чернявый. Призвище его мы не знаем. Но говорит хорошо, за душу берет...

Как, значит, нимцев обманывать, щоб воны нас не дуже притесняли. Той агитатор нам сказал, что скоро придут к нам в хутор нимци старосту выделять. Вроде выборы будут делать. Так нам ваш агитатор сказал, чтобы мы зараньше чоловика средь нашего народа подыскали. Старосту, значит. Чтобы он, той наш чоловик, перед нимцами будто для них, а перед нами свой был. Так, Степан, а? - обратился рассказчик к своему спутнику и метнул взгляд на Попудренко: мол, чего тут смешного.

- Так, - ответил Степан. - Точно так. И еще вин сказал, чтобы той наш хлопец сам к коменданту пошел, вкрутил бы ему, будто вин куркуль, сочувствует нимецькому порядку. Так, Иван?

- Все так!

- Собрались мы человек семь. Стали друг друга уговаривать: пойди ты, Степан, пойди ты, Иван, ну тогда ты пойди в старосты, Сергей Васильевич! Все отказываются, - старик затянулся махорочным дымом и многозначительно помолчал.

- Да, - осторожно заметил я, - это дело сложное. Трудное дело. Надо так сыграть, чтобы немцы поверили. Иначе живо петля! Опасное дело! Очень смелый, самоотверженный нужен человек!

- Який вы кажете?

- Самоотверженный, говорю, нужен человек. Такой, чтобы и на смерть пошел за народ.

И я вкратце рассказал старикам о Бодько. О жизни, работе и героической гибели заместителя старосты из Лисовых Сорочинц.

Рассказ мой стариков увлек и растрогал. Помолчали они, а потом Степан сказал:

- Так-то вы правильно кажете. Смерть теперь не с косой, а с автоматом нимецьким ходит. Пропасть легко. Трудно с умом погибнуть. Тот товарищ Бодько, который в заступники старосты пошел, вин причину имел. Проверили точно, из партии исключен, можно такого чоловика к нимецьким дилам подпустить. Значит, смелость его с умом была. А у нас другое дело, товарищ командир...

- Вы, бачу, - перебил товарищ Степана, - думаете, что у нас боягузы все? Ни, це не факт. Нимци ж не таки дурни, чтоб любого на должность поставить. Они посмотрят, пощупают. Так и мы вроде как с нимецькой позиции своих людей пересмотрели. Сколько у нас в хуторе мужчин осталось? Ну, Еремея, того считать не приходится, умом тронулся чоловик. Василия Кожуха тоже из списков исключили. Тому главное в жизни - самогон. Без них, без умалишенных этих, сорок два чоловика...

- И народ ничего. Хороший, советского строя народ. Имеются покрепче, имеются послабже. Так мы бы поддержали. Не то беда, товарищ командир...

Тут Попудренко опять улыбнулся. Старики смолкли. Я взглянул на него, покачал головой. Он вышел из землянки.

- И що вин смиется? - сказал один из стариков. - Вот, я бачу, вы серьезно относитесь.

- Слухайте дале... Стало быть, собрались мы, несколько человек, вместе с бывшим председателем нашей артели. Стали народ разбирать. Кто из себя что представляет. Вроде, как по памяти каждому анкету заполняем: годится вин к нимцям в холуи, поверят воны в его солидарность, чи распознают и повесят.

- Хотели сперва Олександра Петренко!

- Вин головастый парень и молодой, сорока лет нема.

- Ревизионной комиссией колхоза правил. А еще до того, годков пятнадцать тому назад, в комсомоле один из главных был; член бюро чи што...

Я прервал стариков:

- Слишком заметный человек, нельзя, товарищи, такого. Это же моментальный провал...

- Так то мы и говорим. Нельзя, нияк не можна! Другого опробовали. Хижняка Андрия. Цей - голова комиссии по

госкредиту и займу. И в раскулачивании сильно участвовал. Отложили его кандидатуру.

- Потим Дехтеренко. Тихий и зовсим старый, верующий чоловик. И так соображает хорошо. "Я, - отвечае, - за народ постою. Я, мол, пожалуйста, не отказываюсь. Тилько есть заминка..." - "Яка така заминка Павел Спиридонович?" - "А та, - отвечае, - заминка, що мий старший сынок Мыкола полковник Червоной Армии, а мий средний сынок Григорий в городе - Вильнюс называется - в райкоме партии працював, а моя дочка Варвара Павловна, сами знаете, в Киеве, в трамвайном тресте була помощником управляющего... Ну, теперь сами судите, гожусь я, их батька, в старосты?" Ну и постановили, что не годится.

- Да, положение, - вынужден был согласиться я.

Мне уже стало понятно, чему смеялся Попудренко. Трудно было и мне сдержать улыбку.

- Нет, вы погодите, товарищ Федоров. Шукаем мы Ключника Герасима. Угрюмый такий, брови, як те козырьки. Наружность его прямо понравилась бы нимцям. Приходим с Иваном до него в хату - нема. Жинку пытаем - где? - "Не знаю". Тилько вышли с хаты, бачим - вин через балочку с узелком к лесу подался. Кличем: "Герасим!" Вин вертается. "Чого?" - "Послужи, Герасим, народу службу. Ты уси годы Радянськой влады мовчал, ни за ни против не говорил. Тебе старостой самый раз быть. Ты мовчком управляй, мовчком с нимцями, мовчком с нами. А колы что надо, так и накажи кого, будто за нарушение нимецького порядку. Главное, чтобы тайна народная була от нимця скрыта. Партизан колы прийдет, чи сын плинный до матери вернется: его заховать от нимецького глазу..." Подумал Герасим, почесал затылок, да и отвечае: "Не можу!" - "Почему?" - "Не можу, да и все! Чого пристали? Колы б мог, с радостью", - и опять мовчит. "Да ты скажи, Герасим, мы ж свои люди". - "Эх, ладно, скажу! Соколенко знаете?" - "Який такий Соколенко? У нас на хуторе Соколенко немае..." А сами с Иваном переглядываемся: мол, чего вин Соколенко вспомнил? Цей Соколенко, сколько Радянська влада стоит, про наши хуторские дела в газетах печатал. И в районной, и в черниговской, даже в киевской газете заметки проходили с такой подписью. Как растрату кто сделает, чи плохо працюет председатель, или еще какое безобразие: раз - статейка. И вирши вин писал, той Соколенко. "Чудаки вы, - объясняет нам Герасим, - цей Соколенко я и есть! Псевдоним мой Соколенко. Поняли? Так який же з мене староста? Мени самому одна дорога - в партизаны податься!"

- И так, товарищ командир, - продолжал Степан, - за кого не

визьмемось, непременно при советской власти той депутат райрады, чи член сельрады, той стахановець, а той бригадир... Куда ни повернись, все народ не гожий.

Старик замолчал и с укоризной взглянул на меня. Они оба поднялись. Но мне удалось подавить улыбку. Усадил их снова.

- Да вы поймите, товарищи, - сказал я, - то, что вы рассказываете, просто замечательно...

- Чего уж тут замечательного? Поставят нам нимци Гороха Петра, а може, того хуже, Соломенного Ивана. То ж вор. То ж хулиган такий, що не только чужие, свои стекла бье... Той в старосты пойдет. Вин к нимцям тянется.

Вернулся Попудренко.

- Ну что, Николай Никитич, мы товарищам посоветуем?

- Пришлите, - стали просить старики, - кого-нибудь с дальнего села...

Но они вынуждены были согласиться с нами, что распределение кадров старост все-таки не наше дело, а также с тем, что вряд ли немцы утвердят пришедшего из других мест человека. Долго думали. И пришли к выводу, что лучшей кандидатуры, чем Соколенко, не найти. Вернее, не Соколенко, а Ключника. Тем более, что Ключник действительно пришел вчера в лес; его зачислили в одну из рот.

Дежурный его вызвал. Это был колхозник лет пятидесяти двух. Лицо крупное, тяжелое, взгляд из-под бровей, губы плотно сжаты...

- Зря вы, товарищ Ключник, раскрыли свой псевдоним. Вот мы пришли к выводу, что лучше вас никому с должностью старосты не справиться.

Он кивнул головой.

- Как вы думаете, люди, которым вы раскрыли псевдоним, вас не предадут?

- Так мы ж тилько двое и были, товарищ командир! - воскликнул один из стариков.

- Ну, значит, не подведут, - сказал Попудренко.

Ключник кивнул головой.

- Так вы согласны, что нужное это дело и что, кроме вас, некому его поручить?

- Теперь понял.

- Так счастливо вам! Идите, работайте... Главное - не попадайтесь.

На этом мы распрощались. Через несколько месяцев, когда начала выходить партизанская печатная газета, в ней довольно часто под сельскими заметками стояла подпись Соколенко. Никто так и не узнал, что пишет эти заметки утвержденный немцами

староста хутора Гута.

*

Из сожженных сел уцелевшие жители разбредались по всей области. На тележках и самодельных саночках везли детей и узлы. Сотни семей тащились по дорогам, искали приюта у родственников, знакомых, а то и просто у добрых людей. Прибудет такая разоренная семья, сбегутся со всего села люди - просят рассказать.

Такие "собрания" коменданты и старосты не запрещали. Даже поощряли. "Пусть слушают и ужасаются. Это сделает их покорными" - так, наверное, рассуждали оккупационные власти. Потом-то они спохватились. Поняли, что где бы ни собирались советские люди, с чего бы ни начинали разговор, непременно кончат тем, что надо мстить и истреблять немецкую погань.

Но далеко не все люди из сожженных сел шли к родственникам и знакомым. Десятки и сотни уходили в леса. "У нас на заставах, - шутили партизаны, - как в бюро пропусков - очереди". Особенно много приходило людей по ночам после дневного боя. Кто-нибудь из штаба дежурил - принимал новичков. Эти новички были теми самыми русскими и украинцами, в сердцах которых, по расчетам Розенберга, стук немецких сапог должен был вызывать дрожь. Они приносили с собой пистолеты, гранаты, патроны. В то время каждый желающий мог найти себе оружие на полях, где происходили бои. И каждый, кто приходил, приносил историю своего возмущения. Они рассказывали ее сперва на заставе, потом в штабе, потом новым своим товарищам в землянке или у костра.

Пришел из села Майбутня старик-колхозник Товстоног. Его кое-кто из наших знал раньше. Он оказывал партизанам разные услуги, давал приют нашим разведчикам и связным. Дорога в лагерь была ему известна. И вот как-то рано утром явился с тремя девушками. Одна из девушек привела с собой корову.

Меня вызвали на заставу. Старик требовал, чтобы пришел самый главный.

- Так это ты и есть Федоров? - спросил меня старик, протягивая мне руку. - Слыхал. О твоем отряде добрая слава идет. Хлопцы твои у меня бывали. Ничего, хорошие хлопцы. Жаль, сынив у меня немае, а то б я благословил к тебе... Сам бы пошел, да годы не те, утомление чувствую.

Я слушал его, но не мог не смотреть на девушек: одна другой краше. Румяные, крепкие. Старшей - года двадцать два, средней - лет восемнадцать, а младшая - подросток лет шестнадцати. Она-то и держала в руках веревку, привязанную к шее коровы. Корова мотала головой, тянула девушку в сторону.

- Розка, - шептала ей девушка, - да тише ты, Розка.

- Волнуется твоя Розка, - сказал я, чтобы втянуть в разговор и молодежь. - Не привыкла зимой по лесам шататься.

После моих слов румянец залил лицо девушки до самой шеи.

- Ничего, - опустив глаза, прошептала она.

- Что, гарны мои дивчины, как скажешь, товарищ командир? Вот эта, будьте знакомы, Настя, старшая моя; девятилетнее образование имеет. А эта средняя моя - Паша, лет ей восемнадцать, но уже звеньевая в колхозе. И Шура, Александра Тимофеевна, материна любимица, со своей подругой Розой...

- Тато, - запротестовала девушка, - не смийтесь...

- А что, плакать мы пришли? Тут, Шурочка, народ веселый. Гармонист у вас есть? Мои дивчата, товарищ командир, все три спивать мастерицы... Ну, как берешь заместо сынив? Да вот, заодно и скотину эту забирайге. Мы со старухой проживем.

Я не сразу ответил. Старик всполошился:

- Ты не смотри, товарищ командир, что они молчаливы, дивчата мои, в них сила есть.

Всех трех девушек зачислили в отряд. Старшие освоились скоро. Ходили в разведку, принимали наряду с мужчинами участие в боях. Все три оказались прекрасными певуньями. Шура стала запевалой. Но так и не смогла побороть в себе застенчивости. Нежная душа. Когда начинали рассказывать при ней грубоватые партизанские истории, она поднималась и уходила в лес. Мы определили Шуру сперва в санитарки. Она не отказалась, но была огорчена. Очень хотелось ей принимать участие в боях. Маленькая, круглолицая, розовая девушка. Через плечо - санитарная сумка с красным крестом. Сумка эта всегда переполнена.

- Что это у тебя в сумке, Шура? Больно она у тебя тяжелая!

Она покраснеет и, отведя глаза в сторону, тихо ответит:

- Це патрончики!

Добилась, наконец, Шура своего - ей дали винтовку. В первом бою, когда командир уже приказал отступать, - немцев было раз в пять больше, и группе партизан грозило окружение, - Шура не отползла с другими бойцами, а продолжала отстреливаться из-за пня.

- Давай, давай сюда, Шура! - крикнул командир. - Чего задерживаешься?

Она присоединилась к бойцам и, оправдываясь, сказала:

- Мени ж нихто не казав. Командир кличе - "хлопцы, отступай", а я ж не хлопец, я - дивчина...

Пока наш отряд не уходил далеко, старик Товстоног регулярно навещал дочерей. А повидавшись с ними, заходил и ко

мне. И всегда приносил подарок: несколько яиц, кисет махорки. Я, можно сказать, перешел на его табачное иждивение... Подробнейшим образом расспрашивал меня старик о поведении дочерей, о их боевых качествах.

- Похоже, папаша, что ты не в отряд отдал дочерей, а в школу.

- А як же, - отвечал он спокойно. - Нехай обучаются!

Примерно в то же время пришел в отряд старик шестидесяти пяти лет, беспартийный сельский учитель Семен Аронович Левин. Он недели две бродил по ближним селам и лесам, все искал пути к партизанам. А когда, наконец, ему удалось набрести на партизанскую тропу и попасть в отряд, он так изголодался и устал, что лежать бы ему, откармливаться и отдыхать. Седой, худенький, но бравого духа человек. Уже на следующий день он потребовал работы. Его послали на кухню - в помощь поварихе. Почистил он два или три дня картошку, приходит к командиру роты:

- Возьмите на боевую операцию, дайте повоевать... То, что стар, ничего не имею против, но испробуйте...

И добился своего. Принимал участие в нескольких боях. Помню, когда шли на операцию в Семеновку, за тридцать с лишним километров, старик всю дорогу прошел пешком. Ему предлагали:

- Сядьте в саночки, ведь вы человек немолодой, вас никто не осудит.

- Оставьте, я не хуже вас! - отвечал он почти что с возмущением. Какие я имею привилегии? Если уж вы признали меня бойцом, то разрешите быть равным.

Только после того, как он уничтожил шестерых врагов, Левин согласился перейти в хозяйственную часть.

У нас были десятки стариков-помощников. Не все вошли в отряд. Да мы и не стремились вовлекать их, тащить в лес. Гораздо большую помощь они могли оказать нам в родных селах и как разведчики, и как связные; в их домах часто располагались явочные квартиры.

В селе Балясы, Холменского района, жил хитрющий дед Ульян Серый. Ему тогда было семьдесят шесть лет. А жив он и сейчас, рассказывает внукам и правнукам о своих партизанских приключениях. Три раза он попадал в руки немцев и полиции. Там его жестоко избивали. Он кричал во всю глотку, плакал.

- Да спросите вы людей! - вопил он в комендатуре. - Я ж тихого поведения. Года мои разве партизанские, куда мне при моих силенках... Да я сроду не видел тех бандитов лесных. - Ульян так искренне ругал партизан, что полицаи и немцы верили, и его отпускали.

А на следующий день он опять шел в лес на связь с партизанами. Помню, как-то пришел он в штаб ужасно злой. Весь аж трясется от негодования:

- Яки у вас тут порядки! Це издевательство над старой людиной. Есть уговор - выполняй, какой ты иначе военный человек...

Сердился он, оказывается, на Балабая. Условились они, что Ульян придет на опушку леса в два часа дня и будет дудеть в пастушью свирель.

- Я ж им не хлопчик, я стара людина. Мени мешки по снегу таскать тяжело. Я дудел-дудел, по грудь в снег забрался, никто не идет. У меня луку полпуда, махорки кило два. Весь употел. Долго ли до простуды... Дай ты ему, Алексей Федорович, выговор в приказе...

- Но, может быть, причина была уважительной?

- А ты расследуй, на то ты и власть.

Узнав, что люди Балабая были в тот день заняты строительством землянок и за стуком топоров не услышали его свирели, Ульян согласился смягчить наказание.

- Все же таки вин должен был помнить. И не давай ты ему за это ни крошки табаку из того, что я принес.

В селе Перелюб того же района хозяйкой явочной квартиры и разведчицей была восьмидесятилетняя колхозница Мария Ильинична Ващенко. В лес она ходила редко, но дома у себя принимала десятки наших людей, кормила их, обстирывала. В подвале ее хаты был склад наших листовок; за ними приходили к ней из дальних сел.

Запомнилась мне одна сцена, повторявшаяся потом и в других местах. После боевой операции мы ехали на нескольких санях по сожженному немцами селу Тополевке. Как-то удивительно перемешалось в тот час грустное и веселое, залихватское и тоскливое. Спасшихся от огня хат в селе было не больше пяти. Да и они закоптились, а некоторые местами обуглились, всюду торчали трубы, на холодных печах лежали, свернувшись, кошки. Из каких-то черных дыр вылезали дети и старухи. Неожиданно из таких же дыр выскочили девчата и молодые женщины. Они махали нам руками и улыбались. А наши ребята играли на гармошках, и хоть не стройно, но зато громко, пели песни. Искрился снег на солнце, хорошо бежали кони.

Из уцелевшей хаты выбежал парень в одной гимнастерке, лет двадцати пяти. Следом за ним показалась женщина.

- Куда ты, куда? Вернись!

Но парень ухватился за оглоблю моих саней и побежал рядом с конями.

- Разрешите... - задыхаясь, говорил он. - У меня оружие есть... Да отстань ты! - зло крикнул он тянувшей его за гимнастерку жене.

На бегу он з нескольких словах изложил свою военную биографию.

- Был мобилизован, товарищ командир, но не успели отправить в часть, как вдруг немцы... Разрешите присоединиться. Оружие имею.

Я кивнул головой. Парень побежал в хату, и не успели наши последние сани проехать, как он появился вновь с ватником подмышкой, с винтовкой в одной руке и двумя гранатами в другой. В сани он вскочил на ходу. Жена его еще с минуту бежала за нами. Грозила, умоляла, но муж отвернулся от нее и запел вместе со своими новыми товарищами. Это был Осмачко, впоследствии один из лучших минометчиков.

И потом почти в каждом селе, которое мы проезжали, кто-нибудь просился к нам.

Однажды мне доложили, что на заставу пришли четыре мальчика. Мальчики эти были в белых маскировочных халатах, за голенищами у них ножи и ложки, как у заправских бойцов. Я попросил привести их в штаб. Действительно, поверх курточек они накрутили на себя простыни и пеленки. Старший - лет четырнадцати - приложил руку к шапке и отрапортовал:

- Явились на ваше усмотрение, как полностью осиротевшие...

Самый маленький, худенький хотя и стоял, подражая старшим, навытяжку, трясся не то от холода, не то от жгучего желания расплакаться. Длинная зеленая капля висела у него под носом. Заметив мой взгляд, "командир" группы подскочил к малышу, деловито вытер ему нос углом пеленки и опять, вытянувшись, продолжал рапорт:

- Как полностью осиротевшие дети из села Ивановка, Корюковского района: Хлопянюк Григорий Герасимович 1926 року нарождения, мий брат Хлопянюк Николай Герасимович 1930 року, а це буде его друг Мятенко Олександр, того же року, и Мятенко Михаил, дошкольник шести рокив...

Я остановил "командира", затащил всех четырех в землянку, усадил, велел принести горячего чая.

В землянку набился народ. Все наперебой задавали мальчикам вопросы. Они торопливо ели, вертели головами, а на вопросы не отвечали, поглядывая на старшего. Он растерялся. Рапортовать было уже невозможно, а к рассказу не подготовился. Расплакался "командир" раньше своих "солдат". Правда, выбежал в лес и только там, прижавшись к сосне, дал волю слезам.

История ребят была ужасна. Жену коммуниста - сержанта

Красной Армии Прасковью Ефимовну Хлопянюк убили в ее же хате начальник корюковской полиции Мороз и полицай Зубов. Они забрали в доме все ценное. Ребят не тронули, может быть, только потому, что лень было за ними гнаться. Мальчики вернулись домой только к утру.

Они сами выкопали в своем огороде неглубокую могилу, сами без помощи взрослых, не приглашая никого на похороны, засыпали тело матери мерзлой землей и снегом. Родственников у них поблизости не было. Братья стали жить вдвоем. Небольшой запас картошки и муки уже приходил к концу. Как жить дальше? Куда идти?

Как-то ночью в село ворвалась группа наших партизан. Мальчики наблюдали бой. Они увидели смерть одного из убийц своей матери - полицая Зубова. Они увидели, как партизаны подожгли хату старосты. А потом они вместе со взрослыми колхозниками побежали к складу зерна, который вскрыли партизаны. Мальчики бегали раз десять домой, таская ведрами пшеницу; так и уснули на пшенице, рассыпанной по полу хаты.

Утром же они узнали, что партизаны из села ушли. И в тот же день их соседку Наталью Ивановну Мятенко увели в полицию. Она оттуда не вернулась. Осталось еще двое сирот: Шура и Миша. А тут еще пришли вести из соседнего села - Софиевки. Там полиция убивала не только взрослых, но и детей.

Тогда Гриша собрал младших своих товарищей по беде, произнес перед ними короткую речь:

- Давайте идти в партизаны. Иначе нас перестреляют.

Весьма хозяйственно подготовили ребята свой выход. Положили в торбочку по две пары белья, соли, насыпали пшеницы, взяли сковородку, ножи, иголки, нитки, коробку спичек. Два средних мальчика разведали, где нет постов полиции. Ночью все четверо, накинув на себя простыни, поползли огородами в поле, а потом пошли в лес.

Бродили они по лесу трое суток. Разжигали костры, спали возле них. И, если им верить, до того часа, пока не попали ко мне в землянку, ни разу не плакали.

Но и у меня плакали они недолго. Очень были довольны, когда специально для них завели патефон... Первым уснул малыш. А Шура Мятенко перед сном очень серьезно заявил:

- Ничего, ребята, тут если и погибнем, то за свое Отечество!

Двое из ребят - Гриша и Коля Хлопянюк - остались у нас в разведке. А братьев Мятенко мы вынуждены были в тяжелые дни оставить в одном из сел на воспитание у добрых людей.

Недели через три после боя в Погорельцах к нам приползла обмороженная женщина. Это была колхозница лет сорока,

хозяйка подпольной явочной квартиры в Погорельцах, Дарья Панченко. Кто-то из жителей ее предал. И она бежала в лес. Бежала поспешно, ночью. Оделась кое-как, даже теплым платком не успела повязаться. Не удалось ей взять с собой ни куска хлеба. Шла она по глубокому снегу. Коробка спичек, которую она положила в валенок, размокла. Дарья не могла разжечь костер.

Раньше она была связана с Перелюбским отрядом Балабая. Не знала, где располагался областной. Но ей было известно, что в роднике, у корней вывернутого бурей дерева, в воде, под камешком, должен лежать пузырек с запиской - на случай, если отряд перейдет в другое место.

И отряд, действительно, перешел: объединился с нами, и теперь до него было больше пятидесяти километров. Ударил мороз - градусов в двадцать пять. Родник замерз. Дарья видела под прозрачным льдом раздавленный пузырек и краешек записки. Как-то случилось, что пузырек из-под камня вынесло и разбило. В партизанских землянках было пусто и холодно. Есть нечего. Куда идти - неизвестно. Дарья хотела уже двинуться в Орликовку, где были у нее знакомые, прошла километров пять, но вернулась: нельзя было оставить под прозрачным покровом льда записку с указанием направления в областной отряд.

Дарья решила достать ее во что бы то ни стало. Сперва она била по льду ногой. Мягкий валенок даже не оставлял царапин на гладкой поверхности. Дарья попыталась найти под снегом камень. Руки у нее замерзли, голова кружилась от голода. Вечером она увидела, что над Орликовкой занялось зарево. Значит, и там немцы.

Еще одну ночь она, голодная, провела в землянке. На утро, выйдя из землянки, она заметила волчьи следы. Все они вели к одной точке и расходились от нее в стороны. Дарья задумалась: что бы это могло быть?

Подняв голову, она увидела на высоком суку ободранную тушу барана. Это партизаны забыли, а может, и сознательно оставили для таких, как она.

Волки не могли достать. Но и Дарья, подобно волкам, долго прыгала вокруг дерева, не зная, как добраться до мяса. Голод был так силен, что она решилась снять валенки и полезть на дерево. Тушу она достала. Она грызла твердое сырое мясо без соли. Немного насытившись, но совершенно окоченев, Дарья начала поиски. Углублялась в лес на несколько километров, а ночью возвращалась по своему следу к заброшенным землянкам. Баранью тушу - единственное, что могло спасти ее от голодной смерти, - Дарья каждый раз с мучительными усилиями поднимала на развилку сосны.

Неоднократно она пыталась разбить лед родничка сучьями деревьев. Он не поддавался. Тогда она засыпала его снегом.

Удлиняя с каждым днем свою тропу, Дарья все дальше проникала в лес. И, наконец, уже не стала возвращаться - ползла и ползла вперед. Волки преследовали ее, ждали, пока умрет. На заставу Дарья набрела только на тринадцатый день после выхода из Погорельцев.

Наш фельдшер Анатолий Емельянов, во избежание гангрены, вынужден был ампутировать у нее пальцы ног и семь пальцев на руках.

Дарья выжила. Прошла с нами весь партизанский путь. Была прекрасной разведчицей. Сейчас она председатель сельпо в Погорельцах.

Больше всего в эти дни приходило к нам молодежи. Мы не могли, разумеется, принимать в отряды всех ребят пионерского возраста, желающих стать партизанами. Их были сотни, если не тысячи. Некоторых увлекала романтика борьбы, наивное стремление "пострелять из настоящего ружья". Но большинство колхозной детворы старше десяти лет очень хорошо понимало, какой страшный враг немец. Они видели жадность, зверства, жестокость врага. Многие, подобно пришедшим к нам братьям Хлопянюк и Мятенко, остались сиротами. В их сердцах появилась острая жажда мести палачам.

С каких лет юноша может быть полноценным бойцом? Ответить на такой вопрос нелегко. Иной крепкий, мускулистый парень лет пятнадцати, отличный помощник в крестьянском доме, придет в отряд и уже на третий день разнюнится так, что надо поскорее от него избавляться. Да он и сам просится в походе: "Оставьте меня в селе, не могу больше". А то и просто убегает, но винтовку и пару гранат норовит утащить с собой. Можно ли предъявлять к нему дисциплинарные требования, обязательные для всех партизан? Конечно, нет.

Однако нередки случаи, когда четырнадцатилетний худенький мальчонка загорится такой неистребимой злостью к врагу, что становится по народному выражению "двужильным". Такому никакие испытания не страшны. Спит на мокрой земле и вскакивает свежий, как огурчик. Стоит на посту несколько часов кряду и не жалуется. На переходах всегда весел и других веселит шуткой. Таким был у нас Вася Коробко, да и Гриша Хлопянюк не отставал.

Все же мы вынуждены были определить в своем неписанном уставе, что моложе шестнадцати-семнадцати лет в партизаны принимать не годится. Нас, конечно, старались надуть и, что греха таить, случалось, надували. Не у всех ведь есть документы.

Придет здоровяк, косая сажень в плечах, говорит, что ему девятнадцать лет. Документов у него нет, не экспертизу же ставить. А потом, когда в чем-нибудь серьезно провинится - плачет, сознается, что ему всего пятнадцать, просит снисхождения. Некоторые отряды вынуждены были даже устраивать у себя чистки: исключать целые группы слишком молодых. Но это было лишь в начальный период. Позднее и сельские ребята знали примерно, кого принимают в отряд. А те, которые становились все же партизанами, приноравливались к общим требованиям. Им очень помогал самовоспитаться и закалиться наш комсомол.

Члены комсомола, приходившие к нам в отряд, даже и не очень здоровые физически, показали себя с самого же начала особенно выдержанными, дисциплинированными, а главное сознательными бойцами.

Им была более понятна классовая сущность войны. Разумеется, и комсомольцы только из книг да еще по рассказам старших знали, что такое капитализм. Но комсомольская организация еще до войны помогла им понять и осознать, что враг может придти к нам только из капиталистических стран. Что пойдет он на нас, чтобы отнять завоевания революции, навязать буржуазный строй. Имело это значение? Да, конечно же, и очень большое!

Политически грамотный молодой человек понимал, что немецкий солдат не только убивает, сжигает и разрушает. Немец несет ему ужасное будущее, возвращает его капитализму, хочет сделать рабом. Политически грамотный молодой человек понимал, что идет борьба за сохранение первого в мире социалистического государства. У политически грамотного, сознательного молодого человека гораздо больше стимулов, причин, чтобы смело идти в бой. Он не только мститель. Нет, он революционер, защитник социализма, строитель коммунизма.

После одного из боев этого периода в областном отряде появился маленький, по виду никак не больше чем пятнадцатилетний, парнишка, худенький, лохматый, на носу, несмотря на мороз, веснушки. А глаза всегда восторженные. И голос звонкий, задиристый. Вечерами, на привале, у партизанских костров он постоянно что-нибудь рассказывал. Именно у костров. То в одном, то в другом, то в третьем месте слышен его быстрый говор. А рассказать у него было о чем.

У нас его чуть не расстреляли. В самом деле, как поступить? В разгар боя ползет по тонкому льду реки, со стороны противника, человек с двумя гранатами за поясом. И ползет не куда-нибудь, а прямо к замаскированному в кустах

партизанскому пулемету. У самого берега провалился, промок до нитки, но, бесенок, продолжает ползти. Цепляется за пучки травы, за корни деревьев, лезет по самому косогору на виду у противника. И враг щадит его, не стреляет.

Наш пулеметный расчет замечает такое дело, подзывает двух бойцов и те - наперерез. Выскакивают внезапно из-за куста, наваливаются на "вражеского лазутчика", затыкают ему рот, скручивают руки, дают сгоряча пару оплеух и тащат в штаб. Они уверены, что взяли "языка". Странно только, что "вражеский лазутчик" не только не оказывает сопротивления, а даже выражает живейшую радость и норовит расцеловать своих конвойных. Впрочем, не так-то легко убедить их, а потом и штаб, что действительно стремился к партизанам. Раздаются возгласы:

- Брешет он!

- Расстрелять гада!

Но тут, на счастье, появляется Маруся Скрипка, секретарь комсомольской организации, кидается к "языку" и кричит:

- Володька!? Откуда? Да это же Володька Тихоновский, сын Андрея Ивановича из Корюковки! - и с этими словами заключает его в объятья.

Вечером того же дня Володя начинает свои нескончаемые рассказы. Сперва ему не очень-то и верят, но слушают охотно. "Ничего, складно врет" - говорят о нем и пытаются сбить вопросами. Не так-то это легко. Называет место действия и число, и час, и фамилии людей, которые многим известны...

- Сколько тебе, Володя, лет?

- Семнадцать!.. Опять не верите. Честное комсомольское, я в девятый класс перешел - вот и считайте. Я уже два года, как член ЛКСМУ... Но меня все равно считали маленьким. Даже батька. Он сейчас в Корюковском отряде у Короткова. Вот встретимся с ними, батька сам все подтвердит...

С Корюковским отрядом мы и действительно к тому времени еще не встретились, но уже знали, что он действует в восьмидесяти километрах от нас. Было известно также, что среди его бойцов есть заместитель председателя Корюковского сельсовета Андрей Тихоновский - отец Володи.

- Значит, не взяли тебя в партизаны, а ты сам пошел, насильно заставил себя признать?

- Не насильно, а просто добился... Немцы уже вот они, в трех километрах от села, а батька только почесывается. Другие коммунисты давно эвакуировались, а он сидит. У меня даже появилось подозрение: "шут его знает, может, надумал к немцам перекинуться". По прежнему поведению вроде не похоже. Но если бы только... Честное слово, не посмотрел бы, что родной отец, сам

бы убил... Но смотрю, собрал как-то батька в котомку немного еды, с матерью пошушукался и огородами - к лесу. А я краем уха все ж таки уловил, что разговор о партизанах. За ним бегом. Догоняю, прошу взять с собой, отмахивается: "Ты еще мал". Ну, просто ужас, как обидно. Пришлось отстать.

И обидно с другой стороны на комсомольскую организацию. Почему меня забыли. Ведь ясно, что есть договоренность и насчет партизанских, и насчет подпольных действий. Я же читал о гражданской войне. Неужели теперь иначе? Неужели комсомол в стороне? Видно, и здесь меня посчитали слишком маленьким и куцым. Когда наши части отступали, нам с отцом оставили две винтовки и карабин. Мы зарыли в огороде. Значит, я все равно партизан, хоть меня и не взяли в отряд. Иду в то место и так рассуждаю: "Раньше чем меня возьмут, я двух или трех убью". Копаю, чтобы достать, а там пусто улетело мое вооружение. Мне, конечно, понятно - батька передал в отряд. Но зло взяло ужасное.

Когда стемнело, пошел к райкому комсомола. Надо хоть что-то выяснить. Подхожу, дверь открыта, в комнате свет и слышу два голоса. Я встал за дверью, вижу в щелку Марусю Скрипку и ее однофамильца, работника райкома, Федю Скрипку. Она говорит: "Значит, вы будете в Бридских дачах". Мне больше ничего не надо, бегу домой. Взял пол-литра патоки, кусок хлеба, книгу Н. Островского "Как закалялась сталь", завернул все в полотенце, поцеловал на прощание мамашу и подался в лес. Ходил с этим запасом дня два Встретил как-то на просеке людей, крикнул им издалека: "Ау!" Они откликнулись автоматным огнем Еле ноги унес: оказались немцы.

Пришлось вернуться в Корюковку. Но и там немцы. Все ж таки пробрался домой Отец, оказывается, тоже не проник к отряду и прячется на колхозной конюшне. Потом перешел в коноплю. Я ему туда несколько дней носил еду. Прохожу и кричу: "Ку-ку!" Он откликается, я ползу к нему. Так мой батька жил дней восемь, пока немцы стояли. А я ходил, приглядывался к немцам. Первый раз порадовался, что мал ростом. Они на меня не обращали внимания.

Как-то встречаю нашу учительницу немецкого языка Лего. Муж у нее тоже какой-то иностранец. "Вот, думаю, стерва, не эвакуировалась". До войны была такая активная, член месткома, а сейчас идет с немецким солдатом, что-то показывает, сама веселая... Ясно, что ждала и теперь будет нам гадить. Я тогда решил за ней следить.

На другой день идет одна. Я ее обогнал, поздоровался и пошел впереди. Подхожу к бывшему комсомольскому магазину и нарочно оторвал на ее глазах доску от крыльца. Она, конечно,

реагирует: "Мальчик, поди сюда! Ах, это ты, Володя. Зачем ты, Володя, портишь имущество, это ведь теперь не советское. При новом порядке будем вас по-другому воспитывать. Где твой папа? Он не коммунист?" Отвечаю: "у меня папаша умер". Она, оказывается, ничего обо мне не помнит. "А ты не комсомолец?" Отвечаю: "Боже меня сохрани". "Заходи ко мне, Володя, в гости, ты, кажется, хороший мальчик". Значит, клюнуло. Теперь надо во что бы то ни стало найти партизан.

Немецкие части прошли, осталась только комендатура. Двигаться гораздо легче. Батька увидел, что я кое-что соображаю, дает мне поручение: "Завтра, - говорит, - на лесозаводе назначено собрание корюковских партизан. Иди по адресам, сообщи кому надо". Я рад. Все ж таки настоящее дело. Всем сообщил и сам иду на собрание. Подхожу к лесозаводу, а дозорные кидают в меня камнями, даже близко не подпускают. Я стыжу их: "Как же так, я народ собирал, а теперь гоните..." Пустили. Так я стал партизаном. Мне дали карабин. Тот самый, что был у меня в огороде. Но вручили торжественно, и я понял, что получаю оружие для борьбы...

На этом Володя Тихоновский прекращает рассказ, медленно скручивает козью ножку... Он ждет, конечно, вопросов. Повышает интерес у слушателей.

- А как же эта немка? Ты сказал командиру?

- Вы с батьком ушли, а как же мать? Ей от немцев ничего не было?

- Во-первых, - отвечает Володя, - у меня не только мамаша, но еще и младшая сестренка. А во-вторых, мы с отцом очень даже волновались. Их бы свободно могли расстрелять и сжечь дом. Но тут вышло так: два военнопленных, которые бежали из лагеря, наткнулись возле самой Корюковки на мину. Их разорвало. Люди с нашей улицы, человек двадцать, не меньше, дали в полиции подписку, что это мы. То есть, что взрывом убило отца и меня. Так и спасли мать и сестренку.

- Не узнали, что ли?

- Как это не узнали. Отлично узнали, что это не мы. Но есть у людей солидарность. Потому и работать можно. Потому-то я и мог ходить прямо среди самих немцев. Народ не выдавал. Сволочей все ж таки мало. Их издалека видно... Вот Лего и муж ее оказались форменными гадами. Мне наш комиссар, товарищ Рудой, приказал снова проникнуть в Корюковку и втереться в доверие к этой немке. Никогда мне раньше втираться не приходилось. Знаете, как трудно! Это все равно, что подружить с ядовитой змеей. Попробуйте-ка убедить змею, что вы ее уважаете. Я пошел к Лего в гости. Сидел там часа два. Эти супруги

уговаривали меня выследить руководителей партизанского отряда. "Твоей маме дадут землю, а тебе очень хорошую, заграничную одежду и красивую немецкую медаль, а кроме того, за каждого пойманного коммуниста по тысяче рублей..." Попробуйте сидеть смирно и слушать такие слова. Я обещал супругам, что обязательно все сделаю. Только потребовал, чтобы за каждого пойманного коммуниста мне еще платили по пуду муки. Они поверили, что я торгуюсь. Согласились на полпуда. Хотели тут же вести меня к коменданту, чтобы я дал подписку. Еле отбрехался.

На следующую ночь товарищ Рудой и еще один партизан влезли к супругам Лего в окно. Я сперва начертил на бумажке внутреннее расположение комнат. Я просил Рудого взять меня, очень хотелось участвовать активно. Не вышло. Опять мне сказали, что для таких дел я маленький. Так было обидно. Я стоял на улице, чтобы в случае чего свистнуть. Через полчаса открывается дверь, выходят партизаны. "Все в порядке, Володя, пошли!" Они этих супругов кончили без выстрела. Нашли у них списки городских коммунистов и жен офицеров...

После этого мне был приказ действовать и дальше в городе. Я жил дома, но днем никуда не показывался. Батька принес мне рулон бумаги и говорит: "Пиши". Я целыми днями писал прокламации. Меня свели еще с одним парнишкой - Леней Ковалевым. Очень смелый паренек. Мы потом такие номера откалывали! Еще с нами был комсомолец Науменко, по прозвищу Боня. Тоже ловкий хлопец. Его из отряда погнали. Спал на посту. Если какое-нибудь живое дело - он может. А стоять на месте не хватает дисциплины.

К этому Боне пришли как-то ночью полицаи. Арестовали. Велели снять сапоги и штаны, приказали: "Иди вперед!" Он быстро пошел и сразу прихлопнул за собой дверь. Подставил полено. Так без штанов и удрал.

Сперва мы прокламации приколачивали к стенам домов молотком. Стучали громко. Нарочно, чтобы люди выходили и читали. Но это оказалось непрактично. Люди опасались и сразу же срывали лозунги и листовки со своих домов. Тогда мы решили клеить. Мать сварила клейстер. Мы клеили в общественных местах. Клеили даже в уборных. Там человек спокойно прочитает.

Потом нам доставили книжечки: "Как бороться с долгоносиком", "Трактор СТЗ-НАТИ". С виду совершенно невинные брошюрки. Первые две-три страницы действительно о долгоносиках и тракторах. А дальше обращение товарища Сталина к народу, обращение обкома партии, призыв идти в партизаны. Мы эти книжечки подбрасывали, а в базарные дни

просто раздавали.

Я держал постоянную связь с отрядом почти два месяца. Выполнял многие задания. Но потом немцы принудили отряд отойти в леса. Я не знал уже, где наши. В Корюковку опять нагнали немцев. Полиция разнюхала, чем я занимаюсь. Пришлось уходить. Вот тут мне досталось. Я восемь суток бродил по лесу голодный.

Иду по лесной тропе, качаюсь от голода. Встречаю какого-то деда. Он взял меня ночевать, уложил на печь. Они со старухой ужинают, едят картошку и огурцы, а я стесняюсь попросить. Потом дед позвал к столу. Говорит: "Гордый вы народ, партизаны!" Мне приятно. А все-таки опасаюсь сознаться, что действительно партизан. Отнекиваюсь. Оказывается, этот дед заметил, что у меня под рубашкой граната. "Я, говорит, сыночек, понимаю, кого тебе надо. Партизаны вот в той стороне". И показал мне на лес, где областной отряд. На прощание подарил мне еще одну гранату.

Утром я пошел сюда. И получилось так, что я оказался в нейтральной зоне - между немцами и вами. "Ну, думаю, пропал". И решил, будь что будет, полезу к вам. Лучше от партизанской пули погибнуть, немцы бы меня, наверное, пытали...

Володя Тихоновский, несмотря на свой малый рост, стал отличным бойцом. Он был одним из инициаторов комсомольского движения за овладение всеми партизанскими профессиями. Ходил в разведку, изучил в совершенстве пулемет, миномет, противотанковое ружье. Участвовал в нескольких подрывных операциях на железных дорогах. Кстати сказать, за три года жизни в партизанском отряде Володя очень окреп и вытянулся. Теперь его уж никак не назовешь малышом.

Но приходили в отряд не только люди с чистой совестью. Пришел хлопец, лет семнадцати, Тимофей Фамилию его называть не стану, зачем молодому человеку портить жизнь воспоминаниями об этом эпизоде.

Тимофей - хлопец видный, плечистый. А на заставе - расплакался.

- Чего ревешь, дурень?

- Вы меня бить будете.

- Значит, заслужил? Рассказывай-ка, брат, за что тебя бить?

- Ведите до командира.

Повели его в особый отдел. Такой к тому времени создали специально для борьбы со шпионажем. Во главе этого отдела стоял Новиков. Пока Новиков задавал ему общие вопросы: откуда пришел, сколько лет, кто родители, Тимофей отвечал довольно бойко.

- Теперь, - сказал в заключение Новиков, - выкладывай, зачем пожаловал.

Тут Тимофей опять расплакался.

- Мамку тебе, что ли, позвать?

- Визьмить мене до себе. В партизаны. Не можу я бильше у нимцив.

- У тебя, брат Тимоха, на душе не все что-то ладно. Говори-ка правду. В полицию поступил?

Проницательность Новикова поразила Тимофея.

Он с минуту молчал. Потом буркнул:

- Виновен я. Бийте. Я бил и меня бийте.

- Тебя начальник к нам послал?

- Ни, сам.

Он клялся и божился, что в полицаи был завербован силой. И никому вреда не делал, только строем шагал и винтовку чистил.

- А вчера вызвал мене начальник и в сарай послал. Там пять чи шесть нимцив стоят. И Василь Коцура к лавке ремнями пристегнут. Хороший такий хлопець - Василь, дружок мий... Вин кузнецом у нас. Гляжу, морда у него сильно побита, кровь с носа капае. Так жалко мени его стало...

- Выходит, значит, ты, парень, сильно жалостливый?

- Я драку, товарищ начальник, зовсим не терплю. Ребята у нас в селе подерутся - я завсегда разнимаю. И бабы меня просили: "Иди, Тимоха, там пьяные схватились, - разведи".

- Так зачем же немцы тебя позвали?

- Тилько я в той сарай вошел, старшой нимец приказывает старосте: "Зови народ". Поки народ збирался, он всем другим нимцям показывает на меня, лопочет по-своему. Потим велел телогрейку скинуть и рукав у меня закатил. Потим дае мени в руку, на которой рукав закатан, плетку: "Бий!"

- И ты, сучья душа, бил своего друга!

- Да, слухайте, дядю, - голос Тимофея опять задрожал. - Я говорю тому нимцю: "Це мий дружок, не можу его бити..." Так той нимец пистолет до морды сует.

- И ты бил?

- Ну, а як же? Вин пистолет до морды и ногами топочет. И так лается, аж мне темно стало. Бью, а сам плачу, сильно жалко мени Василя.

- За что же ты его бил, за какое преступление?

- Не знаю. Староста объявлял, так я дуже хвилювався, не понял.

Новиков привел его ко мне.

- Решайте, Алексей Федорович, что с этим субъектом делать.

Позднее в партизанские отряды пришло немало

раскаявшихся полицаев. Этот явился первым. Волнение, слезы - все в нем было хоть и наивно, и глуповато, но искренно. Он повторил мне всю историю сначала.

- Что же, - спрашиваю, - друга своего битого ты, значит, там бросил?

- Ни, дядю. Я его с собой взял.

- Так где же он?

- В лисе. Вин дуже утомился. "Положь, - говорит, - меня, Тимоха. Я трохи отдохну. А ты поки сам до партизан сходи". Я его на плечах с километр тащил. Кричит: "Боль очень сильна, положь!"

- Ранен он, что ли?

- Ни. То я его так крепко побил...

Заметив наши неодобрительные взгляды, он стал торопливо объяснять:

- Нимец пистолет в морду торк: "Бий, - требует, - крепче!" Я, дядю, як мог тихо бил. Да рука у мене дуже тяжела.

Я послал санитаров за Коцурой. Действительно, лежит под кустом, охает. Принесли его. Фельдшер наш положил на рубцы компресс. Потом Коцура рассказал, как все случилось. Он, несмотря на запрещение, после наступления темноты играл на гармошке. Начальник полиции приказал его выпороть.

Спросили мы потом Василя, какого он мнения о Тимофее.

- Тимоха хлопец безобидный. Не стал бы вин бить - его бы выпороли, а может, и пристрелили.

Через месяц у этого "безобидного" хлопца было на личном счету три убитых немца. Кроме того, он привел живыми двух "языков". "Языки" стали его партизанской специальностью. В разведку и на охоту за "языками" Тимофей и Василий ходили всегда вместе.

*

И уж совсем неожиданным был приход одной нашей старой знакомой.

Как-то рано утром на территории лагеря задержали пожилую женщину. Когда ее спросили, что она в лесу делает, ответила, что мужа ищет.

- Кто такой, как фамилия?

- Мий муж, - отвечает, - руководящий чоловик. Вин самому товарищу Орлову друг.

- Какой еще Орлов? - спрашивают ребята на заставе. - Не знаем мы никакого Орлова.

- Ну, Орленко.

Такая осведомленность неведомой никому женщины показалась ребятам подозрительной.

- И Орленки никакого не знаем. Говори толком, кого надо? Как фамилия мужа?

- Ну, чего вы, - отвечает, - дурью мучаетесь. Федорова мне нужно. Вин и мужа моего знает. Партийный мий муж, секретный чоловик. Кличка его партийная "Серый".

Посоветовавшись на заставе, ребята решили, что вести ее ко мне так нельзя. Решили предварительно обыскать. Попросили снять полушубок. Она не захотела. Прикрикнули на нее. Она тоже за словом в карман не полезла, ответила так, что ребята окончательно разозлились, стали с нее полушубок стягивать. Она заорала на весь лес:

- Ратуйте, люди добрые, грабят!

Не знаю, чем бы все это кончилось. Но случилось так, что я находился недалеко от заставы, услышал крик и пошел на заставу. Ко мне кинулась высокая, изможденная женщина. Обрадовалась, будто родного увидела:

- Олексий Федорович, вы ли это, голубь? Да який же вы стали солидный, представительный! Значит, то верно, люди кажут, что вы тут за главного, значит, то правда, что партизаны силу имеют?..

- Подождите-ка, успокойтесь. Я что-то не узнаю...

- Да ведь Кулько я, Мария Петровна Кулько. Помните, в Левках к нам заходили, мужа моего с собой забрали?

Она с тех пор переменилась ужасно. Лицо землистого цвета, руки костлявые, и только глаза по-прежнему светятся недобрым огоньком. Платье на ней драное и грязное, на ногах огромные мужские валенки. Ребята ей вернули полушубок. Она его поспешно надела и снова обратилась ко мне:

- Разговор до вас есть, Олексий Федорович.

В моей землянке, разогревшись у печки и выпив махом полстакана спирта, Мария Петровна обратилась ко мне с такой, весьма примечательной просьбой:

- Верните мужа моего, Олексий Федорович. Дитки без таты нияк не можут, плачут. Кушать нам нечего. Забрали все полицаи, гады прокляты. Ушла я с дитками из Левок, просто сказать сбежала. По людям ходим, кусок просим... Пожалейте, Олексий Федорович, ведь четверо у мене диток.

Я был огорошен. Ничего подобного не ждал. Хотел отшутиться и выгнать. Тем более, что не забыл характеристику, данную ей мужем: "Вредная баба! От нее любой подлости можно ждать". Но меня разобрало любопытство. Захотелось узнать, как она до жизни такой дошла. Куда девались запасы, которые оставил ей тогда муж. "Такая ведь, - думал я, - ничем не погнушается. И старосте и немцам будет служить, лишь бы

имущество сберечь, а если удастся, так и приумножить".

- Что значит вернуть? - ответил я спокойно. - Вы же не глупая женщина, сами понимаете: он большевик и выполняет свой долг. Никто его насильно не тащил. Работает он с нами потому, что таковы его убеждения, таков долг перед партией и Родиной.

- То я знаю, что он сам за вами ушел. Он неразумный, як дитя. Так и до войны: скажут в райкоме - иди работать в собес, - идет. Еще ничего в собес. В загс его запихали, и тоже послушался, год в загсе руководил. Зарплата маленькая, а пользы только что на свадьбах гулял.

Зашел в землянку по какому-то делу Дружинин. Кулько он знал, рассказывал я ему в свое время и о встрече в Левках. Мария Петровна не смутилась. Поздоровалась с ним за руку.

Я предложил ей перекусить. Она приняла приглашение с радостью. А когда поставили перед ней миску каши, да еще сверху положили кусок мяса и хлеба отрезали, не жалея, и соль поставили в большой консервной банке, хоть жменю бери, лицо ее перекосилось, и она расплакалась.

- Ой, Олексий Федорович, - сказала она дрожащим голосом, растирая на щеках слезы, - не так я вас, когда вы приходили, понимала. Не то думала, не за тем гналась.

- Ешьте, Мария Петровна, - сказал Дружинин. - Ешьте, не торопитесь, а потом расскажите подробно о жизни. Нам это очень интересно.

И она действительно поела, а потом рассказала.

- Как вы тогда скрылись в ночи, а за вами мий Кулько подался, кинулась я и думала догоню. Так темно ж було, не нашла. "Ничего, решаю, - вернется". И, правда, вертается. Что же вы думаете? Так вы его, Олексий Федорович, словом своим сагитировали - опять убег. И нет день, нет два. А тут нимцы в Левки пришли. Ко мне в хату офицер стал.

От перепугалась я, Олексий Федорович! Думаю, а ну, как узнает, что муж мий коммунист. Барахло тоже не все попрятала. Нимцы как раз открыли кампанию: теплые вещи забирают для своей армии. Требуют, чтобы жертвовали. Увидел у меня тот офицер кожушки, руками показывает: "Що, мол, таке?" А я тоже руками и словами и всем стараюсь объяснить, что будто активно собрала в подарок победоносной Германии. Улыбаюсь, кланяюсь. Бачу - вин смеется: "Гут, гут".

Потим к нему хлопчика приставили из колонистов, переводчик он. Тоже у нас жил. Я им обед варила. Сам-то Шерман-майор будто вежливый и чистый. А хлопчик - такой поганый, прыщавый, злой, як змееныш.

По перву жили не дуже плохо. Майор с переводчиком в

кимнатах, а я с дитмы в кухне. Шерман-майор, как вечер, ванну принимает: воды в корыто налью, губку резинову дае, тереть чтобы. Вин голый. Ну что тут робить? Терплю. Плачу, а сама тру То для дитей, товарищи партизаны. Що тилько мать для диток своих не перетерпит!

Вин будто добрый був, той майор. Диткам моим ром дае, кофе дал раз чашку: сахарину дуже багато насыпал и диткам отдал. Я разбавила на три чашки, и дитки выпили.

Други нимцы чуть что по морде бьют. А наш майор ласково так: "Фрау Марусья..."

Переводчик, той обличье свое прыщаве воротит, дитей толкает. Вы мий характер понимаете, Олексий Федорович, я того переводчика, колы вин до моей старшей девчонки стал лепиться, из кухни вытолкала. Вин до майора, а той смеется: "Гут, гут", - говорит.

Я было приспособилась, ночью тихенько вещи перепрятываю. Так думала и жить станем понемножку. А тут приходят до мене два полицая и Андрей Сива, староста наш. Шермана-майора дома нема Сива в сарай, корову тягне. Други два за кабанчик. Я начала криком орать, да и дитки мени в помощь. Сива грозит: "Убью!" Пистолет до грудей: "Мовчать, бильшовицка зараза!" Но вы мий характер понимаете, Олексий Федорович, мени, коли до диток дойдет, последне их добро отбирают, мени тогда все чисто прах, никто не напугает. Борюсь с тем Сивой, с рук веревку, что корова привязана, рву. А тут Шерман-майор во двор иде. По военному так выступае: раз, два. Берет Шерман-майор Сиву за ворот, а другой рукой в морду, в морду того Сиву. Бачу я таке дило, к полицаям пидскочила, схватила ведро и тем поганым ведром як стала биться! Так воны со двора бигом...

Тут Дружинин не удержался, прервал рассказчицу:

- Что немцы у вас там в Левках все благородный или только один этот Шерман?

- Сама думала благородный вин, две недели так предполагала. Только то у него политика наружная, а политика внутренняя такая оказалась. Сидят раз вечером оба-два - и Шерман-майор и его переводчик. Дай, думаю, спытаю: чи знают воны, что мий муж коммунист? Тихенько так шла, слезы на себя напускаю: "Пан майор, дитки мои, - кажу, - на вулыцю выйти не можут. Бьют их полицаи. И мени грозят, что не спасет тебя и офицер". Переводчик майору пересказывает, а сам смеется. Шерман серьезно слушает. Потим головой машет: "Найн". А переводчик ему снова, гаденыш, что-то говорит. Слышу: "Коммунистише". Пропала, думаю. Майор опять головой машет и долго что-то переводчику объясняет. Той мне: "У нас, - каже, -

нимцев (тоже без году недиля к нимцам причислен, а важно так говорит), у нас, нимцев, главное порядок. Есть приказ. По тому приказу установлена очередь - первыми обрабатывать евреев и коммунистов, следующий черед - все, кто связан с партизанами, третьи - семьи коммунистов, четверты - семьи офицеров Червоной Армии. Вы в третьем списке. А полицаи порядок нарушили - потому им и попало".

Мне после того разговору сразу бы утекти. Забрать бы диток, в санки корову запрячь и в ночи до родных своих в другое село перебраться. Так надеялась я, что шутит Шерман-майор, что вправду вин ко мне добрый. Я ж ему обид варила, белье стирала, мыла его самого каждый вечер резиновой губкой. Но колы пришел мий срок, стал Шерман-майор, як той кремень. Ничего не слухае. Полицаи сундуки вытягают, корову та поросенка волокут, Сива меня за ворот, а диток моих сапогами. Как не убили до смерти, не знаю...

Она замолчала. Взгляд ее теперь совсем сухих глаз был устремлен в сторону. Я с удивлением заметил на лице этой женщины признаки раздумья. Губы ее слегка шевелились, будто хотели произнести что-то непривычное, выразить новую и непонятную мысль. Но после недолгого молчания сказала она ни ей, ни нам не нужные слова:

- Вот, Олекоий Федорович, что есть нимецька благодарность, фашистска благодарность...

- Так, - сказал я, - кажется, все? Или еще что-нибудь можете рассказать? Вообще-то ведь вам по сравнению с многими другими повезло. Вы живы, и дети ваши тоже пока целы.

- Так разве то жизнь? Прийшла до одних родичей в Семеновку, тетка моя там живет, характеры у нас, як зад и перед, - не сходятся. Потим в Холмы, в район перейшла до невестки.

- Тоже характеры не сходятся?

- Тоже характер, - согласилась она и вздохнула. - Мени чоловик, диткам тата нужен. Верните его нам, Олексий Федорович, сжальтесь над сиротами. Вин в Армию Червону не гожий був, билет белый ему доктора дали по желудку. А теперь от жинки в лес утек, воевать захотел...

Говорила она уже без прежней настырности и даже без слез.

- Но вы же понимаете, - попытался объяснить ей я, - мужа вашего здесь нет. Он ушел по заданию обкома. И вообще, подумайте, о чем вы говорите. Идет страшная война...

Ее вдруг прорвало:

- Я же теперь, Олексий Федорович, ясно поняла, что партизаны люди хорошие и что нет нимцев добрых, а все они вороги наши и диткам нашим, - я же теперь учена стала. И что вы

с нимцами бьетесь, уничтожаете их, то я приветствую всем сердцем и так любому для агитации скажу... Но мени-то, мени що робить? Я-то на что жить осталась? Який з мене толк теперь? Була Мария Петровна хозяйка над домом, над мужем, над дитми. Була у мене и власть и сила. А що стало? Сила при мне, вот она, - рассказчица протянула вперед руки, сжала кулаки так, что на запястьях выступили синие жилы, есть сила, а не хозяйка я бильше в жизни...

Дружинин подмигнул мне и спросил:

- А советскую власть вы любите?

- Як же я могу Радянську владу не любить, колы и дом, и сад, и худобу* - все при Радянській владе мы имели. Як же мне Радянську владу не любить, колы мий Кузьма сам член исполкому и мы от цього кормились и росли, и дитей растили...

_____

* Скотину.

- Выходит, вы советскую власть только за то и ценили, что при ней вам жить легче; что дом, корова, сад у вас были; что муж имел крепкое положение, прилично оплачиваемую работу? Так надо понимать? - спросил опять Дружинин.

Она взглянула на него с удивлением и даже, кажется, со страхом.

Дружинин продолжал:

- А если бы немцы оставили вам все ваше имущество и дети были бы сыты, и муж бы к вам вернулся, - помогал бы вам по хозяйству, вы бы немецкую власть тоже полюбили, так надо понимать?

- Оставь, товарищ Дружинин, - сказал я. - Разговор надо кончать. Есть и другие дела. Все как будто ясно. Мария Петровна, где вы поселились, в Холмах? - Она кивнула головой. - Муж ваш знает адрес этих родственников? Ну, вот и прекрасно. Когда он вернется с задания, мы ему все расскажем. А если обстоятельства позволят, он зайдет к вам погостить на денек.

Она ничего не отвечала. Слова Дружинина, верно, очень ее задели.

- Колы б не диты, - произнесла она медленно, - я бы до вас в партизаны пошла...

- А мы бы вас не взяли, - сказал Дружинин.

- То я для примера сказала, что до вас, - продолжала Мария Петровна. - То я на ваш вопрос о нимецькой владе ответ даю. Характер мий вы сперва хорошо угадали, что нет мени большего на свете счастья, чем хозяйкой быть. И почуяла я теперь точно, что не может при нимцах, при ворогах, нихто хозяйнувати - ни Сива, староста наш, ни полицаи, а гетмана нимцы поставят, як в

народе балакают, так и гетмана хозяйнувати на Украине не пустят. И поки Радянська влада не вернется, не будет нам життя. Поняла я правду эту не сразу, а через разорение и унижение, так ведь и вы до командирского звания пока дошли, тоже, небось, шишек на лбу понабивали?

Я не мог сдержать улыбки. Отвечала она Дружинину бойко. В логике ей нельзя было отказать. Заметив мою улыбку, Мария Петровна подбодрилась, расправила перышки и перешла в наступление.

- Вот вы говорите - несознательная у Кулько жинка. Что дальше дому, диток своих да скотины ничого не бачит, в политике слаба, одно хозяйство любит и бильше ничого. А что той Кулько, партийный чоловик, много жинку учил? Дома-то не вин меня, я его учила. В исполкоме, да на собрании, да в райкоме - вы уси партийны, а домой придете: дай, жена, обидать, почини рубашку, а что диты сыты ли? А чому поросенок худо расте? Мой-то Кузьма всюду хвалился: "Вот у меня Маруся хозяйка!" Не увидел, как я в хозяйстве, за пятнадцать лет, душу свою утопила... Так вот же теперь нет у мене бильше хозяйства, руки мои развязаны, а душа против нимца загорелась. Ну, думаю, разыщу Кузьму, нехай учит, як дальше жить. Вин партийный, вин в политике силен. А при войне яка жизнь? При войне кругом политика. Так вы к Кузьме не пускаете и вид себе гоните, - она махнула рукой и замолчала.

На этом разговор с Марией Петровной мы закончили. Я дал распоряжение отпустить ей для ребятишек с продсклада муки и сахару, велел проводить до заставы. И только уже прощаясь спросил, не согласится ли она взять с собой в Холмы сотни две листовок.

- Там есть, слева от лесопильного завода, разрушенный бомбежкой дом. Под лестницей углубление. Положите листовки туда, а наши люди возьмут.

- Испытываете? - догадалась она. - Ну, хоть за это спасибо... Давайте листовки. И смотрите, може мою старшую девчонку тоже приспособить? Ей четырнадцать рокив, пионерка...

После ее ухода мы долго спорили, что она за человек и можно ли ей доверять, действительно ли в этой жадной до глупости бабенке могли произойти за это время такие перемены. А если даже она под впечатлением всего пережитого люто возненавидела немцев, следует ли привлекать ее к подпольной и партизанской борьбе.

И мы решили, что испробовать, во всяком случае, надо. Она, может быть, не очень хороший, политически отсталый, но все же советский человек. Людей же, чье политическое сознание

просыпается под влиянием войны и оккупации, немало. Люди идут к нам разные. Но они идут к нам, под наши знамена. Мы должны их принять, вооружить и повести в бой.

Тут же скажу, что Мария Петровна Кулько нас не подвела. Нельзя сказать, чтобы она очень активно работала, но когда нужно было связаться через нее с людьми, переправить кому-нибудь письмо или пачку листовок, Мария Петровна не отказывалась. Да и нельзя было требовать от нее большой активности. Жила она не у себя. И при ее довольно трудном характере жить долго у родственников было подвигом. А жила она в Холмах только для того, чтобы быть нам при случае полезной. Много сделать для нас она не смогла еще и потому, что прокормиться ей с детьми было нелегко.

Таких вот, не очень деятельных, но верных помощников подпольный обком и райкомы имели множество.

*

Наши разведчики, связные, новички из окруженцев подробно рассказывали о зверствах, о терроре, свидетелями которых были. Но стоило нам поинтересоваться, как хозяйничают немцы, какие методы экономического порабощения они применяют, наши люди сообщали только поверхностные сведения, которые они сами почерпнули из газет и листовок, выпускаемых оккупантами.

Еще меньше мы знали тогда, в первый период, о духовном мире, о мыслях, настроениях самих немцев и их подручных - венгров. Для партизана фашист был существом без души. О чем он думает, о чем мечтает, какие у него убеждения - да не все ли равно? Их внешний облик, одежда, выражение лиц, их речь - все вызывало у партизан отвращение. Наши переводчики, допрашивая пленных, говорили с ними нарочно испорченным языком, чтобы даже речью не походить на них.

Во время боев в Савенках мы захватили чемодан штабного офицера Августа Тюльф. Там были планы, карты, разные служебные записки. В большом, синей кожи альбоме хранились фотографии: грузная дама в кружевах; мужчины во фраках; несколько тоненьких девушек с томными глазами; масса детей в белых прозрачных платьицах; сам владелец альбома с годовалого до тринадцатилетнего возраста; под конец он держит за талию невесту: улыбка прямо-таки сахарин. Все эти морды аккуратно воткнуты в листы альбома и прикрыты бумажной вуалью. Внизу еще лежали не распределенные фронтовые фотографии: Август Тюльф надевает петлю на шею польской крестьянки; Август Тюльф стреляет в затылок человека со связанными руками; Август Тюльф с группой офицеров поднимает, бокал перед портретом Гитлера... И большой, увеличенный на память снимок:

Тюльф веселится в кругу друзей. Их там, этих друзей, человек пятнадцать. Тюльф - самый старший. Остальные гитлеровская молодежь. То, что они офицеры, видно по обилию выпивки и разнообразию закусок. Сами же "друзья" все до одного голые. И все изображены в каких-то неестественных и отвратительных позах.

Мы уже давно знали, что немецкое офицерство увлекается порнографией. Но это уже была не просто порнография. Душа фашистского офицерства, вся ее поганая сущность обнажилась в этом фотодокументе; он, кстати, сказать, хранится у меня и сейчас.

Тогда мы еще не знали о Майданеке, Освенциме, не знали, что фашисты изобрели душегубку. Но мы видели села, сожженные карателями, видели растерзанных детей.

В первых числах декабря группа наших разведчиков натолкнулась в лесу на труп женщины. Это была Маруся Чухно - работница Корюковского сахарного завода, коммунистка, подпольщица. Ее квартирой пользовались для связи партизаны Корюковокого отряда. Немцам ее выдал предатель и впоследствии бургомистр Корюковки - бывший инженер того же сахарного завода Барановский.

На теле Маруси Чухно мы обнаружили шестнадцать колотых ран. Один глаз был вырван. Палачи подбросили ее останки в лес, чтобы напугать нас, партизан и подпольщиков.

Марусю Чухно торжественно похоронили. Сотни партизан участвовали в похоронах.

Нет, мы не могли и не хотели видеть в оккупантах ничего человеческого. Пока они здесь, на территории Советского Союза, - это не люди, а только враги.

Но для того чтобы успешно бороться с врагом, его надо знать. Мы требовали, чтобы если не все партизаны, то хотя бы руководящие и особенно политические работники и разведчики изучали попадающие к нам немецкие документы: приказы гаулейтеров, законы, издающиеся на Украине. Как можно вести агитационную работу среди населения, как можно проникнуть в аппарат оккупационных властей, не разобравшись в их порядках?

Большинство товарищей с величайшей неохотой занималось этим предметом. "Какие, к черту, законы? - возражали противники такого изучения. - Новый порядок... Произвол - вот что означает этот оккупационный порядок. Любой комендант может делать, что хочет".

Это было, конечно, верно. Вот очень характерный для того времени документ. Объявление военного коменданта, расклеенное на стенах домов в Холмах.

"О Б Ъ Я В Л Е Н И Е

1. Запрещается ходить в лес. Кто не подчиняется этому, тот б у д е т р а с с т р е л я н.

2. Кто поддерживает связь с партизанами, кормит их или дает им помещение, тот б у д е т р а с с т р е л я н.

3. Кто об имени, проживании знакомых ему партизан или о приходе чужих партизан и коммунистов не сообщит сейчас же ближайшей военной единице, тот б у д е т р а с с т р е л я н.

4. Кто имеет оружие или какие-либо другие военные принадлежности, тот б у д е т р а с с т р е л я н.

5. Кто распространяет ложные сведения, могущие напугать население, удерживает людей от работы или каким-либо иным способом мешает общему благу, тот б у д е т н а к а з а н с т р о ж а й ш и м о б р а з о м.

6. Все старосты должны сейчас представить в комендатуру в Чернигове списки на чужих людей.

7. Родители, учителя и сельские старосты ответственны за молодежь. Они будут наказываться полной мерой за все преступления несовершеннолетних.

8. Кто не препятствует саботажу, если может это сделать, тот б у д е т н а к а з а н с м е р т ь ю.

9. В отношении сел, которые не подчинятся этому распоряжению, б у д у т п р и м е н я т ь с я с а м ы е с т р о г и е м е р ы с к о л л е к т и в н о й о т в е т с т в е н н о с т ь ю.

Военный комендант".

Получалось так, что любого человека в любой момент можно расстрелять. Оккупационные власти издавали множество распоряжений, приказов и законов. В некоторых из них обещали всякие блага, безопасность, определенные нормы обложений. Но единственные обещания, которые немцы выполняли, - это повесить, расстрелять, наказать.

И все же обком принял решение, обязывающее изучать систему военной, экономической и политической организации оккупантов. Был создан специальный кружок. Даже сейчас, вспоминая занятия в этом кружке, не могу удержаться от смеха. Сидят раскрасневшиеся, утомленные партизаны и с вспотевшими от напряжения лицами зубрят.

- Управление сельским хозяйством осуществляет гебитскомендатура. Четырьмя сельхозартелями или общинами управляет ландвиршафтсфюрер. Ландвиршафтсфюрер подчинен гебитсландвирту. Гебитсландвирт подчинен крайсландвирту.

Крайсландвирт подчинен гебитскомиссару. Гебитскомиссар подчинен гаулейтеру...

После занятия в этом кружке люди приходили в неистовство, их можно было посылать на самые рискованные операции.

*

В районном центре Черниговской области - Корюковке - и сейчас еще есть люди, которые могут клятвенно подтвердить, что 6 декабря 1941 года партизанские самолеты разбросали над местечком сотни листовок.

Мы сами узнали об этом налете "партизанской авиации" из захваченных у немцев документов. В докладе районного коменданта, составленного в очень тревожных тонах, сообщалось, что партизаны имеют не только легкое вооружение, но и пулеметы, и артиллерию, и самолеты. В доказательство последнего утверждения приводились свидетельские показания немецких и венгерских солдат и офицеров, а также протоколы допросов жителей Корюковки.

Позднее у нас действительно появились пулеметы и пушки, отобранные в боях у немцев. Прилетали к нам и самолеты из советского тыла, брали наши листовки, разбрасывали над селами я городами области, но только не в декабре 1941 года. Так что, прочитав немецкий доклад, мы посмеялись и только. У страха глаза велики. Коменданты и начальники гарнизонов, чтобы получить пополнение, в своих докладах нередко преувеличивали партизанские силы.

Но потом мы вспомнили. 6 декабря в Корюковке и в самом деле с неба падали наши листовки. Стоял пасмурный день, и немудрено было подумать, что за тучами на большой высоте пролетели самолеты. Замечательно, что Корюковка была в то время набита до отказа оккупационными войсками. Накануне приехали сотни немцев и мадьяр. А как раз шестого на площадь согнали все население местечка, чтобы показать народу новые районные власти: бургомистра, начальника полиции, коменданта.

И вот тут-то с неба посыпались сотни партизанских листовок, зовущих народ к борьбе против оккупантов.

Это было делом рук двух наших лихих разведчиков - Пети Романова и Вани Полищука.

Случилось же вот что. 5 декабря их послали на связь в Корюковку и дали им для наших подпольщиков тысячу листовок, напечатанных в лесной типографии подпольного обкома.

Об этом походе рассказал сам Петя Романов. А ему можно было верить. Это был один из самых смелых и находчивых разведчиков и диверсантов нашего отряда. И не болтун. Как многие истинно храбрые люди, Петя был человеком не то чтобы

тихим или очень уж скромным, но не любил он преувеличений. Ярый сторонник справедливости, Петя всегда требовал, чтобы каждый получил по заслугам. В оценках подвигов как чужих, так и своих этот молодой партизан был очень скуп.

В июне 1942 года Петя Романов погиб вместе с двумя товарищами. Они были окружены несколькими десятками немцев, отбивались до последнего патрона. Товарищи Пети были убиты, а он последнюю пулю пустил себе в висок. Но это история последующих дней. Вот рассказ Пети Романова, как я его запомнил, о случае в Корюковке.

"Нам было дано несколько задач. Во-первых, зайти в больницу к доктору Безродному за рецептами для наших больных; во-вторых, в аптеку за лекарствами и бинтами; потом отдать на явку листовки. Кроме того, узнать новости: как ведут себя немцы, не собираются ли напасть на отряд.

Доктор нас отпустил моментально. Он, как обыкновенно, тревожился.

- Зачем, - говорит, - вы ходите ко мне с таким количеством оружия? Поймите, я не партизан и мне страшно.

Ну, ничего, рецепты выдал. В аптеке пришлось немного покричать, чтобы сделали срочно. Ничего. Сделали. Идем дальше. Теперь надо на явку, отдать листовки.

Иван говорит:

- Смотри, по-моему, это немцы.

Верно, в конце улицы топает не меньше, как рота. Поворачиваем, - с другой стороны мадьяры на конях. Это нам не подходит. А бежать нельзя: в карманах склянки и за поясом по две гранаты и пистолеты. Опять же листовки. Как быть? Нехорошо получается. Их много, а нас всего двое.

Я говорю:

- Иван, попробуем сунуться ну хотя бы в эти ворота.

Он говорит:

- Это опасно, а если там сволочь?

Я говорю:

- По-моему, нет. В этом доме, я помню, до войны жили механик МТС и пекарь. Идем.

Мы вошли. Во дворе собака. Бросается, гадость эдакая. Я говорю ей:

- Жучка!

А черт ее знает, может, она Полкан или еще как. Вдруг она стала вилять хвостом, мы прошли у нее под носом. Ничего. Не укусила. Но дверь нам не открывают. Женщина там или девчонка. Пищит и не открывает. А мы уже слышим, что в другие дворы входят немцы.

Иван говорит:

- Видишь, Петро, там в заборе дыра. Полезем?

Я говорю:

- Полезем.

Я, когда пролезал, порвал сильно карманы и склянки рассыпал. А разве можно бросать. Больные нуждаются. Иван нервничает. Я говорю:

- Все равно, если надо погибнуть, то за медицину тоже будет правильно. Ты как хочешь, а я буду собирать.

Он хоть и поворчал, но тоже стал подбирать пузырьки. Потом мы оказались в другом дворе. И очень хорошо. Там тихо. Мы вышли в переулок. Дальше я знаю дорогу к Буханову. Это рабочий. Старик. Он с детства на сахарном заводе. Он человек верный. Я за его дочкой одно время ухаживал. Неважно, как ее зовут, вам-то не все ли равно.

У Ивана один пузырек раздавился. Я его ругал. Я его так сильно ругал, что он даже обиделся.

Я говорю:

- Дурья башка. Ты пойми, если мы все лекарства погубим и растеряем еще листовки, то какие мы с тобой партизаны и разведчики. Нам тогда грош цена. Верно?

А еще это лекарство оказалось очень вонючее. Ну, ясно, если пошлют за нами собак ищеек, - мы пропали.

Нам повезло. Просто счастье. Буханов сидит дома. Представляете кругом такое делается, а он спокойно пьет самогон. Нам говорит:

- Вы, ребята, не обижайтесь, я вам не дам. Самому мало.

Он такой чудак. Всегда вот так разговаривает. Потом сжалился. Налил нам по стаканчику.

Буханов говорит:

- Ну, ребята, время терять не приходится, идемте. Буду вас выручать.

Мы послушались. Он повел нас разными дворами и тропками. Смотрим, а мы уже на территории сахарного завода. Как это?

Буханов смеется и говорит:

- Вас тут ни один черт не найдет, даже сам Барановский.

Завод сильно сожженный, развалины и всюду копоть. А нас, между прочим, ищут, за нами определенно погоня. Как могло случиться, что сразу узнали и помчались за нами? Не знаю. Думаю, что в аптеке сказали, что заходили подозрительные. Там пациент какой-то обиделся, что мы его оттолкнули, а сами взяли лекарство. Он нам сказал так смешно: "Что вы, говорит, - партизанщиной занимаетесь?" Я ответил как следует. Потом еще Иван прибавил четыре слова. Если бы этот пациент стал еще

лезть, то мог и по роже схватить. Нет, в самом деле. У нас такое задание. У нас в отряде есть, которые при смерти, а этот переругивается, будто на базаре.

Вот он, верно, и пустил за нами немцев.

Буханов говорит:

- Спускайтесь сюда.

Оказалось, что какая-то лесенка в развалинах. А потом лезем трубами. Там, под сахарным заводом, очень много разных коридоров и подземных широких труб. Я технологии этой не знаю. Факт только, что там ходы и выходы и какие-то заслонки. Буханов отлично разбирается. Но ему надо бежать обратно, дома дети.

Он говорит:

- Вы, ребята, двигайтесь поглубже. Сидите там, вам ни черта не сделают. Только без меня не уходите с этого места.

Ладно, Он ушел. А у нас положение неважное. Во-первых, очень сильно откуда-то дует холодный ветер. Во-вторых, темно, как в мешке. Спичек нет, а зажигалка на ветру не загорается. Нет, не только хочется курить, но ведь надо что-то видеть. Тут ничего неизвестно, можно провалиться.

Мы не смогли сидеть спокойно. Мы пошли ощупью к концу тоннеля. Там свет.

Иван говорит:

- Давай выглянем.

Я говорю:

- Правильно! Сколько нам тут сидеть. Курить охота и с утра ничего не ели. Пошли!

Ничего. Тишина. Впереди белый снег. Но только я высунулся на волю, выстрел. Я назад. Другой выстрел. Мы тогда, конечно, поглубже. А тут бегут черт его знает сколько. Сунулись в тоннель или трубу, как она называется... Лезут, гады. Требуют, чтобы сдавались. А труба тут пока без поворота, если начнут стрелять, определенно укокошат.

Надо уходить глубже и заворачивать.

Иван говорит:

- Я брошу.

Я говорю:

- Кидай.

И сам тоже вытаскиваю из-за пояса гранату. Но размахнуться нельзя. Мы кольца сняли и по очереди пустили гранаты низом, а сами назад, бегом, на четвереньках. Взрывная волна довольно крепко нас саданула. Но и там были вопли и стоны.

Мы кричим:

- Как раз вы нас возьмете! Попробуйте! Партизаны гибнут, но

не сдаются!

А там, оказывается, сам Барановский, бургомистр. Он ведь на этом заводе до войны был инженером.

Барановский кричит:

- Вылезайте, я все здесь знаю. Я вас отсюда выкурю!

Мы ему отвечаем как следует. Все-таки и он и другие боятся лезть. Мы пошли глубже. Сколько шли и ползли, не знаю. Несколько часов болтались в трубах и тоннелях. Главное, осколки в одежде. Когда был взрыв, наши пузырьки почти все в карманах побились. Мы где-то в трубе повыбрасывали. Но потом пришлось возвращаться.

Иван говорит:

- Как нас Буханов разыщет?

Я говорю:

- Давай вернемся на то место, где он нас оставил.

Поползли обратно. Но забыли, что валяются осколки. Я порезал руки осколками, не сразу понял.

Через некоторое время потянуло дымом. Слезы, кашель.

Иван говорит:

- Это жгут солому.

Я говорю:

- Нет, по-моему, навоз.

Мы сильно поспорили. Торопливо уползаем подальше, а сами ругаемся.

Иван говорит:

- Много ты понимаешь в навозе. У него дым тяжелый, должен тянуться по низу.

Я говорю:

- Какой тут низ или верх, тут круглая труба.

Выяснили только на следующий день. Нам Буханов сказал, что Барановский привез несколько возов соломы. Они жгли до ночи. Потом Барановский сказал полиции, что он как специалист уверен, что мы давно задохнулись. Хорош инженер - не знает даже, сколько надо сжечь соломы, чтобы заполнить все заводские подземелья дымом.

Но это было потом, то есть позднее. Мы спаслись, не задохнулись потому, что сообразили: если дым не стоит на месте, значит есть тяга и выход ему. И полезли в том же направлении, куда тяга. И мы попали в котельную.

Она была совершенно завалена снаружи взорванным камнем. Ни войти, ни выйти. Топки тоже разрушены. Но вытяжная труба на месте. Это мы видели еще на воле. Труба в Корюковке знаменитая - выше пятидесяти метров. Тяга жуткая. Не верите - чуть шапку мою не утянуло. Потому-то в котельной можно было в

уголке сидеть спокойно. Весь дым уходит.

У основания труба частично разрушена, дым уходит в пролом.

Тут, в уголке котельной, мы даже спали. Не от беспечности, а от большого утомления. Дым тоже подействовал. Потом холод нас разбудил. И тогда уже дыма не стало.

Головная боль, как с перепою, и даже тошнит.

Я говорю:

- Это хорошо. Иначе мы бы сильнее чувствовали голод.

Иван говорит:

- Я бы все равно умял картошечки котелка два.

И мы опять сильно поспорили.

Я говорю:

- Тебе каждый доктор скажет, что после угара надо воздерживаться и не есть.

Иван говорит:

- Мой организм может принять еду в любое время. Даже перед казнью.

Но все-таки надо как-то кончать это приключение. Буханова нет. Он, может быть, попался. Он, когда уходил, сказал, что Барановский ему доверяет. Но ведь могли спросить, что вы тут делаете в развалинах и почему партизаны бежали через ваш двор? Были, конечно, и у нас с Иваном тяжелые мысли, не только споры.

Между прочим, тут, в котельной, из разных щелей пробивался свет. И когда посмотришь в пролом в трубе, наверху мелькает белое пятно. А тяга по-прежнему со свистом.

Иван говорит:

- Знаешь, Петро, у тебя вся физиономия темная. Ты, наверное, порезал не только руки. Может быть, заражение. Вытри бинтом.

Он достал бинт из тех, которые мы купили в аптеке, оторвал кусок и без разрешения с моей стороны трет мне лицо.

Я говорю:

- Очень благодарен. Только думаю, что это кровь с рук, - вырвал у него бинт и бросил.

Этот кусок бинта сразу подхватило тягой и затащило в трубу. Он мигом исчез, улетел в небо.

Иван говорит:

- Вот если бы нам так улететь и прямо в лес.

Я говорю:

- Постой, у меня появилась идея, - и давай расстегиваться.

Он смеется, думает, что я продолжаю шутку насчет того, чтобы улететь через трубу. А у меня появилась настоящая идея. Я расстегнулся, чтобы достать из-под рубашки листовки.

И что вы думаете? Беру пачку листовок, кидаю. Иван смотрит. Листовки закрутило и потащило вверх. Иван понял и тоже расстегнулся.

Мы бросали понемногу. Штук по тридцать. Ясно, что листовки вылетели наружу и с такой высоты разбросались по всей Корюковке.

Мы с Иваном так хохотали и радовались, что даже голова болеть перестала. Иван про еду забыл.

Буханов нас застал за этим занятием. Мы так увлеклись, что не слышали его шагов. Он, правда, в валенках.

Буханов хохочет и говорит:

- Там совсем с ума сошли. Говорят, что партизаны летают над Корюковкой Полицаи попрятались. Ждут бомбежки. Вы здорово придумали.

Потом закурили. У Буханова не зажигалка, а кресало и фитиль. На ветру это самое лучшее.

Иван говорит:

- Я вполне счастлив, товарищи.

Мы с Бухановым над ним смеемся. Действительно счастье. Как теперь выбраться? Попадем в руки немцев, они из нас будут окрошку рубить.

Буханов становится серьезным и говорит:

- Я сам теперь должен вылезать обязательно другим путем. Меня заподозрили. Наверное, стерегут. Я тоже полезу с вами. Но это очень отвратительный выход. Причем надо будет ждать ночи.

Когда он сказал, как он предполагает вылезть, каким ходом, у нас с Иваном испортилось настроение.

Я говорю:

- Это невозможно. Партизаны будут насмехаться над нами.

Буханов говорит:

- Ничего не будет. Я ручаюсь. Там все замерзло.

Иван говорит:

- Вы как хотите. Я предпочитаю прорываться с боем, но в дерьмо не полезу.

Буханов говорит:

- Это глупо. Канализация не работает уже несколько месяцев. Вы ребята молодые, вам жить и жить. Вам надо еще столько немцев уничтожить. Это предрассудки. А как слесари, которые ремонтируют? Нет, бросьте дурака валять!

Мы все-таки проверили другие выходы и убедились, что там сторожат.

Буханов говорит:

- Это меня, гады, дежурят. О вас уже сложилось убеждение, что вы задохнулись в дыму.

Иван взял в руку гранату и решительно двинулся к краю трубы. Но Буханов вцепился в него и потащил обратно. Так разозлился, что хотел Ивану морду набить.

- Ты, - говорит, - молокосос. Ты должен меня слушать: я отец семейства и опытный человек. Я буду командовать!

Взял Ивана в оборот, и, смотрю, Иван поддался. Тогда я тоже решил, что лучше послушаться Буханова.

Эта канализационная труба хотя и довольно сухая, но ползти было нехорошо. Все-таки аромат. Мы ползли, наверное, час. Выползли в болото. Там еще хуже, чем в трубе. Хоть и мороз, но корочка проваливается. Хорошо еще, что мы были в сапогах.

Но когда мы вошли в лес, такая охватила радость. Не потому только, что спаслись. Нет, главное - провели этих гадов.

Мы обтерлись снегом и пошли в лагерь, а Буханов домой - в Корюковку".

Вот и весь рассказ Пети Романова. Через несколько дней после этого приключения он снова пошел с листовками в Корюковку. Он хотел их разбросать тем же способом. И был очень огорчен, когда узнал, что немцы завалили все входы в тоннели и трубы завода.

*

Радионовостями у нас ведал Евсей Григорьевич Баскин Каждое утро на перекличке, перед строем, он читал сводку Совинформбюро. Потом пересказывал последние известия и содержание важнейших статей. Баскин был у нас популярен не меньше радиодиктора Левитана.

Когда он ловил в эфире хорошие новости, сообщения о победах Красной Армии, то прежде всего бежал к нам в штаб. И мы сами шли по землянкам: уж очень приятно поразить и обрадовать товарища хорошей новостью. Мне потом рассказывали, что в советском тылу, узнав об освобождении большого населенного пункта, люди выбегали на улицу поделиться с прохожими.

У нас не было прохожих. Но и в лесу каждый хотел первым передать другому хорошую новость. Увидишь - какой-нибудь боец в глубине леса обтесывает бревно, обязательно окликнешь:

- Эй, товарищ, слышал новость?

Помню 13 декабря. Вьюга, мороз градусов двадцать. Днем узнали, что каратели уничтожили Рейментаровку и заняли Савенки. Настроение у людей неважное.

Во втором часу ночи вбегает Баскин.

- Алексей Федорович, Николай Никитич, товарищ Яременко! В последний час!! Под Москвой разгромлено несколько немецких дивизий. Фрицы драпают полным ходом.

Что тут, было! Мы, конечно, перебудили весь лагерь. Подняли пистолетными выстрелами, как по тревоге. Люди обнимались, кидали вверх шапки. Капранов выдал сверх обычной нормы по стопке и даже не ворчал. Разошлись только часа через два.

По какой уж там сон! Разговоры, мечты. По всему видать, инициативу взяла в свои руки Красная Армия - началось большое наступление. Не помню уже, кто первым предложил. Вероятно, коллективная была идея. Создали несколько групп, человек по пятнадцать, и тут же, ночью, отправили в ближайшие села.

Я тоже поехал во главе одной группы. Ворвались верхами в село Хоромное. Разбудили народ.

Минут через пятнадцать к костру, который мы разложили у здания бывшего сельсовета, сбежались крестьяне. Получилось что-то вроде митинга. Я сделал сообщение. Потом посыпались вопросы. В селе немцев не было, несколько недавно завербованных полицаев попрятались. Но кто-то из них сумел пробраться в соседний хутор, где стояла рота мадьяр. Когда явились мадьяры, нас и след простыл.

В лагере уже собрались почти все группы. Обменивались впечатлениями. У всех восторженное настроение. Информационный налет оказался очень эффективным мероприятием. Крестьяне всюду благодарили, просили почаще приезжать и, если хорошие вести, будить когда угодно.

Не обошлось, конечно, без приключений. В селе Чуровичи, куда заскочила группа во главе с Дружининым, сперва все шло хорошо. Люди поздравляли друг друга. Кто-то даже заиграл на гармошке, и группа запела: "Страна моя, Москва моя - ты самая любимая!" И вдруг раздался выстрел. Все насторожились. Партизаны залегли, чтобы принять бой, местные девчата убежали в огороды. Минуты три спустя в той стороне, где стреляли, заголосила баба. Прибежали оттуда ребята, хохочут:

- Староста застрелился! Услышал, что Красная Армия наступает, решил, верно, что в селе уже передовые части. Схватил пистолет - и пулю в лоб. Это его жена голосит.

Позже всех вернулся в лагерь Попудренко. Он со своей группой был в Радомке. Только вошли в село, видят - в большой хате светятся огни. А так как знали, что в селе нет ни мадьяр, ни немцев, отправились к хате. Попудренко отослал всех, приказав идти дальше, будить народ, а сам рванул дверь, сорвал засов и вошел. Видит - сидят хлопцы, человек восемь. Вскочили с лавок, вытаращили на него очи и молчат.

- Товарищи! - закричал Николай Никитич. - Красная Армия гонит немцев вовсю! Под Москвой легло пять вражеских дивизий, наступление продолжается, ур-ра, товарищи!

Хлопцы очень робко пробормотали:

- Ура...

- Ну, некогда мне тут с вами, - сказал Попудренко и отправился по другим хатам.

Потом собрали митинг. Но видит Попудренко, - нет тех хлопцев, что в хате за ним "ура" повторяли. Спрашивает колхозников:

- Где, мол, такие-то? - Описывает: - Старшой у них с усами и папаха на голове.

Отвечают ему:

- Местных у нас таких усатых нема. Це инструктор из районного управления полиции. Он тут вербует и учит молодых полицаев. То у них совещание было. Они, по причине партизанской опасности, все больше ночами совещаются.

Разозлился ужасно Попудренко:

- Не может быть. Этот усатый за мной всех громче кричал!

- Так вы, - отвечают ему, - на себя взгляните: пять гранат на поясе, автомат на плече, в руке маузер... Увидишь такого дядю, не то что ура, караул закричишь!

- За мной! - скомандовал Попудренко своим партизанам и бегом к той хате. - Закидаем, - кричит, - гадов гранатами!

Но в хате уже темно, и гады все расползлись.

Когда рассказ был закончен, Попудренко покачал головой и сокрушенно сказал:

- Не хватает нам, товарищи, бдительности!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБКОМ В ЛЕСУ

Примерно в середине декабря политрук одного из взводов обратился к комиссару отряда товарищу Яременко с вопросом:

- Что такое партизан?

Яременко взглянул на него с недоумением.

- Поздновато спрашиваешь, - сказал он. - Но если коротко ответить, мститель народный.

- Это я, товарищ комиссар, понимаю... Но, видите ли, товарищ комиссар... Тут такое дело получилось. Проводил я с бойцами беседу о задачах, какие стоят сегодня, о том, к чему нам стремиться... Вы говорите - мститель народный. Я в таком смысле и разъяснил. Но имеется недопонимание. Отдельные бойцы рассуждают так, что положение у партизан особое. Один так выразился, что у партизана нет будущего и положение у него, если сравнить с бойцами Красной Армии, просто никудышное. Мало того, что партизану отступать некуда, ему и наступать некуда.

- Ну, положим, мы ведь проводим наступательные операции.

Погорельцы...

- Говорил. Возражают. То, говорят, не наступление, а наскок. Наскочим - и спрячемся в лесу. Дальше, спрашивают, что? Лес-то ведь окружен. И опять спрашивают - Красная Армия ведет сейчас наступление под Москвой, развивает его с каждым днем. Там бойцу весело...

- Выходит, что дела Красной Армии партизан не касаются? Надо было объяснить, товарищ политрук, что хоть и нет у нас сейчас связи с фронтом, мы и армия все равно вместе Наступление Красной Армии - это и есть наше наступление.

- Это людям понятно, товарищ комиссар. Но вот, к примеру, есть боец Никифор Каллистратов. Слесарь МТС. Он всегда на беседе вопросами глубоко забирает. Он говорит, что до войны каждый знал свой план. И его старался выполнить. И что вот теперь ему тоже хочется не только на Красную Армию надеяться, а самому, как он выражается, "свою мечту иметь, план партизанского развития, спущенный до низов".

Товарищ Яременко передал содержание этого разговора мне и другим членам подпольного обкома. Тут было о чем подумать. В самом деле, без плана, без ясной перспективы наш советский человек жить не может. План стал его потребностью, привычкой, второй натурой. В этом одно из основных отличий его от людей капиталистического общества. В зависимости от развития потребность эта ярче или бледнее выражена. И слесарь Никифор Каллистратов, сливая в одно мечту и план, в сущности был прав. Советский человек уже привык к тому, что и мечта реальна. Привык к тому, что она должна выражаться в цифрах и сроках. Во всяком случае, он хочет точно знать, куда его ведут.

Надо было показать бойцам пути нашего партизанского наступления.

В армии каждому бойцу понятно: когда мы идем вперед и гоним врага, это наступление. Когда сдаем наши позиции и враг занимает села и города, это отступление.

В армии каждому бойцу понятно: если его часть укомплектована полностью и хорошо технически оснащена, - она сильна. Чем крупнее часть, тем больший урон она может нанести противнику.

Каждому понятно - ехать лучше, чем идти. Если часть моторизована и все передвигаются на машинах, это хорошо. Да и в санях, конечно, лучше ехать, чем мерять километры шагами.

Даже такие, казалось бы, простейшие истины в лесных, партизанских условиях приходилось пересматривать.

В самом деле, что считать наступлением - движение отряда на запад, в глубь тыла, или на восток, к фронту? Считать ли

наступлением захват населенного пункта? Ведь немцы нас оттуда могут вышибить. А жителей такого населенного пункта немцы жестоко карают.

Величина отряда не всегда определяет его силу. Небольшая группа смелых людей может легко прятаться и наносить временами очень чувствительные удары. Особенно сильные при помощи диверсий.

А отсюда и третий вопрос: нужно ли обзаводиться лошадьми и обозом? Ездить, конечно, приятнее, чем ходить. Но, может быть, не надо никуда ездить? Не лучше ли действовать в своем районе маленькой сплоченной группой? Район прекрасно известен. Все лесные тропки изучены...

Теперь не только бывшие партизаны, но и все, кто читал книги о партизанском движении Отечественной войны, знают, что отряды были местными или рейдирующими. Первые крепко держались своего района, вторые проводили несколько операций и уходили. Потом возвращались и так, кольцами, совершали переходы в сотни, а то и в тысячи километров.

В 1941 году даже командирам отрядов неизвестно было такое деление. Спросил бы кто-нибудь в то время у меня, у Попудренко, у Яременко: стремитесь ли вы сделать свой отряд рейдирующим? Мы бы не сумели ответить.

Нам никто не приказывал стать таким отрядом.

Тактику постоянного движения, иначе говоря - рейда, выдвинула сама жизнь.

Иногда говорят, что партизаны такие-то долго отсиживались в лесу. Действительно, бывало, что небольшой отряд месяцами не показывается ни в населенных пунктах, ни на дорогах, ограничивается обороной. Но я не знаю ни одного отряда советских партизан, который все годы оккупации просидел бы спокойно, просто перепрятываясь и ничего не делая.

Если про какой-либо партизанский отряд рассказывают, что он всю войну просидел в лесу и ничего не сделал, - это либо желание очернить партизан, либо то был не отряд, а сброд уголовных преступников.

Не так уж приятно жить в лесу. Спросят: а как же, мол, охотники, лесники и другие специалисты по лесу? Живут же они годами в тайге, забираются в глушь. В том-то и дело, что они не живут в лесу, а работают. Да вообще сравнение это неудачное. В одном случае время мирное, в другом военное.

В мирных условиях, когда есть возможность как следует отстроиться, прочно укрыться от непогоды, организовать свой быт, и то жизнь в лесу далеко не каждому по душе. Попробуйте загнать в лес крестьянина-земледельца, рабочего от станка,

инженера. Нет, долго ему там не захочется жить. А лютой зимой, в землянке, стены которой покрыты инеем, теснота, грязь и каждый день одни и те же лица! Да еще знать, что кругом враги. Не сегодня-завтра они могут нагрянуть и безжалостно уничтожить и тебя и товарищей. Какая это жизнь? Отвратительное прозябание. Способны на нее только оголтелые трусы или скрывающиеся преступники. Советские же люди в подавляющем большинстве органически не переваривают длительного безделья.

Конечно, не все отряды были одинаково активны. Не все одинаково хорошо воевали. Разные причины лежали в основе неудач: неумелое руководство, тактическая безграмотность, политическая близорукость. Играли роль и географические факторы. Борьба в лесных и горных условиях дает несомненные преимущества партизанам. Однако мы знаем случаи, когда в районах с идеальными географическими условиями для развертывания партизанских действий противник легко и быстро подавлял все очаги сопротивления.

Главным условием успеха является, конечно, политическая сознательность народных масс. А в наших условиях главным, решающим была степень организованности коммунистов. Там, где коммунисты сумели сохранить за собой ведущее положение, где они не утеряли связи с народными массами, звали их за собой, поднимали на борьбу, в таких районах оккупанты получили наиболее чувствительные удары. В таких районах партизанские отряды были серьезной военной и политической силой.

И уж, конечно, отряды, в которых коммунисты были организованны и сплоченны, подолгу никогда не отсиживались, то есть не бездействовали. Касаюсь этой темы еще и потому, что некоторые историки партизанского движения на Украине замечают только мощные удары партизан второй половины войны. Они склонны считать весь первый, организационный период периодом отсиживания и робких действий. Они объясняют появление крупных отрядов и вообще широкое народное сопротивление оккупантам, развившееся к концу 1942 года, немецким террором и жаждой места. Тем самым эти горе-теоретики сбрасывают со счетов агитационно-массовую работу партии по вовлечению в партизанскую борьбу советских людей, оставшихся в тылу врага.

Рост народного сопротивления был прямо пропорционален усилению коммунистического влияния в массах, расширению подпольной агитационной работы и ударам партизанских отрядов. А эти удары были не чем иным, как в о е н н о й р а б о т

о й п а р т и и в тылу врага.

Не сразу мы приспособились к условиям подполья, не сразу нашли новые организационные формы. В первый период, когда многие рассчитывали на короткие сроки борьбы, имелись охотники спрятаться, переждать, отсидеться. Эти настроения стали проходить после первых же наступательных боев, когда укрепилась уверенность в своих силах.

Для нас таким переломным моментом была Погорельская операция.

К середине декабря в объединенном отряде насчитывалось свыше пятисот бойцов. И с каждым днем прибывали к нам новые бойцы. Наши агитаторы повсеместно призывали к сопротивлению врагу. Первая листовка, которую обком выпустил в своей типографии тиражом в несколько тысяч экземпляров, была озаглавлена: "Кто такие партизаны и с кем они воюют". В ней мы говорили народу: "Бейте фашистов, идите в партизанские отряды". И люди шли к нам.

Однако наступил кризисный момент. Наступило такое время, когда мы уже не могли без риска лишиться маневренности и боеспособности принимать добровольцев.

Большинство из них приносило с собой оружие, и все же мы не могли всех вооружить. Нам тащили гранаты, пистолеты - то, что легко спрятать под полой, но автоматического оружия и даже винтовок нам не хватало. У нас был острый недостаток патронов, кончался запас тола. Люди приходили неподготовленные, необстрелянные. С ними надо было очень много работать.

Крепчали морозы. Далеко не все новички были тепло одеты. Все чаще люди обмораживались. Строительство землянок занимало у нас не меньше энергии, чем бои и диверсия.

Рация была закопана на базе Репкинского отряда. Радисты погибли. Никто, кроме них, не знал примет того места, где зарыта была рация. Но мы продолжали поиски. Лучшие наши следопыты обшарили весь тот участок леса, где находилась база, вырыли что-то около двадцати ям, - и все безуспешно.

Посылать людей через линию фронта было нецелесообразно. Слишком далеко. Ни одна из групп, посланных раньше на связь с фронтом, не вернулась. Но все мы, от командиров до самого отсталого бойца, понимали, что в современной войне без радиосвязи партизанский отряд, если и не погибнет, то будет влачить жалкое существование.

Нам нужны были руководящие указания Центрального Комитета партии и Главного Командования; нам нужна была моральная поддержка Большой Земли; мы хотели постоянно чувствовать, что действия наши согласованы с действиями

Красной Армии, что мы воюем плечо к плечу со всем советским народом. И если бы была такая связь и руководство, насколько бы это облегчило нашу задачу. А главное - нам нужны боеприпасы, современное оружие, тол, мины. Немцы восстанавливают железные дороги, первые немецкие поезда идут уже мимо нас на фронт. Да, связь, связь во что бы то ни стало!

Введение в бой необученных резервов увеличило число ранений. А медицинская помощь была у нас самым слабым местом. Надо признать: в Чернигове при организации областного отряда мы как-то выпустили из виду этот важнейший участок. Взяли очень мало медикаментов и перевязочного материала. И только в лесу обнаружили, что нет у нас врача. Есть фармацевт - Зелик Абрамович Иосилевич, есть несколько медицинских сестер, а врача-то, хотя бы какого-нибудь молоденького, и нет.

Перелюбский отряд имел фельдшера - Анатолия Емельянова. Его мы и назначили начальником медико-санитарной службы объединенного отряда. Очень старательный, исполнительный, чрезвычайно внимательный, но что делать - он был не врачом, а только фельдшером и к тому же молодым. За каждым раненым и больным он ухаживал самоотверженно. Ночи не спал, бедняга. Но раненые, хотя и ценили его душевные качества, прежде всего ждали от него не доброты, а помощи.

В первое время мы крали в Корюковке врача из районной больницы. Да, именно так. Приезжали ночью к главврачу Безродному, закутывали его и везли в отряд. Безродный ставил диагноз, прописывал лекарство или делал небольшую операцию. Потом его привозили домой. И все это под носом у немцев. Безродный был уже человеком немолодым и болезненным. Жизнь в лесу ему вряд ли удалось бы выдержать. Но если бы он физически был крепче я моложе, мы бы уж как-нибудь уговорили его остаться у нас.

Однажды сделали попытку воспользоваться услугами немецкого врача. Он попал к нам в плен. Его попросили удалить минные осколки из тела раненого бойца. Он потребовал хирургический инструмент. Ему предложили кортики, ножи, бритвы. Он их почему-то отверг. Такая педантичность не понравилась товарищам. Они рассчитались с немецким эскулапом, не доведя его до штаба.

Крупный отряд не спрячешь. Он может дислоцироваться в одном районе лишь при условии очень хорошего вооружения.

Я требовал от командиров отрядов-взводов, чтобы на каждые пять бойцов они раздобыли лошадь и хорошие сани. Требование это диктовалось необходимостью подвижности - снялись в любое время и ушли из-под носа немцев.

В первые дни этот приказ выполнялся плохо. Не столько потому, что достать в наших условиях лошадей и сани дело довольно трудное, нет, многие не понимали, зачем это нужно, не понимали, что приказ этот - часть большого плана, что в этом плане наше наступление.

Только решив эти важнейшие задачи, то есть обеспечив маневренность, наладив связь с Большой Землей и значительно улучшив медицинское обслуживание, мы могли допустрггь дальнейший численный рост отряда.

Я говорю - допустить. А ведь мы же хотели создать партизанскую дивизию. В своих выступлениях перед бойцами, в беседах с ними члены обкома и командиры, рисуя наше будущее, нередко говорили:

- Вот когда нас будет несколько тысяч!

Но пока нас только сотни, а некоторые командиры уже побаивались дальнейшего роста. Немцев здесь, в ближайшем окружении, действительно, были тысячи. После разгрома под Москвой оккупационные власти получили приказ поскорее кончать с партизанами. Фронт требовал пополнения. Поэтому против нас стянули артиллерию, танки, самолеты. Расчет на то, что мы сами распадемся, не оправдался, так же как и расчет на изоляцию партизан от населения.

Уже привезли для солдат сотни пар лыж; мадьяры учились, при помощи полицаев, ездить на санях. Уже падали в расположении нашего лагеря пристрелочные снаряды немецких пушек. Перевес оккупационных частей над нами был настолько велик, что немцы не считали нужным скрывать от нас подготовку наступления. В листовках-пропусках, которые они нам подбрасывали, предлагалось "прекратить безнадежное сопротивление, выходить из лесу и сдаваться".

Ни один наш товарищ этих угроз не испугался. Листовки использовали как курительную бумагу и еще для кое-каких надобностей.

Но мы понимали, что здесь оставаться мы не можем. С каждым днем наше пребывание в этом месте становилось опаснее.

В те дни подпольный обком партии провел одно из важнейших своих заседаний, определил пути нашего развития.

*

Что представлял собой в то время подпольный обком партии?

Посмотреть со стороны - маленькая группа людей из числа нескольких сот партизан. Ничем особенным не отличались они, эти люди, от массы. Не все занимали высокие посты. А по одежде, по манере держаться, по строю жизни - такие же партизаны, как и

другие.

Но когда эта группа уединялась, все кругом знали, что собрался обком: значит, решаются важные вопросы жизни всего отряда, а может, и не только отряда. Не обязательно секретные, но уж непременно важные, очень серьезные вопросы.

Когда вызывает обком, любой партизан, будь он партийный или беспартийный, подтягивается, собирается с мыслями, просматривает свои блокнотные заметки, если они у него имеются. Ну, а если чувствует за собой какой-нибудь проступок, может и сильно струхнуть...

Не только рядовые партизаны, но и командиры и лихие вояки, когда узнают, что их вызывают на заседание обкома, бросают дела и - все равно: день или ночь, далеко ли, близко ли - немедленно отправляются в путь.

Даже из других, не подчиненных нашему командованию отрядов, из сел, где и нет никакого отряда, из Нежина, да что там из Нежина - из самого Чернигова, может вызвать обком человека. И если вызванный человек враг немцам, если он хочет активно бороться, - обязательно пойдет. Оставит жену, детей и с риском для жизни будет пробираться в тот лес, где находится сейчас обком.

Кто же эти люди, члены обкома? Откуда у них такая власть над человеческими душами?

То, что члены подпольного обкома были в свое время избраны в легальный Черниговский обком, а большинство из них позднее утверждены Центральным Комитетом в качестве руководителей народной борьбы в тылу врага, имело, конечно, немаловажное значение. Но это не полностью объясняет, откуда у этих нескольких человек такой авторитет и влияние в массах.

Истинное объяснение в том, что рабочие, крестьяне, интеллигенция в подавляющем большинстве понимали, что на оккупированной земле есть только о д н а с и л а, о д н а о р г а н и з а ц и я, способная поднять миллионы советских людей на героическую борьбу против оккупантов, К о м м у н и с т и ч е с к а я п а р т и я.

В тысячах больших и малых партизанских отрядов и групп сопротивления командирами были коммунисты. Отряды, где во главе стояли беспартийные, можно по пальцам перечесть. И лишь только представлялась возможность, командиры этих отрядов вступали в партию.

Даже в отрядах, не организованных заблаговременно, в группах окруженцев или бежавших пленных, среди крестьян, возмущенных зверствами немцев и ушедших в леса, если были коммунисты, способные руководить, - они становились

командирами.

В условиях оккупации особенно ярко проступают в человеке черты подлинного большевика, проверяется его убежденность, преданность коммунистической идее.

Народ это понимает отлично. Народ любит в большевике прямоту, смелость, последовательное проведение намеченной программы.

В отряд приходили из окруженцев и бежавших пленных люди, о которых мы ничего не знали.

Часовым на заставах не вменялось в обязанность опрашивать пришельцев. Часовой должен был доставить их дежурному коменданту или вызвать командира. Но часовые просто из человеческого интереса забрасывали всякого новичка вопросами. И одним из первых вопросов, который ему задавали, был:

- Член партии? Комсомолец?

И партизаны, даже беспартийные, всегда радовались утвердительному ответу. Радовались и потому, что получают сильного преданного товарища, и потому, что в ответе этом смелость и благородство. Ведь так легко скрыть принадлежность к партии. Надо только отрицать. А признание это налагало очень большие обязанности и трудности. Все знали, что коммунист получает всегда самые опасные поручения командования. В случае же провала - ему первая немецкая пуля.

Никаких дополнительных прав или преимуществ в сравнении с беспартийными коммунисты-партизаны не имели. Не было у нас даже такого формального признака членства, как партийный билет. По решению обкома, все, кто пришел в отряд с партийными или комсомольскими билетами, сдавали их комиссару. В одной из баз был спрятан сейф. Все партдокументы мы сложили в него и закопали*. У секретаря отрядной парторганизации товарища Курочки был список членов и кандидатов ВКП(б), секретарь низовой организации ЛКСМУ Маруся Скрипка составила такой же список комсомольцев.

---

* В сейфе этом хранились, кроме всяких секретных дел, еще и немецкие марки, кое-какие драгоценности, выданные областному штабу партизанского движения еще в дни организации. Предполагалось, что они понадобятся для целей разведочной работы. Но оказалось, что нужды в них нет, разведчики обходились без денег.

Включение в списки являлось признанием того, что вновь прибывший действительно коммунист или комсомолец. У нас

каждый коммунист и комсомолец очень ревностно следил, чтобы как-нибудь не выпасть из списка.

За все время партизанской борьбы было только два случая, когда вступавшие в отряд скрыли свою принадлежность к партии. Обычно же члены партии и комсомольцы, как только их зачисляли в отряд, шли к секретарю низовой организации и просили принять их на учет.

Процедура для этого была установлена довольно сложная. Как правило, пришедшие не имели партийных и комсомольских билетов. Это не ставилось им в вину. Но для того чтобы доказать свою партийность, товарищ должен был найти трех свидетелей - членов партии, которые могли бы подтвердить, что он действительно состоял а такой-то организации.

Ко мне однажды обратились с удивительной жалобой четыре бойца из первого взвода. Подошли все вместе, и один из них так и сказал:

- Мы до вас, товарищ Федоров, с жалобой на Курочку Ивана Мартьяновича...

- Так ведь Курочка не ваш командир. Чем он вам насолил?

- Мы до вас как до секретаря обкому...

Все четверо беспартийные. Ждал, что заговорят они о неполадках в лагере, личных притеснениях, грубости. Нет, они явились по сугубо партийному, даже внутрипартийному делу.

- Власенко вам, Алексей Федорович, известен?

- Знаю такого. Пулеметчик?

- Он самый, точно, Петро Власенко из Карповви.

- Мы с ним односельчане, - вступил в разговор второй боец. - Прибыл он в отряд - скоро месяц. К нам в отделение записан и живет в той землянке, где и мы. Замечаем - сильно удрученный ходит Власенко. День, другой в таком состоянии. Даже в бою не тот. Мы, как земляка и друга, пытаем: "Какая причина? Может, выпить надо серьезнее, порции не хватает? Может, Маруся-куховарка в мечтах снится?" Отмахивается, умоляет не приставать. Все же мы добились. "Помните, - говорит, - хлопцы, меня ведь еще в тридцать девятом приняли в партию, известно вам это?" Ну, а как же, естественно, помним. "А теперь не признают. Курочка отказывается взять на учет. Я свой билет закопал при выходе из окружения. Пошел бы на то место, да ведь триста километров, не меньше".

Третий боец с жаром подхватил:

- Со стороны Курочки проявлена форменная волокита.

- Он, товарищ Федоров, должен учесть, что обидно человеку. Мы подтверждаем: действительно, состоял. В селе проявил себя активно: на собраниях агитировал; в огородной бригаде

разъяснял газеты; внимательно относился. Я, к примеру, сам видел, что до войны Петро "Краткий курс" изучал. Мы секретарю парторганизации Курочке все высказали как свидетели. А вышло хуже.

- Не признал?

- Нет. Вы, говорит, не имеете прав. Если бы, говорит, Петро Власенко был действительно в партии, он бы к вам, беспартийным, по такому делу не обратился.

Я перебил жалобщиков:

- Но ведь вы же не знаете обстоятельств дела. Власенко был в армии. Возможно, что там провинился и его исключили.

Четвертый боец, который все время молчал, счел нужным вмешаться:

- Я с ним вместе из окружения выходил. Мы с Власенко из одного взвода. Не слыхал я об его исключении. Это вы неверно, товарищ Федоров, предполагаете. Выговора Власенко тоже не было.

Я заинтересовался, почему товарищи так ревностно отнеслись к делу. Власенко.

- Во-первых, человек волнуется. Мы сочувствуем.

- Ну, а во-вторых?

- А, во-вторых, - главное. Нет у нас в отделении ни одного члена партии. Как вы думаете, имеет это для нас значение, а, товарищ Федоров? В-третьих, - справедливость.

Я рассказал жалобщикам, какой установлен порядок для включения в списки.

- К сожалению, товарищи, и я ничего не могу сделать. Нарушить установленый обкомом порядок мне права не дано.

Кажется, я их не убедил. Ушли они определенно недовольные. Тот из товарищей, который вместе с Власенко выходил из окружения, минут пять спустя вернулся ко мне:

- А скажите, Алексей Федорович, если я в партию войду, тогда можно мне будет за Петра вступаться?

- Только для того и в партию хочешь вступить?

Он посмотрел на меня удивленно и ответил со всей серьезностью:

- Я предполагаю, что вы шутите, товарищ Федоров. Надо быть глупым, чтобы подавать в партию по одному этому делу. Заявление я написал еще в полку, но подать не успел. Рекомендации у меня сохранились.

- Ты где в окружении был?

- Под Киевом. Мы с Петром больше трех месяцев добирались, пока партизан нашли.

- И ты все время носил с собой рекомендации?

- Носил.

- Власенко, значит, закопал свой партбилет, а ты рекомендации при себе держал?

- Точно.

Сообразив, что это в невыгодном свете показывает его товарища, он спохватился и добавил:

- Так все ж таки разница, Алексей Федорович. У Петра членский билет, а у меня заявление только в кандидаты.

- Дай-ка сюда, покажи.

Он снял шинель, отпорол на спине подкладку и вынул аккуратно сложенные, обвернутые компрессной бумагой три рекомендации, заверенные печатями парторганизаций, и свое заявление.

- Измял, Алексей Федорович, - сказал он виноватым голосом. - Это вот писана ныне убитым лейтенантом Воронько. Эту сам полковник, товарищ Гоцеридзе, мне дал, а третья как раз от Власенки. Он был у нас первым номером на пулемете, а я вторым.

Он меня в партию и сагитировал.

Я просмотрел бумаги. Потом внимательно взглянул в глаза бойцу. Нет, невозможно было предположить, что все это заранее придумано. Тем более, что вместе с заявлением и рекомендациями у него были завернуты фотографии жены, детей и грамота райисполкома за отличную работу в колхозе.

- Ну, чудаки ж вы, ведь вот доказательство, - я показал бойцу рекомендацию Власенко. - Тут даже номер членского билета и с какого года член партии - все сказано. Зови своего дружка и скажи, чтобы тебя благодарил.

Надо было видеть, с какой радостью он меня слушал.

- Верно, верно, чудаки мы. Ведь отчего мы болели, Алексей Федорович. Человек больно хороший, а так несправедливо из партии выбыл.

Отойдя от меня, он шел сперва медленно, потом ускорил шаг и побежал. Я слышал, как он кричал:

- Петро! Давай сюда, Петро!

*

В заседаниях обкома принимали участие, кроме членов его: Попудренко, Новикова, Капранова, Дружинина, Яременко, Днепровского и меня, начальник штаба Рванов, помощник секретаря Балицкий, иногда и командиры взводов-отрядов и секретари райкомов.

Собирался обком в свободное от боев время в самых неожиданных местах. Зимой чаще всего в землянке, но когда отряд был в движении, и у моих саней и у костра.

Часто приходилось тому или иному товарищу по тем или иным причинам покидать совещание: нужно отдать распоряжения, разрешить неотложные дела. То и дело прибегал кто-нибудь из бойцов, чтобы рассказать о каком-либо происшествии.

Заседание, о котором я намерен рассказать, проводилось с многочасовыми перерывами, во время которых мы участвовали в боях.

Не стану утомлять читателя подробностями обстановки. Трудно сейчас вспомнить и отдельные выступления товарищей. Вопросы разбирались очень серьезные. Решения были приняты единодушно, хотя поспорили перед этим немало.

Опыт нам уже показал, что, объединившись, отряды выиграли в боеспособности. Удачно проведенная Погорельская операция многих вдохновила и обрадовала. Но когда всем стало ясно, что укрепление отряда влечет за собой движение, когда стало очевидным, что мы не можем без риска полного разгрома оставаться на прежнем месте, многие возроптали.

Бессараб кричал:

- Родные места, ватого-етаго, базы свои бросаем!

Неожиданно присоединился к нему Громенко:

- Никуда я отсюда не пойду! Здесь все кругом известно, все разведано. Бросайте меня: я и один со своими ребятами...

Дело дошло до таких пышных выражений: "Только через мой труп! Лучше я погибну в неравном бою!" и т. д. Но когда ему сказали, что анархические действия повлекут за собой вопрос о возможности его дальнейшего пребывания в партии, Громенко задумался. Потом пришел и сказал:

- Я, товарищи, подчиняюсь партийной дисциплине.

Но сдерживать людей только силой приказа или решения обкома, приказа и решения, смысл которых остается для них непонятным, то есть рассчитывать исключительно на дисциплину, внушенную авторитетом руководящей верхушки, в условиях подполья долго нельзя.

Мы хотели создать крупный отряд. Когда я говорю "мы", то под словом этим имею в виду обком партии. Но это, быть может, каприз руководителя, желание его подчинить себе, вопреки здравому смыслу, наибольшую массу людей? Да, нашлись товарищи, которые так и говорили:

- Федорову вскружил голову масштаб его довоенной работы. Тщеславный человек, он не может примириться с тем, что под его командованием остается всего лишь небольшая группа людей - областной отряд.

Им возражали:

- Почему Федоров? Решение принял обком партии.

- Знаем, - отвечали противники создания крупного соединения. - Все члены обкома подчинены Федорову, как командиру отряда. В обкоме он же тоже занимает первое положение. Кто же решится идти против его мнения?

Так могли рассуждать только люди, в пылу спора потерявшие головы, люди, не понимающие принципов партийного руководства.

Нет, логика борьбы заставила Черниговский подпольный обком твердо держаться линии на укрупнение отряда. Принимая такое решение, обком имел в виду прежде всего выполнение организационной задачи, поставленной перед ним Центральным Комитетом партии: задачи вовлечения в борьбу с оккупантами возможно большего числа советских людей.

Ленинизм учит, что необходимо: "...нахождение в каждый данный момент того особого звена в цепи процессов, ухватившись за которое можно будет удержать всю цепь и подготовить условия для достижения стратегического успеха.

Дело идет о том, чтобы выделить из ряда задач, стоящих перед партией, ту именно очередную задачу, разрешение которой является центральным пунктом и проведение которой обеспечивает успешное разрешение остальных очередных задач" (И. С т а л и н, Об основах ленинизма. Сочинения, т. 6, стр. 163 - 164).

Для нас в тот момент таким особым звеном в цепи процессов, поднимающих советских людей на борьбу с оккупантами, было с о з д а н и е м о щ н о г о п а р т и з а н с к о г о с о е д и н е н и я. Такого соединения, о существовании и действиях которого знали бы тысячи и десятки тысяч людей, оставшихся в порабощенных районах. Соединения, способного впитать в себя возможно большее число советских людей, идущих в партизаны по зову партии.

Было бы глупо слить воедино все отряды Украины или даже все отряды области. Но хотя бы одно партизанское соединение в области должно было иметь достаточно сил, чтобы:

1) наносить врагу серьезные удары;

2) держать постоянную радиосвязь с фронтом и нашим советским тылом;

3) иметь аэродром для посадки самолетов, посылаемых к нам из нашего советского тыла;

4) группировать у себя кадры агитаторов, способных разобраться в сложной политической обстановке того времени, разъяснять советским людям задачи, стоящие перед ними, широко информировать население о подлинном положении на фронтах;

5) иметь типографию, печатать и распространять листовки и газеты;

6) служить базой для руководящего политического центра, направляющего всю подпольную и партизанскую борьбу в области;

7) служить примером стойкости и дисциплины для всех местных отрядов и групп сопротивления окружающих районов.

Ясно, что маленькие отряды, имеющие одно лишь преимущество перед большими: возможность легко спрятаться, не могли взять на себя решение перечисленных задач.

Отдельные товарищи, выражая мнение отсталых в политическом отношении партизанских слоев, возражали против намерения обкома взять в свои руки руководство всем партизанским движением в области. Они говорили, что мы сковываем тем самым инициативу народных масс. "Создавая крупный отряд, говорили они, - вы привлекаете к себе внимание немецкого командования, заставляете его концентрировать в

районе действий отряда карательные я военные силы, тем самым Подвергая население еще большим тяготам и страданиям. Партизанское движение, - говорили они, - тем и ценно, что это стихийно возникающее, народное движение, вспыхивающее внезапно под влиянием возмущения, вызванного зверствами оккупантов. Зная, как люто ненавидят коммунистов оккупационные власти, крестьяне побоятся оказывать содействие партизанским отрядам, явно руководимым партией".

Пришлось напомнить сторонникам стихийности, что:

"Теория преклонения перед стихийностью выступает решительно против того, чтобы придать стихийному движению сознательный, планомерный характер, она против того, чтобы партия шла впереди рабочего класса, чтобы партия подымала массы до уровня сознательности, чтобы партия вела за собой движение, - она за то, чтобы сознательные элементы движения не мешали движению идти своим путем, она за то, чтобы партия лишь прислушивалась к стихийному движению и тащилась в хвосте за ним. Теория стихийности есть теория преуменьшения роли сознательного элемента в движении, идеология "хвостизма", логическая основа в с я к о г о оппортунизма" (И. С т а л и н, Об основах ленинизма. Сочинения, т. 6, стр. 91)

Обком осудил "хвостистские" настроения отдельных коммунистов. Мне же было предложено как командиру держаться линии на дальнейший рост отряда и принимать все меры для придания ему маневренности.

*

В ночь на 22 декабря все партизаны нашего отряда уселись в сани, командиры вскочили на коней, и колонна двинулась. Часа полтора петляли мы по глубокому снегу, а когда отъехали километров за пятнадцать от старого лагеря, проводники вывели голову колонны на дорогу, и сытые кони помчались что есть духу.

Встречные шарахались с дороги. Думали, верно, мадьяры едут. Шутка сказать - больше ста двадцати саней, и в санях люди с винтовками, автоматами, пулеметами. Кроме того, верховых человек семьдесят. В то время ни врагам, ни друзьям в голову не приходило, что партизаны могут передвигаться такими мощными колоннами.

Мы отошли со старых позиций, с насиженных мест. Отступили под давлением превосходящих сил противника. Но отход этот был в то же время и нашей победой.

К утру мы были уже километров за тридцать. Сделали остановку и услышали далекие раскаты пушечной стрельбы. Я позвал Громенко и Бессараба:

- Сколько пушек бьет?

Они согласились, что пушек много. А потом пять бомбардировщиков пошли в сторону леса, и мы услышали, как задрожала земля. Самолеты прошли над нами. Но уж, конечно, никак не могли немцы там, наверху, подумать, что колонна в полкилометра длиной - партизанский отряд. Не было раньше таких отрядов.

Тут-то я и попросил Рванова сообщить Громенко и Бессарабу данные разведки. Больше двух тысяч немцев пошло в наступление на лагерь. Пусть-ка теперь ловят воздух!..

- Понимаете, что и отступление бывает победой?

- Сказали бы раньше! Мы бы, ватого, поняли.

- А вы понимаете, что командир отряда не председатель артели отчетом вам не обязан?

Мы устроили небольшой привал в перелеске. Поели, не разводя костров. У штабных саней собралась компания. Молча слушали, как нарастает грохот артиллерийской подготовки. Когда стало тихо, Попудренко спросил:

- У кого зрение хорошее? Кто видит, что там делается?

Оказалось, что зрение лучше всех у Дружинина. Он, правда, прижал к глазам бинокль. Но не знали мы раньше, что на тридцать километров можно видеть в бинокль.

- Рассыпались в цепь, - с самым серьезным видом докладывал Владимир Николаевич. - Прячутся за деревья. Окапываются. Пошли опять, перебежками, ползком. Теперь залегли. Видно, удивляются, что никто не отвечает на их выстрелы. Какой-то офицеришка подзывает к себе. Ползут к нему трое. Это, наверное, самые смелые: он им вперед показывает...

Очень приятно и смешно рисовать в воображении все поступки одураченного противника.

- Вот, наконец, они в самом лагере... - продолжал Дружинин. Привязанные к деревьям стоят и смотрят на них рыбьими глазами полуодетые трупы соотечественников. В бешенстве кидают немцы гранаты в пустые землянки. Разъяренный, вопит офицер, зовет и лупит по щекам своих разведчиков. А потом посылает их во все стороны. Ну, а когда захотят похоронить своих собратьев, тех, кто пялит на них мертвые очи, начнут отвязывать их от деревьев, - полетят, разорванные минами, два, три, а может, и побольше...

Да, это была наша победа. Немцы повели утром 22 декабря на пустой лагерь целый полк. Артиллерия, танки, самолеты - все было пущено в ход. И уж заранее послали в Берлин телеграммы о разгроме большого отряда "бандитов".

А мы к полудню были уже в пятидесяти с лишним километрах. С ходу ворвались в Майбутню, Ласочки и Журавлеву Буду. Население попряталось и разбежалось по полям и огородам.

Вышли нам навстречу старосты. Заговорили по-немецки с украинским акцептом:

- Хутен абен!

Выстроились в шеренгу полицаи, вытянули их начальники руки с повязками на рукавах, и все за ними гаркнули:

- Хайль Хитлер!

Они, конечно, удивились. Не думали, что встречают партизан.

Когда народ разобрался, узнал, что прибыли партизаны, все вернулись в хаты. Высыпала ребятня на улицы. Девушки повытаскивали из заветных мест лучшие свои наряды. А наша братва достала гармошки. И в хатах и на улице везде плясали.

Мы и не ждали такого приема. Праздник! Настоящий праздник был и у нас и у крестьян. Давно мы не ели такого вкусного борща и вареников с сыром и сметаной. Давно не веселились так искренно. И хоть каждой хозяйке было ясно - придут, непременно явятся вслед за партизанами немцы, но не показывали они перед нами страха за будущее.

Впрочем, пировали мы недолго. На следующий же день крестьяне увидели, что партизаны - народ серьезный. Мы укрепились, выставили заставы, начали строевую и политическую учебу. Стояли мы в этих селах около двух недель. Отсюда, с этой новой нашей базы, провели несколько наступательных операций против гарнизонов соседних сел.

Отсюда же, из Журавлевой Буды, 3 января мы послали первые свои радиограммы. Связались с Юго-Западным фронтом и лично с товарищем Хрущевым.

*

То, о чем я сейчас пишу в двух-трех словах, в действительности было результатом большого коллективного труда.

Где взяли сани, лошадей? Как раздобыли в конце концов рацию?

Еще в первой книге я писал, что в своем обращении к населению подпольный обком и областной штаб партизанского движения советовали колхозам раздать обобществленный скот крестьянам. А лучших из сохранившихся лошадей передать партизанам. Во многих колхозах так и поступили. Зная, что немцы отбирают лучший скот, председатели артелей передавали партизанам самых резвых, откормленных, выносливых коней.

Но, к сожалению, оккупанты зачастую были расторопнее нас. Пока в отрядах шли споры - быть им рейдовыми или местными, заводить кавалерию и обоз или ограничиться конной разведкой, - немцы и мадьяры уже конфисковали сотни колхозных коней.

Из тех двухсот с лишним лошадей, которых мы собрали к концу декабря, примерно половина была трофейной, т. е. отобранной в боях. Были среди них не только наши крестьянские лошади, но и венгерские и немецкие куцехвостые, жирнозадые кони. Они были привередливы, изнежены, капризны. В партизанских лесных условиях они гибли, как обезьяны в северном климате. Партизаны их терпеть не могли. Особенно потому, что понукать их надо было по-немецки и по-венгерски. Упитанных "иностранок" партизаны охотно меняли на ординарных крестьянских лошаденок.

Так вот половина нашего конного парка была трофейной, а другую половину мы получили от колхозов. Наши "заготовители" выезжали в окрестные села - туда, где немцы еще не обосновались. Большей частью наши люди встречали сочувственное отношение и возвращались в отряд не только с лошадьми, по и с санями. В Елине и Софиевке крестьяне по нашей просьбе организовали производство саней для партизан.

Однако были и такие случаи, когда наши люди встречали неожиданное сопротивление. Каждый знает, как трудно крестьянину расстаться с лошадью! А тут еще приходилось расставаться с лучшими конями. Большинство понимало, что это военная необходимость, что у партизан кони послужат народному делу. А все-таки...

В селе Перелюб колхозной конюшней ведал Назар Сухобок - мужик злой и своенравный. Знал я его и до войны. Да не только мне, почти всем областным работникам, которым приходилось посещать по долгу службы эти места, Назар был известен как бузотер и склочник. Многие даже считали его подкулачником.

В самом деле, какое бы мероприятие ни проводили представители области или района в селе Перелюб, Назар Сухобок обязательно выступал на собрании с речью ехидной, звал, хоть не очень явно, к саботажу. Так, по крайней мере, тогда казалось. Интересно, что, несмотря на это, был у него какой-то авторитет: работал он хорошо, но главное - люди побаивались попасть на его злой язык. Было ему уже около пятидесяти лет. Потому и в армию не взяли.

Первый раз в колхозе партизаны отряда Балабая пытались получить коней еще в ноябре. С председателем колхоза уговорились и послали на конюшню двух хлопцев. Назар встретил их матом. Когда же партизаны все-таки начали отвязывать коней, Назар распетушился не на шутку, замахнулся на ребят оглоблей:

- Яки-таки еще партизаны?! Пособирались там, в лесе, дезертиры да бездельники. В армию не пошли, а теперь на шею

крестьянскую садиться будете! А ну, геть отсюда!

Так и отступились тогда от Назара.

В другой раз пришли к нему в конце декабря. Уже известно было колхозникам, да и Назару, что партизаны всерьез бьются с немцами и что немцы забирают у крестьянства все самое ценное. Но опять Назар уперся. Хотя приехал к нему сам Балабай с пятью весьма решительными ребятами. А кони у Назара были хорошие: штук десять прекрасных, упитанных, лоснящихся.

- Вот что, Сухобок, - оказал ему Балабай, - распоряжение председателя есть, и ты, брат, не крути. Знаю я тебя давно. Всегда ты был любителем воду поварить... Да и ты меня знаешь. Отойдика в сторону, пока цел! Берите, товарищи, коней!

Назар попытался было снова взять силой. Опять схватился за оглоблю. Но, увидев, что никого не испугал, умерил пыл и пробурчал:

- Что ж я буду здесь в пустой конюшне робить?! Берете коней забирайте и меня с ними. Обещаю...

Так он и не досказал, что обещает.

Балабай потом рассказывал, что согласился взять Назара в отряд вопреки собственному своему мнению о нем. Уж очень показалось ему искренним и взволнованным бурчание Назара. Тут же Сухобок поспешно распрощался с семьей, - а семья у него была восемь человек, - впряг коней в сани и во главе колонны двинулся с партизанами в лес.

Окажу к слову, что за конями в отряде он ухаживал так же ревностно, как и в колхозе. Бойцом он был находчивым и смелым. Через месяц Назар погиб. Погиб довольно глупо. Пошел в Перелюб навестить семью, и ночью в хате его немцы взяли. Одному он успел проломить голову табуреткой, еще двоим нанес тяжелые увечья ногами: сопротивлялся всеми силами. Той же ночью его расстреляли.

И как это нередко бывает, лишь после гибели Назара поняли мы характер и настоящую сущность его души. Задним числом односельчане его вспоминали, что никогда Назар не обманул никого. Взявшись за дело, выполнял его к сроку. Вспомнили также, что в прошлую войну молодым солдатом он слыл храбрецом. Богат Назар никогда не был. Долго батрачил, но и в батраках был очень исполнительным и аккуратным. Потому-то и пристала к нему слава кулацкого агитатора. Он затаил обиду и начал повсюду говорить, что лошади лучше людей. С лошадьми был ласков, а с людьми нарочно резок и груб.

Память о Назаре Сухоботе из Перелюба у партизан осталась хорошая.

Надо сказать - не только любой человек в партизанском

отряде, но и почти любой предмет имел свою, часто весьма замысловатую историю. Все добывалось с превеликими трудностями.

Расскажу историю нашей первой рации. Найдутся люди, которые скажут: "случайность, удача, счастливое совпадение". Думаю, что "случайность", как и зверь, на ловца бежит.

Когда мы расположились в селе Ласочки, разведчики наши сообщили, что на той стороне реки Сновь, в Орловской области, стоит небольшой партизанский отряд под командованием Ворожеева. Мы и раньше знали о его существовании. И как только мы прибыли в село, сам командир вместе со своим штабом пожаловал к нам в гости. Позднее таких гостей-партизан мы встречали часто. Ворожеев был первым. Прекрасный собеседник, он пространно рассказывал, как бы на нашем месте действовал Александр Васильевич.

- Александр Васильевич, так и знайте, не стал бы пустяками заниматься. Он бы, так и знайте, взял бы в штыки самую что ни на есть главную немецкую комендатуру этих мест. Смелым, гордым приступом пошел бы Александр Васильевич!..

Только минут через пятнадцать выяснилось, что Александр Васильевич, о котором так часто вспоминал Ворожеев и с именем которого так панибратски обращался, не кто иной, как сам великий полководец Суворов.

Что же касается непосредственных дел своего отряда, гость говорил о них преимущественно общими местами. И вдруг Ворожеев рассказал, что есть километрах в тридцати пяти отсюда село Крапивное, а в селе этом прячется на чердаке, вот уже третью неделю, разведчик Юго-Западного фронта, какой-то капитан с группой бойцов, радиопередатчиком и радисткой. Осведомленность Ворожеева простиралась до того, что он и дом указал. Он знал, что капитана этого ищут немцы. Кажется, уже и на след напали.

- Пытались вы с ним связаться? - скрывая волнение, спросил я.

Волнение мое понятно: вот, наконец, возможность установить связь с фронтом, а может, и с Центральным Комитетом партии...

- Да, так и знайте, мы никогда не теряемся. Посылал ребят, и уже выяснили, что передатчик у капитана бездействует. Нет питания.

Тема эта Ворожееву быстро наскучила. Он перешел к новым полуисторическим анекдотам о Суворове. Я извинился и вышел из хаты. Короче говоря, утром наши хлопцы доставили к нам в Ласочки и капитана Григоренко, и двух сопровождавших его бойцов, и радистку, и радиопередатчик.

Капитан Григоренко оказался человеком несговорчивым. Не очень-то он верил, что мы хорошие люди. Главный довод против нас был у него такой:

- Ничего командование фронта о существовании отрядов в этих местах мне не сообщало. Верить вам не обязан.

- Выходит, что если нет о нас сведений у разведки фронта, значит, мы не партизанский отряд, а мираж? Так, что ли?

- Может, и похуже, чем мираж...

Тем временем наши ребята отправились по новому заданию - раздобыть во что бы то ни стало питание для передатчика. Два дня мы уламывали капитана Григоренко сообщить командованию о нашем существовании. Доказывали ему, как необходимо нам связаться с Большой Землей, рассказывали историю нашего отряда.

- Я и рад бы, - сказал, наконец, Григоренко, - но сами видите - нет питания...

Он был поражен, когда мы тут же приволокли ему штук тридцать аккумуляторов от взорванных немецких автомашин. Хлопцы обыскали район в радиусе двадцати километров, нагрузили аккумуляторами полные сани.

Тогда капитан потребовал, чтобы ему выделили специальное помещение и чтобы никто не подходил к передатчику во время работы ближе чем на тридцать метров. И это его требование мы выполнили. Освободили для него целую хату.

Ворожеев высказал мне горький упрек.

- Вы, - сказал он, - воспользовались моими данными, вырвали из-под носа. Я, так и знайте, считаю это нахальством. Суворов подобным образом никогда не поступал.

9 января 1942 года Григоренко удалось получить ответ Юго-Западного фронта. Радиограмму, посланную мне, подписали Никита Сергеевич Хрущев и Маршал Тимошенко.

*

Впечатление, которое произвела радиограмма, полученная нами с Большой Земли, было одним из самых сильных за все время нашей партизанской жизни.

Радость была искренней и горячей. Она коснулась всех без исключения. Может быть, кому-либо из читателей чувства наши покажутся преувеличенными. Зато меня хорошо поймут моряки и зимовщики дальних северных островов. Недаром ведь партизаны переняли у них выражение "Большая Земля".

Если до этого дня мы были одиноки и во всем предоставлены самим себе, то теперь, связавшись с Красной Армией, с Центральным Комитетом партии, мы включились не только морально, но и организационно в общий фронт борьбы против

немцев.

Текст моей радиограммы был таким:

"Н. С. Х р у щ е в у.

Черниговский обком действует на своей территории. При обкоме отряд четыреста пятьдесят человек. О результатах борьбы передадим дополнительно.

ФЕДОРОВ".

Ответ был коротким:

"Ф е д о р о в у.

Передайте привет бойцам и командирам. Сообщите, в чем испытываете нужду. Ждем подробностей.

ХРУЩЕВ, ТИМОШЕНКО".

Эти несколько слов вызвали бурное ликование во всех наших подразделениях. Радиограмму получили поздно вечером. Но к штабу сбежались сотни людей. Тут были не только партизаны. Жители села, старики и старухи, женщины, девчата, мальчишки. Я уверен, что не все и поняли сразу, что произошло. Просто поддались общему настроению.

Между прочим, кто-то распространил слух, что Федоров говорил с Хрущевым по радиотелефону полчаса. Нашлись даже "свидетели" разговора. Они со всеми подробностями передавали содержание никогда не происходившей беседы. И что слышимость была плохая, и что Федоров так кричал, что сорвал голос.

Забавный документ удалось перехватить нашим разведчикам через несколько дней. Они поймали посыльного из села Елино, когда тот ехал в районный центр. В его сумке ребята нашли и принесли мне докладную записку старосты Ивана Клюва районному бургомистру:

"Имею сообщить, что в ночь на 10 января в селах, где сейчас стоит Федоров, а именно Журавлева Буда, Ласочки, Майбутня, был сильный шум и крики. Жгли много костров, танцевали танцы, много пели, кидали вверх шапки, а также целовались. Я принял меры выяснения причин. Верные люди дают такие сведения, что со стороны фронта будет Федорову сильная помощь оружием и также людьми. Ожидаются самолеты с пехотой и пушками. В ознаменование чего партизаны празднуют. Другой верный человек дал сведение, что есть теперь у Федорова постоянный радиопровод со Сталиным и Хрущевым, которые все это и обещали. Этот человек сказал, что были уже самолеты и кое-что привезли. С другой стороны, никто пока самолетов не видел.

Поэтому требуется принятие мер по срочному окружению и уничтожению этих бандитов, иначе как бы не было поздно".

Сперва нас эта докладная записка очень обеспокоила. Новиков решил, что есть в нашей среде предатель, имеющий доступ в штаб.

Нет, конечно, никаких секретных сведений из штаба староста не получил. Партизанские мечты, то, что говорилось на митингах, в беседах между собой и с крестьянами, общий подъем настроения - вот что разведал староста. А такие "сведения" скрыть невозможно, да и не к чему их скрывать.

Был еще один очень важный результат радиограммы. Когда мы, еще не уверенные в том, что Григоренко удастся связаться с фронтом, составляли текст своей первой шифровки, нам важно было просто дать знать Никите Сергеевичу, что мы существуем. И все-таки мы долго сочиняли первое свое послание. Принесли Григоренко целую страницу. А он довольно бесцеремонно, тут же на наших глазах, сократил все вступление и оставил только самые последние строки.

Получив ответную радиограмму, я подчеркнул в ней слова "Ждем подробностей". И в своей радиограмме подчеркнул слова "О результатах борьбы передадим дополнительно". Эти две фразы стали предметом серьезного обсуждения сперва в штабе, а потом на специальном заседании обкома.

Мы и раньше вели кое-какие подсчеты. Но, честно говоря, от случая к случаю. Во время погорельского боя поручили двум бойцам сосчитать убитых немцев. Однако много было боев, во время которых никто ничего не считал. Не вели учет трофеев, даже не могли сразу сказать, сколько боевых операций провел отряд. А то, что было сделано до слияния отрядов каждым в отдельности, так сказать, в "доисторический" период, уже и вспомнить трудно. Нам такой учет и не казался особенно важным.

Короче говоря, серьезного учета мы еще не завели. Кое-кому за это попало. На обкоме и мне досталось от товарищей. Они были правы, когда говорили, что это дело штаба. Я стал кивать на Рванова. Но Дмитрий Иванович, как оказалось, давно уже пытался наладить учет, однако не получил поддержки командиров, а в их числе и Федорова.

Ошибки признали, покаялись. И решили впредь вести самый дотошный учет битых фрицев и трофеев. А чтобы установить результаты уже сделанного, вызвали всех командиров. Предложили им немедленно дать задание всем бойцам - мобилизовать свою память. Собрали у партизан дневники.

К вечеру 11 января подвели итоги.

Подошли мы к этому делу осторожно. Тем из командиров рот, кто был на подозрении по части хвастовства, скинули от двадцати до пятидесяти процентов с чисел, которые они

сообщали. Сведения мы, к сожалению, могли собрать только от тех отрядов, что соединились с нами. И все-таки мы были поражены. Урезали все, что считали хоть сколько-нибудь преувеличенным, но результат получился очень значительный.

12 января в адрес Юго-Западного фронта на имя товарищей Хрущева и Тимошенко мы передали следующие итоги боевой деятельности областного отряда и тех отрядов, которые влились в него:

"За четыре месяца силами партизан было убито 368 немцев, уничтожено 105 полицейских, старост и прочих изменников родины. Захвачены богатые трофеи. Уничтожено 29 автомашин, из них 2 штабные с документами; 18 мотоциклов; 5 складов с боеприпасами; захвачено 100 лошадей, 120 седел; взорвано 3 железнодорожных моста. Обкомом напечатано и распространено 31 название листовок общим тиражом в 40 тысяч экземпляров".

Мы просили товарищей Хрущева и Тимошенко подбросить нам вооружение. Постарались быть скромными, послали такую заявку: двадцать минометов, пятнадцать тяжелых и легких пулеметов, тысячу противотанковых гранат, взрывчатку, автоматы и как можно больше патронов для них.

В ответ мы получили от товарища Хрущева большую поздравительную радиограмму, в которой он обещал, что все наши просьбы будут удовлетворены.

*

Много труднее было подытожить деятельность подпольных групп, коммунистов и комсомольцев одиночек, разбросанных по всей Черниговской области. Измерить, учесть все, сделанное ими, даже и теперь невозможно. Не потому, что мы не получали и не могли получать оперативных сводок, отчетов, ежемесячных докладов. Нет, дело не только в этом.

Мы знали районные комитеты, мы знали те городские и сельские группы, которые были организованы еще до оккупации.

Судьбы их сложились по-разному.

Часто наш связной находил на месте явочной квартиры пепел и обожженные кирпичи. Приходил в село, чтобы передать подпольной ячейке директиву обкома, но не только ячейки - села уже не было на том месте. Одни лишь одичавшие кошки прятались в развалинах домов. Наш связной шел искать подпольный райком и узнавал, что организация провалилась, что секретари - и первый, и второй - пропали без вести, а члены райкома такие-то давно пойманы и казнены гестапо.

- Вот, - говорили нашему связному люди, которым он мог доверять, прочитайте сообщение немецкой комендатуры, - и показывали плакат или же листовку, где были поименованы

руководящие районные коммунисты. И было точно сказано, что такого-то числа они повешены на городской площади.

- Мы сами видели трупы с табличками на груди.

- А лица их были закрыты мешками?

- Лиц мы не видели, - признавались свидетели.

И мы не удивлялись, когда через месяц "повешенные" секретари райкома давали нам знать, что живут и действуют в таком-то селе. Обстоятельства заставляли иногда весь состав райкома покинуть свой район, уйти в лес за десятки, а то и сотни километров. И там товарищи начинали работу наново.

За это их нельзя было осудить. Если предатель выдавал полиции базы, явки, списки организации, было нелепо оставаться на месте и ждать, пока тебя схватят и действительно поведут на виселицу.

А немецким сообщениям о том, что они уничтожили такой-то партизанский отряд, поймали и повесили таких-то коммунистических агитаторов, верить было нельзя. Сколько раз немецкое радио объявляло окруженным и уничтоженным наш отряд! Сколько раз был "расстрелян полностью" подпольный обком партии!

Случалось же, районные подпольщики, чтобы замести свои следы, сами о себе распространяли слух, что организация распалась, члены ее разбрелись, прекратили всякую деятельность.

Обком узнавал, что в селе Буда или в местечке Мена регулярно появляются на стенах домов листовки, что там взлетел на воздух немецкий склад боеприпасов. А по нашим сведениям, не должно быть там никого из людей, посланных нами. Выходит, значит, что организовалась новая группа и нашего полку прибыло. Идет туда связной, возвращается и докладывает: там, оказывается, наши старые знакомые - они перешли из соседнего района. Взяли с собой пишущую машинку, запас бумаги и перекочевали.

Но появлялись, конечно, и новые группы сопротивления.

Надо, кстати, объяснить, откуда взялось это название. До войны мы знали заводские и сельские ячейки партии и комсомола, иначе говоря, низовые организации; мы знали райком, обком, Центральный Комитет. Эта же система организации, определенная уставами партии и комсомола, была сохранена в подполье. Но вот, представьте, в селе нашли себе приют несколько окруженцев и бежавших пленных. Среди них есть деятельные люди. Среди них есть и коммунисты и комсомольцы. Они хотят бороться, они встречаются, разговаривают и вербуют в селе сторонников, вооружаются. Вот такие боевые патриотические содружества мы и называли

группами сопротивления.

И, разумеется, не чуждались таких групп. А старались им помогать словом и делом. От коммунистов и комсомольцев требовали, чтобы они шли впереди, личным примером вдохновляли других членов группы.

Обкомы партии, оставив в подполье тысячи коммунистов, разбросали их по огромной территории, занятой противником. Не могли в условиях оккупации обкомы, а иногда и райкомы знать адрес каждого подпольщика. Адреса эти то и дело менялись. Тем не менее организация существовала.

Были разбросаны зерна, и они давали всходы.

В лучших условиях по сравнению с другими находились подпольщики тех районов, где сохранились и действовали партизанские отряды. Центральный Комитет заранее предвидел это, а потому и предложил еще до оккупации организовать одновременно как подпольные ячейки и райкомы, так и партизанские отряды. Они помогали друг другу, дополняли друг друга. Подпольщики собирали оружие и передавали партизанам. Подпольщики вели разведку в интересах партизанских отрядов. Когда же им грозили разоблачение и арест, они всегда могли уйти в лес к партизанам.

В начале 1942 года в лесах Холменского района, опираясь на областной отряд, действовали три подпольных райкома: Корюковский, Холменский и Семеновский. Их секретари Коротков, Курочка и Тихоновский, а также и члены райкома несли в отряде военные обязанности. Но одновременно они руководили и подпольными группами своих районов.

Деятельность подпольщиков этих районов была смелой, живой и разнообразной.

Подпольщику Мацко удалось поступить поваром в ресторан Корюковки. Он и действительно был прекрасным кулинаром. И бургомистр Барановский, и начальник районной полиции Мороз, и немецкие коменданты пили и обжирались чуть ли не ежедневно. Варить, жарить и печь они звали Мацко. Напившись, местные властители болтали без умолку. Манко мотал на ус все, что слышал. Он регулярно передавал подпольщикам, а через них и нам в отряд административные и карательные планы изменников и оккупантов.

Ни одна карательная экспедиция корюковской полиции не была для партизан неожиданностью. Кончилось тем, что и сам начальник полиции Мороз был убит партизанами.

Корюковские подпольщики выкрали в районной типографии шрифты и передали их партизанам. Первая наша типография обязана своим существованием им.

Кроме разведочной, агитационной работы, сбора оружия, корюковцы сумели организовать широкую продовольственную помощь женам солдат и офицеров Красной Армии, бывшим рабочим и служащим сахарного завода.

Делали они это так. Несколько наших ребят, одевшись крестьянами, привозили на воскресный базар мешков двадцать муки.

В те дни на базарах торговлю вытеснил натуральный обмен. Горожане предлагали простыни, лампы, столы и стулья, крестьяне давали им за это мясо, муку, картофель. В семьях рабочих и служащих сохранились кое-какие деньги. Мужья, уходя в армию, получили расчет с выходным пособием и оставили деньги семье. Рабочие и работницы, когда сахарный завод закрылся, получили зарплату вперед за три месяца.

Так вот на базаре неожиданно появлялось два, три воза с мукой. Выстраивалась мгновенно очередь. Но "дядьки-хозяева" объявляли, что никаких вещей им не надо. Они муку не меняют, а продают и только за советские деньги. Люди сломя голову бежали за деньгами. А так как поселок сахарного завода располагался поблизости от базара, то и возвращались с деньгами прежде других рабочие, работницы и служащие - сахаринки.

Подпольщики давали каждому не больше чем по десяти килограммов. И придерживались государственных довоенных цен. Замечательно, что каждый раз, когда подпольщики продавали муку, и крестьяне, приехавшие с мукой, тоже начинали брать деньги. Тотчас распространялась кругом догадка: "Если советские деньги в цене - значит немцам скоро каюк".

Откуда же брали подпольщики муку? Сперва из партизанских баз. А потом привозили с дальних мельниц. Мельницы эти, разумеется, предварительно очищались партизанами от немецкой охраны.

За сентябрь, октябрь и ноябрь 1941 года подпольщики и партизаны Корюковского района передали семьям военнослужащих больше трех тысяч пудов хлеба, сто пудов мяса и другие продукты.

Такие "снабженческие" операции с наступлением зимы, к сожалению, пришлось прекратить. Наши базы опустели, партизан становилось все больше, и захваченного у немцев продовольствия даже и нам не стало хватать.

*

В Холмах с каждым днем расширяла свою деятельность комсомольская организация "Так начиналась жизнь". Еще в первой книге я упоминал о ее возникновении. Теперь комсомольцы-подпольщики то и дело приходили к нам в лес за

пропагандистскими материалами.

Заходили они посоветоваться и в обком партии, но чаще встречались с руководителями подпольных райкомов партии и комсомола - Иваном Мартьяновичем Курочкой и Петром Шутько.

Первый секретарь Холменского райкома ЛКСМУ Шутько был одним из самых "старых" партизан. Он вместе с Иваном Курочкой организовал еще до оккупации истребительный батальон.

Позднее этот батальон почти полностью влился в партизанский отряд. Шутько тогда тоже ушел в лес, стал разведчиком. Но связи с Холмами не терял. Общее руководство комсомольским подпольем района лежало на нем.

Шутько хорошо знал сельскую молодежь. Вместе со вторым секретарем Денисенко он заблаговременно отобрал руководителей сельских подпольных групп, наметил ряд явочных квартир. В Холмах, Погорельцах, хуторе Бобрик, Ченчиках, Козиловке комсомольцы и молодежь действовали активно весь период оккупации. Ценно, что в Холменском районе руководители сельских групп, несмотря на строжайшую конспирацию, были связаны между собой и регулярно приходили к нам в лес. Они работали по общему плану обкома.

Самой крупной и деятельной была группа "Так начиналась жизнь". Комитет этой организации состоял из девяти человек: Коли Еременко, Шуры Омельяненко, Фени Внуковой, Феди Резниченко, Кати Дьяченко, Леонида Ткаченко, Фени Шевцовой, Нади Гальницкой и Насти Резниченко. Это был штаб. Десятки комсомольцев и в самом районном центре и в ближайших селах подчинялись штабу.

Уже на первом собрании, в сентябре 1941 года, через несколько дней после занятия немцами Холмов, была намечена программа действий. В протоколе этого первого собрания были записаны основные задачи организации "Так начиналась жизнь":

"А) Вести агитационно-массовую работу среди населения;

Б) Мобилизовать народ на борьбу с врагом, организовать срыв мероприятий, проводимых немцами;

В) Организовывать резервы для партизанских отрядов;

Г) Собирать у населения и доставать оружие и боеприпасы для партизанских отрядов".

На этом же довольно широком собрании открытым демократическим путем был избран названный мною комитет организации. Этого, по условиям конспирации, делать, конечно, не следовало.

Все же организация действовала свыше полугода и сделала очень много.

По поручению райкома партии комсомольцы раздобыли для

партизанского отряда два радиоприемника с комплектами питания. Кроме того, они достали приемник и для себя. Саша Омельяненко нашел ломаную пишущую машинку, а студент Киевского индустриального института Федя Резниченко ее отремонтировал.

Листовки со сводками Совинформбюро и последними новостями из жизни района холменцы печатали регулярно, как газету, и аккуратно доставляли по определенным адресам. Там их размножали от руки и передавали дальше. За несколько месяцев было напечатано, переписано и распространено свыше пятнадцати тысяч таких листовок-газет.

К XXIV годовщине Октября ребята собрали в подарок партизанам шестьдесят восемь ручных гранат, восемь винтовок, пять тысяч патронов и четыре револьвера.

Утром 7 ноября 1941 года жители Холмов увидели на всех высоких зданиях и на вышке полуразрушенной каланчи красные флаги. Они висели несколько дней. Октябрьские дна прошли в приподнятом, праздничном настроении.

Узнав об этом, в райцентр нагрянул отряд гестапо. Но в то время немцы еще не организовали власть и не создали агентурной сети. Найти виновников октябрьской демонстрации гестаповцы не смогли.

Шестнадцатилетний Леня Ткаченко, ученик девятого класса, возглавил группу разведчиков. Ему удалось наладить с партизанами оперативную эстафетную связь. В каждом селе на пути к отряду у Лени были свои ребята, которые, получив зашифрованное сообщение, тотчас же отправлялись дальше и передавали его в следующем селе связному. Пока мы дислоцировались вблизи Холменского района, молодые подпольщики всегда знали, где мы находимся.

В последнее время холменские комсомольцы получили через нас задание Юго-Западного фронта: разведать коммуникации врага. С этой работой они тоже блестяще справились, хотя среди них не было ни одного военного.

В начале января к нам в отряд пришли Катя Дьяченко и Феня Шевцова. Они принесли скверные известия: кое-кого из подпольной группы выследили агенты гестапо. Было принято решение временно уйти в лес. Полицейские перехватили ребят по пути. Катя и Феня убежали. Остальные члены комитета были арестованы.

Однако через несколько дней связные доложили, что ребятам удалось спастись. Их задержала районная и сельская полиция. Комсомольцев отпустили, но потребовали, чтобы они возвратились к месту постоянного жительства. И вот тут они

совершили серьезную ошибку: вернулись и, даже не переждав недели, опять начали прежнюю работу.

Между тем карательные отряды и крупные войсковые соединения заняли все села и хутора вокруг партизанского лагеря. Ни от нас, ни к нам проникнуть стало почти невозможно. Во всяком случае попытки наших разведчиков были долго безуспешными.

Вскоре мы вынуждены были сняться с насиженных мест и перейти в Елинскне леса. Только в середине марта связным обкома партии удалось побывать в Холмах. Они принесли ужасную весть: организация "Так начиналась жизнь" прекратила существование. Весь комитет арестован. 4 марта пять человек из семи расстреляны. А еще несколько дней спустя поймана и тоже расстреляна Надя Гальницкая; седьмой член комитета - Анастасия Резниченко проявила на допросе малодушие. Гестаповцы ее отпустили. А нам было хорошо известно, что из гестапо никого так просто не выпускают... Анастасия и две ее подружки, в прошлом рядовые члены организации, - Мария Внукова и Александра Кострома, - появлялись теперь на улицах села только в сопровождении полицаев или немцев. А некоторое время спустя все трое "добровольно" уехали на работу в Германию.

Нашим разведчикам удалось установить, что и М. Внукова и А. Кострома были не местными, холменскими девушками, их знали недостаточно хорошо, руководители организации поступили до безрассудности неосторожно, допустив к работе в подполье чужих, малознакомых людей. Кострома не состояла даже в комсомоле.

В руки наших разведчиков попал подлинный дневник Анастасии Резниченко. Она вела его с 29 ноября 1941 года. Вести дневник в этих условиях было по меньшей мере неразумно. Правда, Анастасия не писала ничего о делах подпольной группы. Но упоминала много имен, всех, с кем встречалась. Она не называла фамилий, но записывала так, что догадаться, о ком идет речь, нетрудно. "Пришли Броня М., Оля Н., Коля Е., Саша О." Начальные буквы фамилии она ставила действительные.

Из дневника видно, что А. Резниченко попала под влияние Костромы. Та заразила ее религиозными настроениями и, наконец, познакомила с полицаями.

Тут, между прочим, следует заметить, что в селах, местечках, да и в маленьких городах молодые люди, как правило, знают всех своих сверстников. Отношения простые: вместе учились, работали на колхозных полях, вечерами вместе гуляли, встречались в кино. Полицаев немцы вербовали тоже из таких

"знакомых". И нужны бдительность и партийная принципиальность, чтобы резко отмежеваться от старых знакомств. К тому же нередко случалось, что сельские полицаи ходили по улицам без формы и даже без нарукавников.

В условиях царской России рабочие и крестьяне с детских лет знали, что фабриканты, лавочники, помещики, чиновники, кулаки, старосты, полиция и жандармерия - это все враги. Настороженное, бдительное отношение к этим классово-чуждым людям и даже к их детям рабочий и крестьянин-бедняк всасывал с молоком матери. Рабочий говорил сыну: "Ты барчукам не доверяй". Крестьянин всегда советовал своим ребятам держаться подальше от кулацких сынков, а тем более от детей помещика, урядника, попа.

В нашем, бесклассовом обществе детвора растет в обстановке равенства. В школе, дома, на улице - всюду отношения непринужденные, естественные, душевные. Взаимная подозрительность не только исключается, но и осуждается. И это правильно. Моральные качества советского человека с каждым годом становятся выше.

Но война, а тем более оккупация резко изменили обстановку. Бдительность стала одним из законов повседневного поведения. Без дисциплины и бдительности во время войны нельзя делать ни шагу.

Необходимость военной дисциплины в партизанских отрядах мы поняли довольно скоро. Среди подпольщиков нужна такая же, если не более строгая, дисциплина. Вот этого холменцы, к сожалению, не знали. А если и знали, то не придавали этому большого значения. Не было опыта. Даже руководители недостаточно глубоко изучили историю партии. Правда, в дореволюционной России условия подполья были иными. Однако же история нашей большевистской партии учит не только необходимости дисциплины в подполье, но и тому, как ее добиться.

Коля Еременко, юноша двадцати одного года, был до войны инструктором политпросветработы. Веселый, деятельный, энергичный хлопец. Он много читал, был спортсменом: лыжник, конькобежец, первоклассный пловец и член футбольной команды спиртового завода. Его имя было одним из самых любимых и популярных среди молодежи села. Когда возникла угроза оккупации, Коля попросился в партизанский отряд. Ему предложили остаться в подполье, руководить организацией. Он согласился с восторгом. И сразу же взялся с присущей ему энергией за практические дела. Немцев он никогда в жизни не видел. Подлые приемы провокации и шпионажа были ему,

конечно, неизвестны. Доверчивость - вот главный его недостаток. Но мы уже видели, что гораздо более опытный, искушенный в классовой борьбе, пожилой человек и старый член партии - Егор Евтухович Бодько из Лисовых Сорочинц тоже стал жертвой своей доверчивости.

В селе Ченчики, расположенном невдалеке от Холмов, жила беспартийная старушка - Мария Васильевна Маланшенкова, родная тетка Николая Еременко. Текстильщица из г. Подольска, она переехала сюда из-под Москвы уже после того, как ушла на пенсию. Еще до революции Мария Васильевна принимала участие в революционном и забастовочном движении. С первого же дня немецкой оккупации она связалась с партизанами и подпольщиками. Ее хатка стала конспиративной, явочной квартирой. Там довольно часто прятались наши разведчики. Старуха переправляла людей в отряд, пекла хлеб для партизан. Словом - свой человек.

Вот что рассказала Мария Васильевна о последних часах героев-комсомольцев:

- С того самого проклятущего утра первого марта, когда узнала я, что Колюшку с товарищами опять забрали в гестапо, ушла из дому и стала ночевать по людям в Холмах. Хожу я по Холмам, узнаю, что девок тех двух: Кострому Шурку и Маньку Внукову - тоже в гестапо взяли, но им будто позволены передачи и даже обещали, что выпустят.

Говорила я, говорила и Колюшке, и Шуре Омельяненко, когда они раньше до меня в Ченчики приходили, что недостаточно они понимают конспирацию. "Беречься, говорила им, надо и Костромы, и Маньки Внуковой. И не по тому одному, что они пришлые, а главное, что несерьезные это девушки, вертихвостки. Им бы только в карты поиграть, с парнями пофасонничать". А Коля мне отвечал, что чем больше молодежи, тем, значит, и лучше. Хорошо бы его правда вышла, да вот получилось по плохой моей правде.

Тюрьмы в Холмах настоящей нет. Когда мучили деточек, крики их из хаты, что заняло гестапо, далеко были слышны. Один полицай, тоже из молодых, не выдержал, убежал. Только от вида тех пыток заболел и два дня дрожал. Через него, верно, и люди узнали, как палачи из гестапо загоняли нашим деточкам иголки под ногти, били шомполами. А на шомполах натянуты резинки, чтобы тело сильнее рвать. Федю Резниченко, народ говорил, по груди молотком деревянным били. Но все равно ничего ни один не сказал. А как я знаю? Да вот ведь сижу перед вами - жива, здорова. И другие есть, с которыми была связь. Они тоже не арестованы. Только тех и взяли, кто был известен девкам этим.

Значит, все через них.

Четвертого марта вывели наших деточек на мороз и вьюгу. Был сперва приказ вешать. Но виселицы не успели, что ли, построить, повели за реку. Ведут здоровые, краснорожие фрицы, а комсомольцы наши такие кажутся маленькие, худенькие. Все, как один, босые. Только Фене Внуковой оставили изверги туфельки и платочек, но лицо тоже раскровавлено. Шура Омельяненко без глаза - выбили. Он и сам еле ноги волочит, а держит все-таки под локоток Феничку и шепчет ей что-то.

Народ по сторонам улицы стоит, как окаменел. Немцы расталкивают. А народ не расходится. Мария Федоровна, мать Шуры Омельяненко, прорвала немецкую цепь, грохнулась на землю, схватилась за ножки сына своего. "И меня, - кричит, - и меня возьмите! Убивайте, не надо мне жизни!" Шура нагнулся к ней, чтобы поднять с земли. Тут немцы подскочили, отбросили Марию Федоровну. Шура крикнул ей: "Мама, не всех убьют, будет наша правда! Будет советская власть!"

Колюшку, племянника, я и не узнала сразу. Седой. Ну, просто, как старик, белый. Он меня увидел и отвернулся. Я тут конспирацию не выдержала, как крикну: "Прощай, Колюшка!" А потом, слышу, в народе многие кричат, прощаются. И многие плачут. Федя Резниченко, и Шура Омельяненко, и Леня Ткаченко, хоть он и самый маленький, народу отвечают, лозунги кричат и кулаками Трясут, зовут, значит, сопротивляться немцам. Один Коля молчит, даром, что он у них главный.

У поворота улица круто берет вверх. Вот, когда поднялись на гребень, - туда немцы нас уже и не подпустили, - с самого крутого места Коля повернулся к народу и громко, как нарочно голос берег, крикнул: "Умираем, по не сдаемся! Да здравствует наша Родина!" Немцы накинулись, сшибли его. И еще до речки не дошли, терпение у них кончилось, начали стрелять прямо в селе, на дороге. И не целились...

На следующий день родным позволили взять для похорон тела. Так у каждого ран по двадцать-тридцать... Всех родные взяли хоронить, только один маленький Леня Ткаченко в реке остался. Не было у него ни отца, ни матери, ни сестер. Я на вторую ночь подговорила добрых людей взять его из реки, там место мелкое. Приходим, а его уж и нет. Потом узнала, другие сочувствующие нашлись раньше меня. Отдали последний долг...

Иду как-то, встречаю Кострому Шурку. Значит, отпустили ее. Значит, правда была моя, что она и подружка ее, Манька Внукова, наших людей выдали. Парень какой-то с ней, может, полицай. Отозвала я ее в сторонку. Она не опасается, видит, старушка, подходит ко мне. "Что, - спрашиваю ее тихонько, - девушка, верно

люди говорят, что ты верующая и церковь посещаешь?" Отвечает: "Верно, бабушка!" - и бесстыжими глазами на меня смотрит. - "А верно, люди говорят, что ты, девушка, род свой берешь от Иуды?" Она и не знает, что отвечать. Только глазами моргает. А я повернулась да пошла...

Дня три, наверное, только и прошло после казни наших комсомольцев, как вдруг снова в народе стало известно, что листовки советские по всем углам расклеены. И опять, как раньше, свежие сводки московского радио и, кроме того, последние слова Колюшки: "Умираем, но не сдаемся!" Вот когда поверил народ в бессмертие нашего дела. Вы хоть люди и свои, но и вам не скажу, кто эти листовки печатал. Врать не стану - сама не знаю.

*

Нам сообщили, что в Алексеевке, Корюковского района, у старушки, на краю села, умирает еврей. Спасся он каким-то чудом от немцев. Умирает от сыпного тифа. А когда бредит, часто упоминает в бреду Федорова, Батюка, Попко, Попудренко...

Может быть, это Зуссерман?

Уже давно, сразу по прибытии в областной отряд, я справился о Якове. Никто ничего не знал. За это время я уже примирился с мыслью, что Яков в пути от Ичнянского к областному отряду попал в руки немцев и погиб. Как ни тяжела мне была эта мысль, но ведь война, мало ли смертей.

Освободившись немного от своих отрядных дел, я как-то вечером пригласил с собой командира первой роты Громенко, взял группу бойцов и поехал в Алексеевку, за тридцать километров от нашего лагеря.

Посланные вперед разведчики сообщили, что в селе немцев нет, а полицаи там скромные, то есть попросту трусливые. Мы прямо пошли к указанной мне хате. Тускло горел огонек в окне. Я приказал сопровождающим бойцам расположиться вокруг, а мы с Громенко постучались в хату.

Нам открыла девочка лет двенадцати. Она вышла на крыльцо в одном платье и прикрыла спиной дверь.

- Больна Сидоровна, - сказала девочка. - Трясет ее, никого просит не пускать, а вы кто такие? Полиция?

- Родственники мы, - сказал Громенко.

Девочка метнула на него подозрительный взгляд:

- Неправда ваша. У Сидоровны родных зовсим немае, одна я с мамой... Вы лучше не входите, у нас тиф. Мама моя меня приставила к бабе Сидоровне, я ее кормлю. Кашу ей варю.

Но мы все-таки вошли. Девочка внимательно следила за нами своими быстрыми, диковатыми глазками. В хате свету было

больше от луны, чем от каганца. Стены закопченные, печь тоже давно не белена. Холодно, неуютно. В темном углу заворочалась старушка и хриплым голосом спросила:

- Ты, что ли, Настя?

- Люди до вас пришли, Сидоровна. Кажуть, родные.

- Гони. Быть не может.

Не договорив, она со вздохом повернулась, зашуршала соломой подстилки и, кажется, опять уснула или впала в забытье.

- Бачите? - промолвила девочка.

- А кто у вас тут еще есть? - И, не дожидаясь ее ответа, я сказал нарочно громко: - Я Федоров, Алексей Федорович, а это мой товарищ, тоже партизан.

И сразу же с печи спустились тонкие голые ноги.

- Ой, что вы! - услыхал я слабый голос. - Алексей Федорович!!!

Да, это был Яков Зуссерман, мой давнишний товарищ по скитаниям*. Трудно слезал он с печи и, держась за нее слабыми, длинными руками, дополз кое-как до скамьи. Он сел к свету. Я увидел изможденного, длиннобородого старика.

_____

* С Яковом Зуссерманом я встретился в Чернушском районе, Полтавской области. Вместе с ним я путешествовал по дорогам Полтавщины, Черниговщины дней восемь. В селе Игнатовка, Среблянского района, я с нам расстался. Он стремился в город Нежин повидать семью.

А ведь Якову было всего двадцать шесть лет. Долго он хватал воздух, видно, путешествие от печи до скамьи очень его утомило. Глядя на меня, он улыбался. Улыбка была дрожащая, нескладная. Только огромные глаза смотрели с радостью.

- Алексей Федорович, - повторил Яков. - Значит, живы. Я уже слыхал, но не верил. Здесь говорили, что Федоров недалеко, но я был очень болен, когда приходили люди и рассказывали о вас, и я думал потом, что это мой бред, и не верил.

Мы с Громенко, верно, смотрели на Якова, как смотрят на людей обреченных, - против воли жалостливо.

- Вы не думайте, - сказал Яков, - что я умираю. Я уже умирал два раза и погибал раз пять, но теперь, по-моему, поправляюсь. Тиф. А люди какие добрые, - продолжал он, торопясь единым духом сказать возможно больше. Старушка и вот девочка. Я не знаю...

- Как же у тебя все-таки получилось? - спросил я.

Яков взглянул на Громенко.

- Это наш партизан, говори, не стесняясь.

Громенко протянул Якову руку. Но тот не дал ему свою.

- Грязный я, - сказал он. - Не трогайте. У них сил нет меня мыть, но они и так совершенно, как святые. Вы садитесь, если есть время. Я не прошу, чтобы вы меня взяли с собой. Я должен этим людям потому, что виноват перед ними и очень благодарен.

Сделав несколько глубоких вздохов, вытерев рукавом пот с лица, он продолжал:

- Письмо Батюка* я скушал. Иначе было невозможно. Я очень извиняюсь, что так получилось, виноватых бьют, но только, наверное, не таких слабых. Да, вы знаете, Алексей Федорович, вы просто невозможно мудро говорили, чтобы я вас не покидал... А где Симоненко?

_____

* Слепой комсомолец Яша Батюк остался в городе Нежине для работы

в подполье. Он руководил группой комсомольцев и в тяжелых условиях

подполья со своими комсомольцами проводил большую работу.

- Тоже ушел.

- Он маму повидал?

- Мы у нее гостили несколько дней.

- Он был очень хороший человек. Любил, вроде меня, маму и семью. Как вы думаете, он погиб? А может быть, нет. Он, может быть, уже воюет, бьет немцев, как вы думаете, Алексей Федорович?

Мы принесли с собой немного муки, кусок сала, большой кусок сахару; у Капранова в его кладовых осталось еще с полмешка.

Яков разложил все эти богатства на скамье, пошевелил руками и с неожиданной жадностью в голосе проговорил:

- Можно я сейчас немного покушаю? Знаете, послетифозники так много едят...

Он вцепился зубами в сало, а сахар, обвернув бумажкой, протянул девочке:

- Настенька, тебе... - С натугой жуя, он говорил: - Наверное, нельзя сразу. Доктора, я слышал, советуют терпеть. Ты, Настя, не отказывайся, я знаю, что все дети любят сладкое. Она уже не дитя, Алексей Федорович, она может, будто бабушка, рассказывать детям о войне. Я так соскучился по разговору, что вы, наверное, считаете мои слова продолжением бреда. Есть у вас время слушать?

Я попросил Якова, если только хватит сил, рассказать по

порядку все, что с ним произошло. Он сразу же начал. Иногда переводил дыхание, жевал сало, откладывал его и говорил, говорил. Громенко сказал, что подождет меня на улице. В хате воздух был удушливо-сладкий, как в плохих больницах. Мне тоже было немного не по себе. Я предложил Якову тут же поехать со мной в лагерь. Он покачал головой.

- Вероятно, я не имею права. Теперь я должен быть кормильцем и санитаром, эта хозяйка такая была ко мне внимательная. Вы не думайте, что не хочется Якову в партизаны. Я стремлюсь жить, чтобы отомстить за все муки населения и за своих. Я уж не верю, что жена и сынок живы, нет, не уговаривайте. А к вам обязательно приду, когда старушка поправится. Заметьте, что пока у меня не хватит сил поднять от земли винтовку, а Не то, чтобы стрелять. Так вот, слушайте и, если можно, не уходите, это будет рассказ о таких мучениях!

Я сел на хромоногий стул. Надо было выслушать Якова. Раздражала его многословность, но я понимал, что она - следствие тифа и долгого одиночества.

- А что, - спросил Яков, - разве нету опасности Или вы с охраной? Зачем еще жертвы? Если вы станете жертвой из-за меня, то это будет самое ужасное в моей жизни. Но я, конечно, не желаю, чтобы вы уходили. Дело было так: когда я ушел из Ичнянского отряда, зачем-то вспомнил, что в Корюковке живет Израиль Файнштейн, дядя моей жены. Он работал шорником сахарного завода. В отпуск он ездил в Нежин, и там мы с ним выпивали немало водки. Тогда мы были веселые. Он очень здоровый и с железной выдержкой. Пожилой человек, принимал участие в Октябрьской революции и лично видел потом Щорса, даже помогал ему сведениями. Мне пришла в голову сумасшедшая мысль, что, может быть, жена поехала из Нежина к нему, а вовсе не захвачена карателями в Нежине. И я свернул в Корюковку. Мне сообщило крестьянство, что там нет немцев, а партизаны вовсю распоряжаются и как будто бы даже организовали советскую власть. Это меня ужасно обрадовало. Но все оказалось наоборот. В действительности партизаны уже были вынуждены уйти под натиском превосходящих сил. Немцев, между прочим, почему-то не было. Или они боялись войти сразу. Несколько часов они еще не появлялись. На улицах ни души, как перед сильной грозой, когда уже блеснула молния.

Я шел в аптеку. Думал так: "Если Израиль еще в городе, в аптеке обязательно знают". Там провизор его товарищ. Но провизора не оказалось. Сторожиха сказала: "Быстренько тикайте, все евреи прячутся по домам и боятся расправы". - "А Израиль? - спросил я. - Вы, может быть, знаете о нем?" Сторожиха ответила,

что Израиль с женой и детьми уже отправился в Нежин. То есть все наоборот. И только я так подумал, а по улице уже мчатся мотоциклисты. Вы знаете, я в то время еще не был обросший и выглядел ближе к украинскому типу: отрастил усы. Я помнил по Нежину, что мотоциклисты проносятся для сильного шума и страха, но не останавливаются из-за пустяков. Есть момент безопасности. И смело вернулся на улицу. Думаю, куда пойти. Пошел в тот дом, где жил Израиль. Этот дом рядом с больницей. Вы меня слушаете, Алексей Федорович, или уже задремали?

- Ты устанешь, Яков, - сказал я. - Поешь, не торопись.

Он опять вытер лоб. Потом с минуту жевал. В углу охала Сидоровна. Девочка положила в печь маленькие полешки, попросила у меня огня. Я дал ей зажигалку. Она раздула огонь, протянула к нему руки и долго стояла так, не оглядываясь.

- Весь ужас в том, - сказал Зуссерман, что хозяйка заразилась от меня. Добро обошлось ей дорого. Ей больше пятидесяти, а какие теперь сердца! Для тифа нет ничего хуже, чем плохое сердце. Она может помереть. Вот какая жертва с ее стороны. Заметьте, Алексей Федорович, что я ее предупреждал. Но старушка заявила, что в этом вопросе может разобраться один только бог. Если он хочет взять ее душу, то все равно не избежать. Я бы ушел сам, но уже не мог двигаться от жара и болезни.

Яков говорил никак не меньше часа. Не упустил ни одной подробности. Не стану приводить его рассказ целиком. Продолжение таково:

Уже на следующий день немцы вывесили приказ: евреям явиться на сборный пункт, взять с собой все самое ценное. Немцев понаехало много. Выход из местечка был очень затруднен. Сестра аптечной сторожихи работала няней в больнице. Сговорившись с врачом Безродным, она положила Зуссермана, тогда еще совершенно здорового, на койку.

Но случилось так, что ночью немцы решили осмотреть больницу, чтобы приспособить ее под госпиталь. Оттолкнув сторожа, они прямо пошли по палатам. Зуссерман слышал, как в соседней палате они опрашивали больных:

- Откуда? Национальность?

Бежать было невозможно. Окошко выходило на улицу, дверь в коридор, а в коридоре немцы. Вот тут он и съел письмо Батюка.

- Я уже совершенно распростился с жизнью, потому что мне известно, что значит явиться на регистрацию. Я быстренько пробежал глазами письмо Батюка, чтобы запомнить, что он пишет вам, а потом поспешил его разжевать и проглотить. Поперхнулся, но немцы не услышали. В это время входит та самая родственница сторожихи из аптеки и с ней еще няня. Они с

носилками. И говорят мне шепотом: "Ложись, больной, ты теперь мертвец". Я лег. Они накрыли меня простыней и понесли мимо немцев и полицейских. Я слышал голос: "Что такое?" Женщина отвечает спокойно, как дома: "Скончался от тифа". Полицейский поднял простыню. Я, наверное, по бледности напоминал труп, потому что он равнодушно сказал: "А...", и меня пронесли во двор. Но там тоже были солдаты, и женщины потащили меня в мертвецкую, сбросили на полати. Там лежало три трупа. Ибо действительно некоторые уже умирали от тифа, особенно из бежавших пленных. Я лежал, притаившись, среди мертвецов, но мне было хуже, чем им. Я так пролежал больше часа. И с тех пор в течение девяти суток, как только, немцы приближались к больнице, мчался в мертвецкую и ложился в эту ужасную компанию. А ночью мне удавалось иногда ходить в город и агитировать евреев не регистрироваться, а бежать. На улице Шевченко, в доме номер, кажется, девятнадцать, я нашел хороших людей. Они имели связь с Марусей Чухно, вашей партизанкой. Она мне сказала, что надо вооружиться терпением, а пока я помогал ей писать листовки. И однажды, после сна, когда я пришел из мертвецкой в этот дом, там уже был только пепел. Люди передали, что Марусю Чухно утром немцы провели по улице вместе с евреями. Триста евреев и русская Маруся Чухно были расстреляны. А у меня в тот же вечер была температура тридцать девять градусов. И я решил, что теперь мне уже все равно. Появилась отчаянная смелость. Утром я пошел в город открыто и держал палец на курке пистолета, а в другом кармане - гранату.

Верховые полицаи встретились мне вдвоем у самой окраины. Я их подпустил, как учили в армии, на близкое расстояние и выстрелил сперва в одного. Другой выстрелил в меня. Он промазал, а я отбежал и кинул в него гранату. Лошадь, во всяком случае, ускакала одна. Может быть, патруль спрыгнул от страха. Я тоже побежал в поле. За мной не гнались.

Больной тифом, еле передвигая ноги, брел Зуссерман по дорогам и по лесу, сам не зная куда. За несколько дней и ночей у него была масса приключений. Наконец, он свалился у канавы, потерял сознание. Проезжие крестьяне уложили его на подводу и повезли в свое село. Очнулся он уже в хате Сидоровны.

- Она меня поила молоком, хотя не имеет коровы. Она жарила для меня картошку. И вот теперь заразилась. Ах, Алексей Федорович, я понимаю, что кругов виноват. И когда поправлюсь и приду в отряд, вы сделаете мне внушение или накажете еще сильнее.

Он передал мне содержание письма Батюка.

- Яша, то есть товарищ Батюк, диктовал это при мне. Писала его сестра Женя. Она мне сказала, что лучше, если бы я мог наизусть, как актер. Но тогда не было времени. А в пути я действительно пробовал, и кое-что вышло, но не все. До болезни я начало помнил, как таблицу умножения. Подождите, Алексей Федорович, может, выйдет...

Зуссерман закрыл глаза и долго молчал. Я тоже молчал. Девочка по-прежнему стояла спиной к нам, грела руки у маленького костра, разложенного ею на припечке. Слышно было, как дышит старуха, как потрескивают полешки и как сосет сахар Настя. Казалось, ей, этой изголодавшейся деревенской девочке, нет ни до чего дела.

Зуссерман все молчал. Я уж подумал, не уснул ли он. Вдруг Настя повернулась от печки, торопливо проглотила сахар и спокойным, деловитым тоном сказала:

- Начинается так: "Товарищ секретарь обкома, наша организация в зачаточном состоянии..."

Зуссерман вскочил со скамьи и с нескрываемым страхом уперся взглядом в Настю.

- Что? - воскликнул он. - Откуда ты знаешь?

Настя сразу поняла причину его испуга.

- Дядя Яша, - торопливо заговорила она, - вы позабыли. Когда вы сильно болели и еще думали, что можете помереть, ведь вы тогда сами просили меня запомнить. Говорили громко, чтобы я или бабушка запомнили, а потом постарались передать в отряд этому дяде, - она показала на меня.

Яков снова сел и слабо улыбнулся. Настя, облегченно вздохнув, села рядом с ним.

- Замученная девочка, - сказал Зуссерман. - Вы представляете - два больных подряд. Бабка - та хоть тихая. А я буйствовал.

- Ну, совсем будто пьяный, - подтвердила Настя. - Вы хотели убежать, а я вас укладывала.

- И я вслух произносил письмо?

- Да. А в другой раз бредили, будто дядя Федоров тут в хате, и опять читали наизусть. Я хотела записать, но вы не позволили, кричали, что я дура. Но ведь на больных не обижаются.

- Ну, спасибо, Настя, ну, спасибо... Действительно начиналось так:

"Товарищ секретарь обкома! (Фамилию вашу, Алексей Федорович, Батюк сперва продиктовал, но потом велел начать снова, сказал, что упоминать опасно.) Наша организация в зачаточном состоянии. Комсомольцев и молодежи в группе пока двенадцать человек. Но есть не только молодежь. Все горят желанием работать. К сожалению, мы потеряли связь с райкомом

партии. Мы принимаем и распространяем сводки Совинформбюро, печатаем листовки, ведем агитацию пока среди знакомых. Чувствуем, что этого недостаточно, и надеемся, что скоро сумеем делать больше. Очень просим во всем, что только нужно обкому партии, полностью рассчитывать на нас. Только смерть может нас остановить..."

Зуссерман помолчал. Потом признался:

- Дальше я, Алексей Федорович, наизусть не могу.

- Содержание помнишь?

- Яков просил еще передать на словах, чтобы вы обязательно учли его физическое состояние, то есть слепоту... Нет, он не просит облегчения в работе. Наоборот. Он говорил, что имеет преимущество в конспирации. Его, как слепого, считают беспомощным калекой. "И пусть меня, - просил Яша, обком пошлет с любым заданием, я молод, силен, вынослив..."

- Но что же было еще в письме? Неужели то, что ты прочитал, и больше ничего?

- Ой, нет, Алексей Федорович, что вы. Там были серьезные вопросы. Мне их трудно передать, но я постараюсь. Вот, например, я уже точно вспоминаю. Первый вопрос такой. Немцы позволили открыть кустарное производство: разные артели - пищевые, деревообделочные и тому подобное. Интендантство и комендатура обещают заказы. Так вот Яша задает вопрос, можно ли опираться на такие производственные точки, и он сам даже хочет организовать артель, чтобы под этой вывеской стянуть своих людей. Правильно ли это будет?

- Иначе говоря, следует ли использовать легальные формы организации для объединения наших сторонников? Так я понял?

- Точно! Потом такой вопрос. Нужно ли организовать кружки среди рабочих и кустарей?

- Какие кружки?

- По изучению истории партии и углублению марксистско-ленинских знаний. Как это было до революции, когда старые большевики руководили такими кружками на заводах... Еще такой, кажется, последний вопрос. Они, то есть группа Батюка, могли бы провести в жизнь террористические акты. Против коменданта, бургомистра и других немецких ставленников. Но Яков в своем письме говорит, что у них нашлись товарищи, которые возражают. Они доказывают, что марксисты-ленинцы против личного террора...

- Индивидуального?

- Да, правильно, там было такое слово. А под конец Яша снова пишет, что ждет ваших указаний, и группа сделает все, что им прикажет партия.

Старуха-хозяйка зашевелилась в своем углу.

- Воды, Настенька, - прошептала она.

Настя вскочила, подала ей кружку. Сделав несколько шумных глотков, старуха довольно громко пробурчала:

- Третий раз сон перебиваете. Хиба ж так можно. Дайте ж вы мени хоть помереть спокойно...

- Простите, бабуся, - сказал я. - Сейчас мы поедем. Может, все-таки и ты с нами, а, Яков? - еще раз предложил я Зуссерману. - Там у нас неплохо. Стоим в селе. У нашего фельдшера целая хата. Выздоровеешь - немцев будем вместе бить. А то ведь как знать, поднимемся, уйдем, ищи ветра в поле.

- Ах, мне хочется, серьезно, то есть это моя мечта, но вы понимаете... - он показал головой в сторону угла, где лежала старуха.

Она не могла видеть его движения, но догадалась, о чем он ведет речь.

- Ехай, ехай, Абрамыч. Полежал, хватит. Погуляй-ка ты с партизанами. Берите его, начальник, нам и самим исты нема чего, - и после этих, казалось бы, грубых слов старуха, не меняя тона, продолжала: - Треба только завернуть его. Шинель больно тонка, продует Абрамыча на морозе.

Я сказал, что в санях у маня есть тулуп.

- Ну, так с богом. Дай ты ему, Настя, пушку его. В тряпку завернута, за образом Черниговской богоматери лежит.

Девочка принесла из темного угла пистолет, протянула его Зуссерману. Помогла надеть шинель. Дрожащими руками Яков натянул пилотку. Потом сделал несколько шагов к старушке:

- Не ходи, не надо, - предупредила она.

- Прасковья Сидоровна! - воскликнул Яков. - Вы мне, как мать! Я не забуду...

- Ладно уж, Абрамыч, - ответила старуха. - Ни я тоби не мать, ни ты мени не сын. Что можно, зробила. Так и то не для тебя, а для батькивщины* нашей. Будь здоров, не болей, а нимца, колы будешь быты, за меня, да вот за Настю, не пожалей, стрельни по разу.

_____

* Родины.

Девочка вышла с нами на улицу. Хотела помочь усадить Зуссермана. Но подошли мои люди, и она, завернувшись в платок, молча встала у крыльца.

- Прощай, милосердная сестра, - сказал я.

- Прощай, Настенька, еще раз спасибо, и если встретимся, пожалуйста, что угодно, все мое - твое! - с чувством произнес Зуссерман.

Настя церемонно протянула руку Якову, мне и всем моим спутникам. Потом тихо сказала:

- Дядя Федоров...

- Говори, говори, - подбодрил ее Зуссерман.

- Вы там в лисе... Если только можно... Пришлите бабе нашей дровишек вязаночку. Хоть бы, говорит, перед смертью раз до тепла протопить... Я бы сама, да оставлять ее одну не годится.

Я обещал, конечно, прислать завтра же. Но вышло так, что следующим утром немцы навязали нам большой бой. Воевали мы с ними до самой ночи. И следующий день был очень напряженным. Послать бойцов с дровами для Сидоровны я смог только через два дня. Кроме дров, Капранов собрал ей полмешка муки, сухарей и мяса.

Вернувшись, бойцы сказали, что старуха померла, хата заколочена.

Я ведь ее так и не видел. Только слышал хриплый старческий голос. Было ужасно совестно, что не исполнили мы ее просьбы вовремя.

*

Письмо Батюка дошло ко мне через два месяца после того, как было написано. И то не само письмо, а только его изложение. Что за это время произошло в Нежине? Действует ли группа, организованная этим храбрым и умным слепцом? Нужен ли Батюку и теперь ответ? Думает ли он по-прежнему над вопросами, которые поставил секретарю обкома партии? И, наконец, жив ли он сам?

Ни я, ни другие члены обкома этого не знали.

И если мы ответим Батюку сегодня, дадим ясную директиву, когда-то он получит ответ? У нас ведь только одна возможность - послать к нему человека. Ни телефона, ни радио, ни почты. Даже поехать наш связной к нему не может. Ни на поезде, ни на автомобиле, ни верхом на лошади. Он должен идти пешком. И не идти, конечно, а пробираться, рискуя жизнью на каждом шагу.

Руководить оперативно, то есть быстро откликаться на события, происходящие в отдаленных от нас районах, вовремя помочь советом, людьми, вооружением обком мог отнюдь не всегда. Мы ведь и сами вместе с областным отрядом вынуждены были то и дело менять место своего расположения. Посланцы райкомов шли в Рейментаровку, а некоторые даже в Гулино. Находили там только наши следы, - пустые землянки, гильзы от патронов и немецкие трупы. Некоторые связные райкомов,

потеряв надежду нас разыскать, возвращались. Более настойчивые расспрашивали у крестьян, где партизаны Орленко. А крестьяне, по известным причинам, как читатель уже знает, не очень охотно дают такие сведения.

Только к началу января, через три месяца после того, как был послан, возвратился из Яблуновского района Кузьма Кулько. Он сообщил, что подпольщик, ставленник обкома, товарищ Бойко возглавил небольшую группу коммунистов и комсомольцев. Они печатали на гектографе и распространяли листовки, вели устную агитацию среди крестьян. Они систематически обрывали на большом расстоянии телефонные и телеграфные провода между Яблуновкой и Пирятином. Группа казнила двух старост-предателей. И вот, совсем недавно, по чьему-то доносу полиция арестовала товарища Бойко. Ему удалось бежать, но в лесу его настигли и расстреляли на месте.

Теперь во главе Яблуновской низовой организации кандидат партии Зленко. Группа невелика, положение у нее тяжелое. Сейчас ограничивается слушанием радио и выпуском листовок со сводками Совинформбюро. Трудно не только потому, что преследуют немцы и полиция. Часть товарищей этой группы - люди пришлые.

- Задают вопрос, - сказал в своем докладе обкому Кулько: - як добывать средства для жизни? Партизан может боем у нимцев отнять. А подпольщик, коли у него своего хозяйства нема, куда вин сунется? Надо идти работать. Ну, а яка сейчас работа? Коли бы в совхоз чи на фабрику - там для агитации, а также для разъяснения среди масс настоящего положения, для саботажа и прочего предоставляется возможность. Одна беда - нема в Яблуновке действующих фабрик и заводов. И совхозы нимцы позакрывали. Из колхозов сделали общины-десятидворки, принимают только местных жителей. Ну, як тут быть?

- А что вы посоветовали?

- Остается одна возможность - помощь народных масс. Вроде того, як питаешься в пути: то ли побираешься, то ли пользуешься от щедрот крестьянства его гостеприимством. Только учтите, что одно дело человек прохожий, а другое - коли уже устроился на месте.

К слову скажу, что Кулько за это время переменился. Похудел, огрубел, очень много курил. Отказывать ему, как человеку пришлому, можно сказать гостю, было неудобно. И он выкурил, пока докладывал, мою двухдневную норму. Когда мы ему рассказали, что в Холмах его жена, что мы с ней связаны и что даже даем ей небольшие поручения, он, против ожидания, не был удивлен.

- Я, Олексий Федорович, ничому бильше не удивляюсь. Но так скажу: не давайте вы мени отпуска. Что самое трудное у подпольщика против партизана и солдата? Да то, Олексий Федорович, что подпольщик видит семью свою, что страданья детей своих видит. Отсюда и слабость. И разный человек по-разному эту слабость может преодолевать. Не пойду, и теперь ни за что не пойду!

- Да мы тебя и не уговариваем, Кузьма Иванович.

Но Кулько ужасно разволновался, руки у него дрожали, насыпая табак в огромную козью ножку, рассыпал, наверно, не меньше, как половину закрутки.

Так он и ушел опять на новое задание, не повидавшись с женой и ребятами.

Одновременно с Кулько ушел на связь с Батюком Зуссерман. Он, как только немного окреп, сам вызвался пойти в Нежин. Сказал, что лучше него дорогу никто не знает. Я сперва колебался. Но Яков убедил меня. Действительно, никто из наших людей не знал Нежин лучше Зуссермана. Ему, конечно, и легче, нежели другим, разыскивать группу Батюка.

С тяжелым чувством отпустил я Зуссермана. Но он был весел, казался здоровым и шел на задание с большой охотой.

В начале января после долгих скитаний набрел на заставу областного отряда член Остерского подпольного райкома Савва Грищенко. Он был измучен, оборван, голоден. Но когда узнал, что при отряде находится и обком, очень обрадовался. Принесли ему поесть в штаб. Он ел и докладывал одновременно.

Он рассказывал, в каком тяжелом положении оказался Остерский подпольный райком. Заранее организованный партизанский отряд, помогая частям Красной Армии выйти из окружения, не смог потом пробиться назад на оккупированную территорию. Большинство товарищей ушло вместе с нашими войсками. И только небольшая группа во главе с секретарем райкома товарищем Глушко перешла линию фронта и вернулась в Остерские леса.

Но тут выяснилось, что продовольственные базы и тайный склад оружия выданы полиции шофером-предателем. Создать вновь партизанский отряд по этой причине было почти невозможно. Райком бросил силы на организацию сельских подпольных групп. Их было создано шесть. В каждой группе от четырех до восьми человек. Помимо того, что они распространяли переписанные от руки сводки Совинформбюро, группы эти стали ячейками будущего партизанского отряда. Они собирали в лесах и на полянах оружие. И уже собрали на общую лесную базу двадцать ящиков гранат, больше сотни винтовок, два

ручных пулемета, свыше десяти тысяч патронов.

- Ах, товарищи, - сказал Грищенко, - если бы мы знали точно, что обком по-прежнему существует, насколько легче бы нам стало работать!

- Почему? - спросил Попудренко. - Чем мы вам могли помочь?

- Да разве в одной помощи дело. Вот вы сообщили мне сейчас, что от товарища Хрущева есть весточка. А помощи-то ведь пока вы тоже не получили, верно? Так вот, и нам, коммунистам в районах, сознание того, что действуем мы не маленькой своей группкой, что в области маленьких таких групп рассеяно множество и что есть областной комитет... Да что вы сами не понимаете, Николай Никитич?

- Неужели таки ничего и не слыхали о нашем отряде?

- Об отряде слышали. И даже о двух больших отрядах - Орленко и Федорова*. - Но что касается обкома, - последнюю директиву получили еще в ноябре.

_____

* Читатель, вероятно, помнит, что фамилия Орленко была моим

партизанским прозвищем. Но нам доводилось не раз слышать от населения

о существовании двух отрядов - Орленко и Федорова. Не в наших

интересах было опровергать этот слух.

- А пригодилась директива, ответила на ваши насущные вопросы?

- Теперь много нового возникло. Вот, к примеру, есть в районе еще не организованные коммунисты и комсомольцы. Некоторые из них зарегистрировались в полиции. Кое-кто добровольно, у этих позиция ясна предатели, а в лучшем случае - трусы. Но есть и такие, которым не зарегистрироваться было невозможно.

- Ну, положим, я бы ни за что, никакие обстоятельства меня бы зарегистрироваться не заставили! - воскликнул с возмущением Дружинин.

- Вы, да и я тоже - дело другое, - возразил Грищенко. - Послушайте, вот я вам расскажу. Помните слесаря колхоза "Червоноармеец"? Да вы его должны помнить - Горбач Никанор Степанович. Он большой мастер. Еще в прошлом году с обращением выступал в "Большевике" насчет досрочного ремонта сельхозинвентаря к севу. Портрет его был на первой странице. Усы, трубка и большая бородавка возле носа. Ну, вот, он самый. Кандидат партии. Но, главное, известен кругом, как хороший мастер. Специалист своего дела. И не только слесарь. Он и

кузнец, и токарь, и механик-самоучка. Трактор знает превосходно, любой мотор, любую машину. Природный талант. Его сколько раз в МТС звали - не шел. Привержен к своему селу, улейки у него там стоят. Но, главное, колхоз свой любил, гордился им. Казалось бы, настоящий советский человек, а вот, представьте, зарегистрировался.

- Значит, в душе был другим. Вы, районные коммунисты, проглядели его кулацкую душонку.

- Другое, совсем не то, Алексей Федорович. Он даже усы сбрил. Бородавку хотел срезать в целях конспирации. Но ему же ничего не поможет, как, скажем, вам или тому же Николаю Никитичу. Если народ человека знает, - все! Как ни переодевайся, примета найдется. Я, допустим, запомнил у Николая Никитича, извините, его нос. А вы - уши. Не один, так другой узнает. Старого же кузнеца, кроме того, всегда можно по рукам определить. Верно?

Дальше происходит следующее: Никанор Степанович эвакуироваться не пожелал. Заявил, что предпочитает партизанить. Но из лесу, как я уже говорил, пришлось вернуться. С ним условились, поскольку он человек заметный, перебросить его в дальнее глухое село. Не стал спорить, забрал свою старуху и пошел к родственникам в Зеленую Буду. Там его, конечно, приняли. В колхозе или, как теперь, общине просто обрадовались. Что это означает? Его и там, конечно, узнали. Отвели ему хату. Хаты многие пустуют, хозяева их эвакуировались. Тогда он объясняет, что работать ему нельзя. Руку нарочно перевязал. "Ничего, поправишься - будем думать". Он извещает нас. Передает через человека, что, пожалуйста, мол, посылайте мне листовки, есть тут хороший народ. А если, мол, надо, у меня подвал большой, можно наладить печатание. При встрече с одним из наших даже предлагал, чтобы из леса перетащили к нему по частям типографский станок. Он, мол, сообразит, как приспособить. Печатная машина, между прочим, уцелела. Когда базы полиция растащила, машину они только слегка покарежили. Камнями, верно, били.

Короче говоря, станок мы к нему не повезли, потому что узнали, что он зарегистрировался. Пошел в полицию и заявил, что, действительно, кандидат партии и дает подписку прекратить всякое сопротивление и, как там установлено, обязуется доносить обо всем, что ему станет известно.

Когда мы об этом узнали, очень испортилось настроение. Кому верить, если уж такой человек, можно сказать, сознательнейший колхозник и член правления. Выходит, ему теперь надо мстить, убивать его надо. Ведь этому Никанору

Степановичу известны адреса явок. Ему не только члены райкома, родственники всех членов райкома известны. Что, если вздумает, как написал в немецком документе, выполнить?

Но убивать его никто не желает. Сомневаются, что он предатель. Разумеется, так и вышло. Он сам нас нашел, сам все объяснил. Но мы его из партии исключили. Отказались признавать своим.

Как же все-таки вышло? Приезжают к нему ландвиршафтсфюрер и один бывший работник райземотдела, а теперь что-то вроде изменника - устроился при хозяйственной комендатуре. Обращаются к Никанору Степановичу: "Вы такой-то?" Он пытался отрицать, но этот бывший-то наш работник, оказывается, знает его в лицо. "Ты, - говорит, - усы сбрил". - "Что делать, - отвечает, - действительно". Сажают его в бричку, везут за тридцать километров на ток. Приказывают отремонтировать срочно локомобиль. Они затеяли молотьбу хлеба. Копается возле локомобиля какой-то немецкий солдат, тоже механик. И, видно, не знает он конструкцию нашей машины. Сделать ничего не может. Пиканор Степанович показывает на руку: мол, не могу работать. Они соглашаются, чтобы он сам не делал ничего, а только объяснял словами. И вот, представьте, старик увлекся. "Сам, - говорит, не понимаю, как получилось. Ведь я себе, черту лысому, в уме твержу: ничего не делай. Они и так, и эдак крутятся у машины, ничего у них не выходит. Взялись они меня разыгрывать: как это получается, что такой знаменитый механик и тоже пасует. Не выдержал я, поддался розыгрышу, или, может быть, перед немцами хотел показать свое превосходство. Руки, можно сказать, сами потянулись, опомниться не успел - пошла машина. Как хотите, судите, но ведь я, - говорит, - подпольщиком никогда в жизни не был, а с металлом вожусь больше тридцати лет". После этого случая с локомобилем ему говорят, что властям немецким известно, что он коммунист, но это, мол, ничего не значит, надо только зарегистрироваться. И ведут в полицию. Там он и подписывает известную бумагу. А через несколько дней является к нам и просит считать все это уловкой, доказывает, что ненавидит немцев и жизнь готов отдать за наше дело. Вот как иногда получается, товарищи.

- Но ведь это исключительный случай, - возразили мы Грищенко.

- Каждый случай по-своему исключителен. Среди коммунистов, которые зарегистрировались, далеко не все безнадежные люди. Один товарищ, тоже из недавно вступивших в партию, учитель, нашел нас и говорит: "Пусть я виноват, пусть недостоин носить звание члена партии, но не лишайте меня

звания человека. Дайте задание, испробуйте. Сознаюсь, подавила меня на первых порах вся картина отступления, потерял голову. А когда собрался с мыслями, когда увидел силу духа народного, понял, что лучше смерть, чем такая жизнь".

Мы ему поручили разведать обстановку на железной дороге. Сказали, что в диверсионных целях. Хотя у нас никаких средств для этой деятельности нет. И послали его к станции. Там строжайшая охрана. Представьте, пролез ночью под колючую проволоку, начертил нам потом точнейший план: где часовые, где склад снарядов... Жаль даже было человека, что зря ползал. Нет, нельзя все ж таки подходить с такой меркой, что все оробевшие люди подлецы. А пройдет время, еще больше к нам придет таких, как этот учитель.

- А как же с механиком? - спросил, заинтересовавшись, Дружинин. Так, значит, исключен из партии и вы его от себя оттолкнули?

- Запил старик. Просто ужас как пьет. Смастерил самогонный аппарат и такой первач гонит, просто сказать - ректификат. И сивуху научился отбивать. Когда немного разбавить водой, прямо особая московская двойной очистки.

- Пробовали, значит? - смеясь, сказал Попудренко. - А говоришь оттолкнули старика. Выходит, кое в чем он вам и сейчас полезен?

Но шутки шутками, а вопросы, поднятые Грищенко, а перед тем письмом Батюка и докладом Кулько, были, несомненно, серьезны и требовали разрешения. Они носили общий, интересующий всех подпольщиков характер.

В самом деле, надо уяснить, кто такие рядовые подпольщики Отечественной войны. Чем они должны заниматься, кого могут принимать в свои группы, следует ли им профессионализироваться, то есть посвятить себя исключительно подпольной деятельности? Какие материальные возможности у них для этого есть?

Подпольные группы городов состояли из рабочих и служащих, студентов, школьников. В сельских были колхозники, рабочие МТС и совхозов, врачи, учителя и тоже школьники. Их возглавляли товарищи, посланные обкомом и райкомами. Но не всегда партийные работники профессиональны.

Опыта подпольной работы ни у кого не было. Разве только у пожилых людей - членов партии с дореволюционным стажем и ветеранов гражданской войны. Но, во-первых, таких единицы, а во-вторых, условия нынешнего подполья имели мало сходства с условиями, в которых они работали в те далекие времена.

Думаю, что вопросы Батюка, следует ли готовить

террористические акты и следует ли организовывать кружки по углублению марксистско-ленинских знаний, были навеяны ему кем-нибудь из старших членов партии.

В самом деле. Мы не боролись за свержение существующего строя. Ибо немцы не ввели и не могли ввести на оккупированной ими Украине буржуазного строя, хотя, конечно, и стремились к этому. Пока же они только заняли территорию. Война продолжалась. Немцы вели ее не только против Красной Армии, но и против всего советского народа. Мы, как партизаны, так и подпольщики, были солдатами. Мы воевали. Уничтожение комендантов, ландвиршафтс-, группен- и всяких других фюреров было нашей солдатской обязанностью, а не террористическими актами. Уничтожение предателей народа - старост, бургомистров, полицейских - тоже не террор. Это человеческие подонки, не представители некой новой власти, а просто шпионы, изменники и перебежчики. Они преступники, мы их не убиваем, а казним в соответствии с законами Родины.

Подпольщики Отечественной войны - это те же партизаны. И разделение на партизан и подпольщиков имеет лишь тот смысл, что первые живут и действуют значительными военизированными группами, а вторые вынуждены жить порознь и действовать более конспиративно.

Советский народ на оккупированной территории отлично разбирался в том, кто его враг. Даже самые Отсталые крестьяне вскоре поняли истинные цели и намерения оккупантов. Сопротивление народа захватчикам неуклонно росло.

Но если бы миллионы наших людей, оставшихся на оккупированной территории, знали всю правду о немцах, если бы они знали хотя бы то, что на Украине, где хозяйничает враг, уже в первый год войны м е р т в ы х н е м ц е в б ы л о б о л ь ш е, ч е м ж и в ы х, - сопротивление возросло бы во много раз.

Вот почему главной задачей подпольщиков, то есть коммунистов и комсомольцев, не ушедших в лес, а оставленных в городах и селах, б ы л а п р о п а г а н д а п р а в д ы.

Рассказывая народу о действительном положении на фронтах, систематически распространяя сводки Совинформбюро, разоблачая тактические маневры немцев: их земельные законы, игру в "друзей вильной Украины", их националистическую пропаганду и прочие уловки, подпольщики поднимали дух народа и содействовали созданию партизанских резервов.

Подпольщики в городах и селах должны были всеми мерами препятствовать проведению в жизнь немецких законов, постановлений, распоряжений; организовывать саботаж на предприятиях и в сельскохозяйственных общинах; разоблачать

предателей, собирать и передавать партизанским отрядам оружие и боеприпасы, вести разведывательную работу для наших партизанских штабов и для Красной Армии.

Впрочем, вряд ли я сумею перечислить здесь все обязанности подпольщика-воина. Другое дело, его права и материальные возможности, они были гораздо ограниченнее. На вопрос подпольщиков Яблуновки, где доставать средства для существования, мы могли ответить только одно: ищите, товарищи, не чурайтесь никакой работы. Живите так, как живет народ, будьте всюду с народом. Идите, если надо, в батраки к новоиспеченным кулакам и помещикам, идите в артели, на железную дорогу, в административные и хозяйственные учреждения немцев. Нам везде нужны свои люди, чтобы взрывать немецкую оккупационную машину изнутри. Но помните идти в такие места можно только по направлению организации.

Что же касается коммунистов и комсомольцев, под влиянием страха или каких-то "личных обстоятельств" пришедших на регистрацию и поступивших на службу к немцам, им оправдания нет. Как ни симпатичен слесарь Никанор Горбач, остерская организация права, отказавшись считать его коммунистом. И учи гель, о котором рассказывал Грищенко, тоже должен быть немедленно исключен из партии.

Для того чтобы искупить свою вину перед народом, у них, в условиях оккупации, есть только один путь - в партизанский отряд. Здесь, если их примут, они могут под пристальным наблюдением товарищей пойти в бой.

Но почему так строго? - спросит читатель. Ведь Никанор Горбач и тот учитель, что сам сознался в своем малодушии, пришли в райком партии с повинной, они только дрогнули на мгновение, изменниками их считать нельзя.

Если бы они были изменниками, их бы расстреляли. Не могло быть тогда и речи, чтобы позволить им сражаться в рядах партизан. Нет, мы не только подтвердили исключение их из партии, но просили товарищей рассказать народу о том, что они исключены. Коммунист не может совершать сделок со своей совестью. Коммунист не имеет права забывать ни на минуту, что народ видит в нем представителя руководящей партии. Когда коммунист или комсомолец совершает малодушный поступок, он наносит большой ущерб нашему делу, гораздо больший, чем беспартийный, совершивший такой же поступок.

Регистрацию коммунистов немцы обставляли торжественно. Они вывешивали большие плакаты-указатели: "Регистрация членов партии и комсомольцев производится здесь". Да и сама регистрация ими была придумана не для того, чтобы учесть и

обезопасить коммунистов. Добровольно приходили на регистрацию единицы. И немцы, конечно, заранее знали, что придут только предатели и люди малодушные, стало быть, для них, немцев, и без того безопасные. Нет, они придавали этой регистрации другое значение. Они хотели нанести удар авторитету Коммунистической партии в народе.

Слесарь Никанор Горбач впоследствии действительно доказал, что он не только не предатель, но даже храбрый человек. Он пришел в отряд и, несмотря на преклонный возраст, хорошо воевал. Его тогда, как он выразился, гордость заела, не захотел уступить немецкому мастеру. Стало быть, профессиональная гордость механика была в нем сильнее гордости патриота и коммуниста.

А народ особенно высоко в это время ценил непреклонную гражданскую гордость советского человека. Как могли мы прощать коммунистам даже маленький поклон в сторону немцев, когда сотни и тысячи безымянных героев, беспартийных рабочих и крестьян шли часто на смерть только для того, чтобы показать свое презрение оккупантам.

Рассказы об этих подвигах можно было слышать и в хате колхозницы, и где-нибудь на пепелище сожженного села, и у партизанского костра. Народ очень любил рассказы о беззаветной храбрости, о людях, погибших с удалью, о том, что еще Максим Горький назвал безумством храбрых. Такие истории повторяли, дополняли, передавали из уст в уста.

Вот, например, рассказ о старике Мефодьевиче из Орловки. Я сам слышал его не меньше десяти раз. В основе его лежит действительный случай, происшедший в начале 1942 года. Но фамилию Мефодьевича я так и не смог узнать.

Группа наших комсомольцев-разведчиков - Мотя Зозуля, Клава Маркова и Андрей Важецев - отправилась по селам, чтобы собрать нужные командованию сведения, а попутно разбросать и передать нашим людям для распространения листовки; сотен пять листовок, направленных против немцев, засунули за пазуху разведчики.

В Орловке - большом селе - они шли посредине улицы - обыкновенные крестьянские девушки, молодой парнишка с ними. Навстречу им попадались старухи, старики и такие же, как они сами, девушки и парни. Разведчики здоровались, спрашивали, как пройти к мельнице, и совали, между прочим, в руки прохожих маленькие квадратные листки бумаги.

На вопрос о том, далеко ли немцы, разведчикам отвечали, что все, мол, в порядке, давно их тут, извергов, не было.

В этот момент со скоростью пожарной команды в село

ворвалась на нескольких грузовиках группа немецких солдат. Нашей тройке нельзя было бежать: они бы обратили на себя всеобщее внимание, и уж тогда, наверное, немцы бы погнались за ними. Медленно продолжали разведчики идти по дороге, надеясь, что немцы сочтут их за здешних.

Солдат прибыло в село человек пятнадцать. Вели они себя странно: соскочили с машин и разбежались в разные стороны. Они хватали всех, кто попадал под руку, - стариков, старух, подростков, - гнали к машинам и, поощряя ударами прикладов, заставляли лезть в кузовы. Не обыскивали, ни о чем не спрашивали, ничего не объясняли, набили машины и полным ходом двинулись в сторону районного центра - местечка Холмы.

Наши разведчики попали на последний грузовик. Людей в кузов набили человек двадцать пять. Стояли, держась друг за друга, все перепуганные, с бегающими глазами, бледные. Сперва только переглядывались, но минут через пять стали перешептываться: "Что бы это могло значить? Куда нас везут? Почему брали первых встречных?"

Людей в машинах качало, толкало, они падали, садились на дно кузова, уплотнялись. Девушки повизгивали, старухи покряхтывали; уже стали осваиваться со своим новым положением.

- Надька, чего с размаху плюхаешься? - кричала какая-то женщина. Знаешь ведь, черт, что у меня коленка ушибленная!

- Ничего, тетки, привыкайте, - раздался из гущи тел чей-то надтреснутый старческий голос. - Скажите спасибо, гроши за провоз не берут. Раньше до Холмов ехали - считай тридцатка из кармана долой, а немцы-благодетели за свой счет в петлю везут...

- Ну, пошел брехать наш артист, - откликнулся женский голос. Помолчал бы ты, Мефодьевич, без тебя тошно.

Но старичок за словом в карман не лез. Он ответил какой-то шуткой. Несколько человек с готовностью рассмеялось. Вероятно, был этот Мефодьевич из комиков-старичков, которые ни в какой обстановке не теряются.

Наши разведчики не прислушивались, им было не до разговоров. Они стояли все трое у борта, шепотом обсуждали, как быть. За пазухой у каждого осталось по сотне с лишним листовок. Не надо и обыскивать. Достаточно потрясти за ворот - и посыпятся.

Машины шли со скоростью никак не меньше, чем сорок километров в час. По населенным пунктам мчались, оглушающе сигналя, ну, совсем, как пожарные. Солдат в кузове не было. Однако на подножках стояли автоматчики. Они хоть и смотрели большей частью вперед и переговаривались с теми, кто ехал в

кабине, спрыгнуть на ходу незаметно, конечно бы, не дали.

Мотя Зозуля, наиболее опытная разведчица из нашей тройки, оглядев окружающих и подмигнув своим, осторожно вытащила из-за пазухи пачку листовок. Она опустила руку с листовками за борт и с силой бросила их на землю. Неожиданно ветер подхватил бумажные квадратики, закрутил, и они взвились за машиной, поднялись облаком.

Мотя покраснела и съежилась, будто ожидая удара. Все в машине молчали. Листовок уже не было видно, а в машине продолжали стоять напряженные, притихшие, смотрели испытующе друг на друга.

И опять раздался надтреснутый голосок:

- Фрицы-то не только, значит, народ хватают. Заодно и агитацию разводят. Вроде, как комбинат на колесах!

Шумел мотор, скрипела, покачиваясь на рытвинах, машина, но ребятам нашим показалось, что они услышали общий вздох облегчения.

Кто знает, поверили арестованные, что листовки действительно разбрасывают сами немцы или просто обрадовались хорошему объяснению. Во всяком случае, старичок разрядил обстановку. Снова начались разговоры.

Мефодьевич выбрался из гущи тел и устроился рядом с разведчиками. Он оказался маленьким, сухоньким. Седая растрепанная бороденка трепыхалась на ветру, нос от холода покраснел. Но шапка сидела у него набекрень, один ус воинственно задрался кверху, в глазах горел лукавый огонек. Снова он пустился в громкие рассуждения. Говорил, видно, не задумываясь, лишь бы не молчать.

- А что, паны, - воскликнул он, закручивая ус, - едем мы теперь в одной машине с иностранцами! Думал ли, мечтал ли я когда о таком новом порядочке...

Пока ему кто-то отвечал, он прижался плечом к Моте и быстро стал шептать:

- Ты, дивчина, зря по степу не кидай. Предназначено для народа, верно понял?.. Значит, среди народа и сей... Вот будемо ехать селом, тогда и бросайте...

Когда поровнялись с каким-то селом, Мефодьевич стал с азартом толкать под бока наших ребят:

- Кидайте, чего же вы! Да не бойтесь, я отвечаю!

Что говорить, был в нем талант озорника, и других он умел зажечь. Ребята выбросили в селе часть листовок. В машине теперь все уже, конечно, понимали, что кидают не фрицы, но, как будто сговорившись, делали вид, что ничего не замечают.

За машиной бежали мальчишки, ловили в воздухе листовки.

Арестованные хохотали. Все - и старые и малые - увлеклись этой игрой. Когда немцы подозрительно зашевелились на подножках, женщина с длинным и скорбным лицом крикнула:

- Ховайтесь!

Над бортом появилась голова солдата. Он ничего не понял. С недоумением смотрели глаза немца на этих странных русских: "Чего они смеются?" Зло сплюнув и выругавшись, он отвернулся. Но уже нельзя было, конечно, бросать листовки. Немцы повысили внимание.

Мефодьевич разошелся. Он был в ударе. У разведчиков осталось еще сотни три листовок. Старик стал упрашивать:

- Отдайте мне... Да вы не бойтесь, я выкручусь, давайте, да ну, скорее. У нас в селе почитают. Не пропадать же...

Он сунул оставшиеся листовки за ворот рубахи, запахнул свой кожушок и самодовольно улыбнулся, да так лукаво прищурился, что всем стало ясно: сейчас он что-нибудь отчебучит, отколет номер.

И верно, Мефодьевич полез чуть ли не по головам к кабине.

- Расступись! - кричал он. - Да пропустите же, люди добрые, пропадаю!

Еще не понимая, что он собирается делать, ему давали дорогу. Он пробрался вперед и бешено заколотил по крыше кабины. Все притихли. Машина резко затормозила.

По обе стороны дороги лежало поле. За кюветом торчало несколько обтрепанных, заснеженных кустов. Солдаты соскочили с подножек. Вылезли и те, что были в кабине. Заорали гортанными голосами. Смысл их вопросов был понятен:

- В чем дело, кто стучал?

Мефодьевич кивнул головой в сторону кустов, согнулся пополам, схватился за живот и при этом скривил такую жалкую, страдальческую гримасу, что даже немцы не удержались, прыснули со смеху.

- Почекайте трохи, подождите, битте, битте, я зараз, сейчас, пробормотал он и торопливо слез на землю.

Немцы продолжали смеяться. Они и в самом деле подождали, пока Мефодьевич спрятал за кустами листовки, посидел там еще с минуту и вернулся с лицом счастливым и глупо самодовольным.

Один из немцев даже потрепал его по плечу:

- Гут, гут, корош колхоз, правильни!

В Холмах всех выгрузили на площади. Оказалось, что туда, по приказу гебитскомиссара, свезли первых попавшихся крестьян из десятков сел. Свезли лишь для того, чтобы они выслушали речь этого самого комиссара. Как только разведчики наши узнали, что

они свободны, сейчас же постарались ускользнуть от своих спутников. Лучше подальше от свидетелей. Одно дело в машине, другое в райцентре.

Они и совсем бы ушли. Но оказалось, что площадь оцеплена. До конца митинга никого не выпускали. Наши стали в сторонке, выбрали место, с которого быстрее всего можно было убраться. Минут через десять после их прибытия на деревянную трибуну влезло несколько немцев. Один из них начал речь.

Он ругался, плевался, угрожал минут десять. И хоть ораторствовал он по-немецки, люди стояли притихшие, подавленные, понимая, что гебитскомиссар хорошего не скажет. Потом говорил переводчик, тоже немец.

- Вас имели позвать сюда в целях вашей трансляции родственникам и знакомым, что мы, немцы, шуток абсолютно не любим...

Кто-то в толпе неестественно громко чихнул.

- Мы шуток не любим, - повторил переводчик. - Наши агенты, наезжая на села, не имеют среди крестьян радушной встречи. Что это есть? Это есть признак агитации лесных бандитов, которые не советуют давать немцам продовольственных продуктов, свиней и хлеба. Это считается нами, как саботаж. Это считается нами, как проявление подчинения уничтоженной большевистской власти. За указанное проявление мы больше миловать не пожелаем и поторопимся безжалостно уничтожать гнезда. Расстреливать. Казнить...

Совершенно в тон ему, как бы продолжая речь переводчика, кто-то в толпе сказал:

- Резать и засаливать...

- Что там произнесено? - строго спросил переводчик.

Все молчали.

- Я имею решительную просьбу повторить. Я недостаточно слышал. Кто произнес слова?

Поднялась рука, и наши ребята увидели Мефодьевича. Старик, видно, вошел в роль, не мог остановиться, успех в машине его вдохновил.

- Это я произнес слова, господин переводчик.

- Какой смысл вы хотели изложить?

- Я хотел поддержать ваше начинание. Вы сказали "расстреливать и казнить". А я считаю, что этого мало, как имеются люди, которые подчиняются неправильно, трохи путают, гнут в противоположную и так и далее. Вредят крестьянству и новой власти, которая... В общем я поддерживаю от всей души ваше мероприятие...

Вряд ли переводчик разобрал все, что говорил Мефодьевич.

Но решил, видно, что старик этот - голос народа и этот голос его поддерживает.

Переводчик продолжал свою речь, а Мефодьевич время от времени выкрикивал:

- Правильно! Хап буде так! Дуже гут, дуже битте!

При этом он сохранял поразительно спокойное выражение лица.

Переводчик, окончив речь, пошептался с гебитскомиссаром, с бургомистром Холмов, с каким-то полицейским. Потом поманил к себе пальцем Мефодьевича. Старичок поднялся на трибуну. Он стоял перед гебитскомиссаром, как царский солдат: выкатил грудь колесом, ел глазами начальство. Переводчик пошептал ему что-то на ухо. Мефодьевич выразил на своем лице понимание и готовность. Потом повернулся к народу, начал говорить.

Сперва и крестьяне сочли, верно, что старик этот немецкий холуй, слушали его хмуро.

- Граждане! - воскликнул Мефодьевич, как заправский оратор, но тут же повернулся к переводчику и сказал: - Извините, выскочило по старой привычке. Паны! - воскликнул он снова. - Уважаемое крестьянство! Нам что сказано? Нам сказано, что Германия хочет народу добра, чтобы швидко окончить войну и разбить остатки Червоной Армии. Правильно сказал пан нимецький комиссар, что для цього потрибно усим взяться сообща за наше крестьянское дело и наплевать на политику. А что мы бачим? Мы бачим, что народ помогает лесным бандитам, разным там нашим братьям и сестрам и деточкам. Разве это новый порядок? Я предлагаю поддержать инициативу пана комиссара и с сегодняшнего дня, коли придет из лесу чи твой чоловик, чи мий сын, чи брат, хватать его за шкирку и тащить в полицию. А буде сопротивляться, - уничтожать его на месте, як бандита, который мешает нашим благодетелям нимцям.

Говорил все это Мефодьевич удивительно серьезно, то и дело оглядываясь на немцев. Он, конечно, подметил, что переводчик знает русский язык плохо. Народ тоже раскусил трюк Мефодьевича. Лица оживились. Кое-кто улыбался. А некоторые, наиболее благоразумные, делали ему знаки: морщили брови, кивали головами в сторону, мол, потрепался и хватит. Мефодьевич не внял рассудку.

- Я считаю, - продолжал он, - что мы хоть и стали теперь панами, все-таки недопонимаем, что нимцы нам принесли освобождение. Пора нам прекратить ненавидеть, а вместо этого дать победоносному германцу все, что вин пожелает. Коли ко мне пришли нимцы забирать корову, кабанчика, гусей та курей, вы думаете я дрался? Ни, я усе отдал с радостью. А вчора пришли,

просят теплу одежду, чтобы не мерзнул нимецький солдат пид Москвой. Так я с пониманием и радостью отдал штаны, а надо будет нимцам, и пидсподники отдам. Бо я горжусь, что нимець буде бить Червону Армию и партизан с моей куркой в животе и в моих штанах.

В толпе уже многие улыбались, а кое-кто еле сдерживал смех. Гебитскомиосар с недоумением поглядывал то на оратора, то на переводчика. Мефодьевич обернулся к немцам и сказал:

- Я прошу вас, пан переводчик, сказать начальству, что украинцы не пожалеют для победы нимецькой армии ни штанив, ни курей, ни жинок, ни дитей...

Он подождал, пока переводчик выполнил его просьбу. Комиссар, видимо, успокоился, улыбнулся и похлопал в ладоши. Мефодьевич тоже улыбнулся и продолжал, возвысив голос:

- Как честна стара людина, я должен сказать в порядке самокритики, что сам еще не полностью проявил любовь к нимцям. Коли б я був помоложе, ну як той хлопец, чи як та дивчина, - он показал на кого-то в толпе, - то пошел бы в лис и стал бы уничтожать эту сволочь, что рушит наше счастливе життя!..

Теперь в толпе уже никто не улыбался. Слушали внимательно и очень серьезно. Переводчик испытующе взглянул на оратора. Но опять успокоился. Мефодьевич оказал:

- Записался бы добровольно в полицию, получил бы винтовку, пулемет и доказал бы тем бильшовикам, что попрятались в лисе, что не одни воны могут пользоваться оружием. Будь бы я помоложе, так не сидел бы с бабой в хате, да не глушил бы горилку, як то роблят некоторые полицаи. Я б показал нимцям, что мы, украинцы, умеем ценить свободу, что есть еще у нас смелые люди!

Бургомистр, украинец из какой-то западной области, хотя и не очень хорошо понимал смешанный русско-украинский язык старика, сообразил, что в речи его таится подвох. Он наклонился к переводчику и стал ему что-то шептать. Но переводчик в ответ презрительно улыбнулся. Он был убежден, что и сам прекрасно владеет языком. А Мефодьевич все больше входил в роль и забыл осторожность. Зря он затронул полицию. Тут присутствовало несколько этих предателей с повязками на рукавах. Они ведь и в самом деле не столько боролись с партизанами, сколько пьянствовали и грабили население. Один из них, что стоял неподалеку от трибуны, крикнул:

- Эй, старик, ты что это агитировать вздумал?! Ты эту самокритику забудь!

Но Мефодьевич не растерялся. Обернувшись к переводчику,

он с возмущением сказал:

- Пан офицер, чи я не правильно говорю? Треба усилить борьбу за нашу перемогу, верно?

- Очень прекрасно, - ответил переводчик, - гут, но заворачивайтесь, и он подал Мефодьевичу знак, чтобы тот сошел с трибуны, но старик сделал вид, что не понял.

Он крикнул полицаю:

- Что, съел? Правильно я говорю, что зря вам, сволочам, дали оружие. На партизан-то вы боитесь идти... Ну, чего кулаком грозишься? Что, неправда скажешь? Почему те штаны, что у меня забрали, не отправлены пид Москву на поля сражения, а попали на задницу начальника полиции? Ах, не знаешь?.. Для чего у старухи Филиппенко пуховый платок забрали? Для нимецькой армии, что ли? Нет, брешешь, меня не проведешь!

Переводчик, раздражаясь, сказал:

- Прекратите. Жалобы в сторону действий полиции надо относить комендатуре от часу дня до двух по вторникам.

- А вы ему скажите, пан переводчик, чего вин причепился. Я дело говорил, а вин лезет... Я вам прямо окажу при всем народе: в полиции одни воры и сволочи. Коли бы воны были честны люди, то не боялись бы самокритики и не затыкали бы рот.

Несколько полицейских собрались в кучу и стали подниматься по лестнице трибуны, чтобы схватить старика. Но комиссар сделал им знак отойти.

- Извиняйте, я разволновался, - заискивающе протараторил Мефодьевич. - Разрешите продолжать?

- Найн, найн, идите.

С торжествующей, самодовольной улыбкой Мефодьевич прошел мимо полицейских. Толпа расступалась перед ним и тут же смыкалась. Маленький, сухонький, он сразу же потерялся среди людей.

- Митинг имеет быть конченным! - крикнул переводчик.

Народ стал торопливо расходиться. Наши ребята тоже, конечно, не теряли времени. Они уже отошли метров на двести, когда на площади сзади них раздался выстрел. Они обернулись и увидели несколько полицаев, бегущих за маленькой человеческой фигуркой. Было ясно, они гнались за Мефодьевичем. Старик удирал от них зигзагами, как лисица.

Полицаи что-то орали и стреляли ему вслед.

Старик подбежал к высокому плетню, попытался через него перелезть, но упал, подсеченный пулей. Ему удалось разогнуться.

- Каты, нимицьки прихвостни, подлюги прокляты!!! - успел еще крикнуть он.

Полицейские уже были возле него. Раздалось еще несколько

выстрелов. Старик больше не кричал.

На обратном пути наши ребята взяли под кустом спрятанные Мефодьевичем листовки.

Ни одна из них не пропала даром.

*

И каждый раз после того, как у партизанского костра кто-нибудь рассказывал эту историю, начинались споры.

Одни говорили, что зря старик так разбушевался, не стоило лезть на рожон. Он ведь и о листовках забыл. Не было в его поведении разумного, твердого расчета.

- Зато красиво, - восхищались другие. - Посадил в галошу и немцев и полицаев!

Помню, крепко попало от Попудренко Санину - отделенному командиру, а в прошлом работнику милиции.

- Я бы, - заявил Санин внушительно, - на месте руководства приказом вытравил такие разлагающие рассказы. Прекратить надо, товарищи. Полное отсутствие сознательности и дисциплины в действии...

- Давай, давай! - крикнул ему Попудренко. - Продолжай, обосновывай!

Санин не понял, что в словах Николая Никитича был вызов. Напротив, решил верно, что тот его поддерживает. И с еще большей важностью произнес:

- Этот старик просто, как это выразиться...

Попудренко не сдержался:

- Ты мысли выкладывай, а не выражайся. Выражаться каждый из нас умеет. Ты что скажешь? Что старик неорганизованный, политически неграмотный, что надо бы ему действовать втихомолку и он бы тогда прожил до ста лет. А что ж ему делать, когда он лекции читать не умеет! Понимаешь ли ты, что плевок в фашистскую морду при большом стечении народа тоже воспитательная работа?

Санин поднялся, взмахнул рукой, но сдержал себя и медленно пошел от костра.

- Нет, - крикнул ему Попудренко, - вернись! Ты со мной спорь, имей мужество продолжать.

- Я с вами спорить на людях не имею права, - хмуро сказал Санин. - Я человек политически грамотный и дисциплинированный.

- А я тебе разрешаю, я тебе приказываю спорить! - воскликнул Попудренко. - А не можешь спорить, так слушай. И заруби себе на носу, что презрение к смерти, что гибель за правду на глазах у народа очень многого стоит. И ум для этого тоже необходим. А что старик Мефодьевич был умен, что жизнь свою отдал

прекрасно, это факт. Он, может, всю жизнь шуткой промышлял среди народа. А погиб героем. И то, что рассказываем мы о нем, это значит, что вписал он себя в историю.

У костра было много народу. От других костров бежали сюда бойцы, чтобы послушать. Попудренко не умел говорить тихо и пресно. Он любил вызвать спор. И я видел, что Дружинину не терпится, Яременко тоже вот-вот вступит в разговор.

Но в этот момент мы услышали крик дежурного:

- Воздух!

Гул вражеских самолетов приближался к селу. Мы раскидали костры.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
БОЛЬШОЙ ОТРЯД

Наш отряд был несколько раз на краю гибели. Не то, чтобы отдельные группы, взвод, рота; нет - все погибли бы. Потому что сдаваться мы бы не стали.

И каждый раз, когда это случалось, то есть когда мы были на волосок от полного разгрома, спасало нас не чудо и не слабость противника. Нас выручали сплоченность, народная сметка, мастерство командиров, массовый героизм, сознательная дисциплина - все то, что двумя словами называется: большевистская организованность.

В первый раз, читатель уже знает, черниговские отряды находились в отчаянном положении в конце ноября 1941 года. И виной тому была не столько действительная угроза военного разгрома, сколько организационная слабость, неуверенность в своих силах. Обком соединил тогда мелкие отряды в один крупный и повел его в наступление.

Второе, куда более серьезное, испытание началось теперь и длилось три месяца: февраль, март и апрель.

Началось это второе испытание почти непосредственно после радостных дней. Мы хорошо, прямо-таки уютно устроились в селах Майбутня, Ласочки, Журавлева Буда. Мы совершали отсюда удачные набеги на соседние полицейские гарнизоны. Нам удалось связаться с Большой Землей, подвести итоги нашей деятельности и передать их Центральному Комитету партии. Нам обещали прислать самолеты с дополнительным вооружением.

Мы, безусловно, окрепли. Бойцы обстрелялись, прошли хороший практический курс партизанской войны. Важно было, что многие оторвались от своих родных сел, от насиженных мест, от семей: солдат лучше воюет, когда жена и дети от него подальше. Командиры наши накопили серьезный опыт.

Плохие командиры, назначенные до оккупации в соответствии с занимаемым до войны положением, отсеялись. А

те, кто к этому времени сохранили у нас командные посты, почти все хорошо воевали. Пять месяцев не продали даром даже для Бессараба.

И вот тут-то немцы стали нас теснить. Совершили несколько бомбардировочных налетов на села, в которых мы дислоцировались. Обстреляли тяжелой артиллерией.

После трезвых размышлений штаб принял решение уйти всем отрядом из населенных пунктов в лес. Было, впрочем, немало охотников остаться в селах. Действительно, покидать теплые хаты в тридцатиградусный мороз, лезть в снежные сугробы... Нашлись товарищи, которые свое желание остаться пытались оправдать теорией, что мы, мол, не имеем права покидать без боя села, где так долго стояли. Что мы должны защищаться сами и защищать население до последнего. Уходя, мы подводим стариков, женщин и детей под удар врага.

Это, разумеется, было по меньшей мере несерьезно. При таком соотношении сил укрепляться в открытых со всех сторон населенных пунктах значило подвергнуть и себя и жителей риску полного уничтожения.

Мы погрузились в сани и двинулись за сорок с лишним километров - в Елинские леса. Выбрали участок, где до того некоторое время стоял отряд нашего нового товарища - Ворожеева. По его словам, и землянки в тех местах сохранились. Правда, наши разведчики внесли существенную поправку: не землянки, а всего лишь одна большая, плохо покрытая траншея. Но и это лучше, чем ничего. А главное, густой лес с преобладанием ели - с воздуха трудно заметить, да и на земле не легко нас оттуда будет выбить.

Коней мы пустили рысью, временами и галопом. Так, с ветерком, проехали километров двадцать. Командирам еще ничего. У них тулупы или уж, во всяком случае, хорошие кожушки и валенки. Раненых мы тоже укрыли надежно. Однако рядовые бойцы не все были тепло одеты. Кое-кто в рваных сапогах, в ботинках с обмотками. Многие соскакивали и бежали по дороге, держась за сани. Скорость пришлось поубавить. Некоторые стали просить остановиться на часок, развести костры, погреться. Но вдруг обстоятельства переменились, так что мы согрелись без костра.

На опушке леса нам перекрыли дорогу немцы. Они хорошо замаскировались, и наша разведка подкачала - не обнаружила их вовремя. Немцы воспользовались партизанской тактикой. Напали на колонну из леса и внезапно.

Тактика эта была для них, видно, непривычной или в русском лесу чувствовали они себя неважно: огонь открыли на две-три

минуты раньше, чем следовало. И еще одного немцы не учли: мороз так разозлил наших ребят, что они не только не испугались, а даже обрадовались возможности подраться.

Впрочем, быть может, не только мороз нам помог, но еще и то, что пока мы стояли в селах, Рванов не терял времени даром. Каждый день он требовал от командиров рот, чтобы те занимались боевой подготовкой.

Я сам поразился молниеносности нашего ответа. Внезапность немцам не помогла. Никто у нас не растерялся. Командиры давали четкие приказания. Бойцы рассыпались в цепь. И не позднее как через две минуты мы ответили пулеметным и автоматным огнем такой плотности и прицельности, что немцы сразу бросились наутек. И тут мы обнаружили, что было их никак не меньше двух рот.

Бой длился всего десять минут. Возбужденные, веселые, гордые успехом двинулись мы дальше. Ехали еще несколько часов. Когда свернули с дороги в лес и стали путаться между деревьями в глубоком снегу, бойцы соскочили с саней: надо было помогать коням. И люди и лошади порой проваливались в рыхлый нетронутый снег по шею.

К месту новой дислокации мы добрались часам к трем. Хорошо еще, что выдалась лунная ночь. Впрочем, не очень нам помогал и свет луны. В этом месте росли старые ели. Их большие заснеженные лапы затеняли почти все пространство.

Нашли заброшенную землянку отряда Ворожеева. Отряд жил здесь больше месяца тому назад. Вход пришлось откапывать. А откопали, вошли - длинная, грязная траншея. Ни столов, ни скамей. Перед уходом они все, оказывается, сожгли. А главное, печь развалена. Хорошо, у нас были свои печники. Гриша Булаш уже через час затопил, а еще через полчаса в землянке было жарко. Но, пожалуй, не столько от огня, сколько от перенаселенности.

Землянка была рассчитана человек на пятьдесят, а у нас одних только лежачих раненых и больных насчитывалось сорок пять. Несколько бойцов обморозилось в пути. Их тоже надо было поскорее отогреть. И начальство, и медико-санитарные работники, и наиболее энергичные любители тепла набили землянку так, что пришлось кое-кого попросить удалиться.

Мороз, между прочим, партизану не союзник. Может, и удерживал он немцев от наступления, но мы от него страдали куда сильнее. А в тот раз мороз повел такое наступление на нас, что нужно было крепко держать дисциплину.

Теперь, когда вспоминаешь эти несколько дней и ночей тяжелой борьбы со снежной стихией, кажутся они почему-то

очень бодрыми, почти что и веселыми. Человеческая память охотно выталкивает драматические эпизоды и, напротив, сохраняет радостные и смешные.

В самом деле, когда сейчас собираются бывшие партизаны и вспоминают, как окоченевшие, голодные, злые зарывались в снег, всегда начинается хохот.

- Помнишь, как Бессараб орал? На усах сосульки, борода заиндевела, изо рта пар столбом, а он кричит. "Я, ватого, не желаю! На кой мне это сдалось? У нас в Рейментаровке замечательные остались землянки!"

- А помнишь, как Арсентий Ковтун вырыл в снегу медвежью берлогу, уплотнил ладонями, залепил вход, лег и задал храпуна? К утру его жилье припорошило, замело. Где Ковтун, куда пропал? Только по храпу его и нашли.

- А помнишь, Капранов собрал медсестер и говорит: "Кто, дивчата, заревет, спирту не получит. Держитесь, дивчата, докажите равенство с мужчинами!"

И верно, ведь ни одна не плакала. Хотя спиртом большинство из них не интересовалось, раздавали свои порции ребятам.

Да, так вот и вспоминается всегда веселое, смешное. А положение было очень тяжелым. Лопат у нас оказалось на весь отряд лишь семь. Топоров пять, лом - один. Земля промерзла глубже чем на метр. Раскладывали костер, часа через два сдвигали его в сторону, а отогретую землю копали. Углубившись на полметра и наткнувшись на мерзлый слой, опять разжигали костер: хорошая тренировка для развития терпения.

Строительные работы могли вести далеко не все. И на заставы надо было послать людей, и в разведку, и на хозяйственные операции. И вот в этих-то условиях за неделю с небольшим мы построили шестнадцать просторных землянок. В них соорудили полати, поставили печи, сделали скамьи и столы.

Сказать по совести, в этих землянках жилось не так-то уж хорошо. Главное - тесно и темно. Освещались каганцами, заправленными воловьим жиром, жгли лучины, а то просто собирались у печного отверстия и в часы отдыха рассказывали друг другу всякие истории. Но даже в самые лютые морозы от костров не отказывались. И хоть ночевали в землянках, вечерами большей частью гуторили у костров.

Здесь, в Елинских лесах, записанных в нашей истории как "Второй Лесоград", мы партизанили до конца марта. Зима, все это помнят, выдалась суровой. Мороз даже до двадцати градусов спадал редко! Мы радовались таким дням. Термометра у нас не было, определяли, что называется, на глазок. Был, правда, у нас один дед, но жил он с нами недолго. Его все звали градусником.

Думаю, что настоящего уличного термометра он в жизни своей не видал и о градусах имел весьма приблизительное представление. Но если спрашивали, он, не задумываясь, отвечал:

- 24 градуса.

- Как же ты, старик, определяешь?

- Да по тому, за что мороз хватает. Уши у меня двадцатиградусные, нос при двадцати трех начинает мерзнуть, а когда большой палец правой ноги закрутит, значит, за тридцать перевалило.

Тянулась эта зима мучительно долго. На Черниговшине не редки затяжные, снежные зимы, но такой на моей памяти не было. Если бы только морозы и снег. Тут опять, хочешь не хочешь, сравниваешь положение партизана и солдата. Не спорю, в ту зиму бойцам и командирам Красной Армия тоже пришлось хлебнуть горя, тоже натерпелись. И мерзли, и, случалось, неважно питались, и, конечно, уставали от больших переходов.

У партизан ко всем этим лишениям прибавлялась еще унизительная бытовая бедность. Ведь куда ни сунься, за что ни возьмись - все достается с огромным трудом. Я уже рассказал, как мы строились, обходясь несколькими топорами. Но я забыл сказать, что гвоздей у нас и вовсе не было. Двери землянок продалбливали по краю и вешали на сыромятные ременные петли.

Нам не хватало ведер. Что ни день, приходилось разбирать споры о том, какому отделению принадлежит ведро. Кружка, ложка, кастрюля - все это надо где-то разыскать, помнить в горячке боя, что с немца следует снять не только автомат, сапоги и шинель, но хорошо бы прихватить спички, и нож, и ложку, и походный фонарь.

Умывались мы снегом и большей частью без мыла. Стирка белья была одной из самых мучительных операций. Стирать на морозе, сами понимаете, невозможно. Стирать в землянке, где сидят друг у друга на головах, где и так-то дышать нечем, тоже не лучше. Построили баню-прачечную. Но долго не могли найти ни котла, ни корыта, ни шаек для мытья. Шайками стали служить немецкие шлемы, корыта выдолбили из толстых бревен, котел сделали из железной бензиновой бочки. А сколько на это ушло времени и труда!

Очень туго приходилось нашим женщинам и девушкам. Надо сознаться, не все и не всегда у нас понимали и хотели понимать их особое женское положение. Возвращаются бойцы с операции. Ребята идут отдыхать, а девушки, бедняжки, принимаются за варку пищи, за стирку. Был приказ - мужчинам обстирывать самих себя. Но ведь не за всяким приказом проследишь. Да и не

любили девушки, когда в прачечной вместе с ними стирали ребята. Стеснялись. А некоторые жалели мужчин. Посмотрят, как они беспомощно тыркаются возле корыт, прогонят, скажут: "сами сделаем". А ребятам только того и надо.

Здесь, в Елинских лесах, мы узнали голод. Позднее бывало и похуже. Но длительное недоедание здесь мы переживали впервые, да еще после обильной, разнообразной пищи. Кончились запасы. Из партизанских баз мы выбрали все уже, даже соль.

Пытались некоторые товарищи возобновить всем нам знакомые разговоры, что если бы, мол, не принимали людей со стороны, могли бы дотянуть до весны. Но за это им здорово влетало от командования, и теперь они делились своими размышлениями только шепотом. Однако и шепот имел весьма неприятные последствия. У нас появились первые дезертиры. Пришлось приказом предупредить, что дезертирство будет караться так же, как в армии, расстрелом.

Жители окрестных сел и тут не отказывали нам в поддержке. Так, например, крестьяне села Елино отдали нам все, что имели, - скот, и запасы картофеля, и лишнюю одежду. Героическое село! Самое единодушное из всех, какие мне пришлось наблюдать. Из Елина немцы не получили ни одного килограмма зерна. Из Елина в полицию не пошло ни одного человека. Когда немцы сожгли Елино, женщины, дети, старики - все ушли с нами. Часть из них, те, кто физически не мог воевать, впоследствии устроилась в других селах. А боеспособные мужчины и женщины партизанили до прихода Красной Армии.

В Елинском лесу наш отряд вырос за месяц до девятисот человек, главным образом за счет жителей Елино.

Крестьяне окружавших нас сел тоже поддерживали нас, как могли. Но немцы их так обобрали, что жители питались исключительно картошкой. Картошка пока была. Картошкой они с нами не прочь бы и поделиться. Но передать ее в отряд стало делом чрезвычайно трудным. Елино близко примыкало к лесу. Немцы совершали на него налеты, но в нем не было немецкого гарнизона. А в Турье, Глубоком Роге, Гуте Студенецкой и других селах, расположенных в радиусе двадцати-шестидесяти километров, они сосредоточили в общей сложности до трех дивизий.

В Ивановке стоял батальон мадьяр, в Софиевке - сильный наряд полиции. Причем полиция эта была завербована в дальних районах. Это было сделано с той целью, чтобы затруднить населению всякую связь с полицейскими.

На этот раз кольцо оккупационных войск окружило лес довольно плотно. Все опушки патрулировались. Продовольствие

мы добывали только боем. Чтобы достать два мешка картошки, приходилось иногда терять трех, а то и четырех человек. Проводить большую, серьезную операцию, налет на гарнизон только с той целью, чтобы добыть продовольствие, было, по военным соображениям, нецелесообразно. Поэтому мы предпочитали отправлять засады на дороги, чтобы завладеть продовольственными обозами немцев. Но лесными дорогами немцы ездить остерегались.

Прокормить девятьсот человек непросто. Аппетит у всех - только дай. Работали много, и все на морозе. Расход энергии огромный. В таких условиях даже самый щуплый боец легко справляется с килограммом хлеба, а дай ему столько же вареной конины, он и ее съест. Все реже перепадали нам овощи. Молока и масла мы и совсем не видели. А так как лошадей тоже нечем было кормить, мы стали питаться преимущественно кониной.

В эти дни наш фармацевт, Зелик Абрамович Иосилевич, начал приготовлять настой из хвои. Я отдал приказ - пить его всем обязательно. От цынги только этим и спасались.

Настой из хвои был единственным лекарством, запасы которого никогда не истощались. Через несколько месяцев, когда сошел снег, Зелик Абрамович начал собирать травы, варить их, настаивать на спирту. А пока болеть просто не рекомендовалось.

И ведь болели действительно редко. Даже застарелые язвы желудка не давали себя знать. А такие распространенные болезни, как грипп, малярия, ангина, почти никогда не трогали партизан. Я, к примеру, до войны (и теперь - после нее) то и дело болел ангиной. А в лесу - ни одного приступа. И это характерно не только для нашего отряда. Закалка, стерильный воздух - вот что оберегало партизан от инфекционных болезней. Подобно полярникам, страдали мы чаще всего от ревматизма, цынги, пеллагры, фурункулеза и зубной боли.

Ох, уж эта зубная боль! Я не говорю лечить - вырвать зуб было нечем. Я как-то пять суток не мог заснуть ни на секунду. Началось воспаление надкостницы, вообще черт знает что. Ходили возле меня и наш фельдшер, и фармацевт, и лекари-любители из бойцов. Всякую дрянь совали мне в рот. Спас меня бывший директор судоремонтных мастерских, наш оружейный мастер Георгий Иванович Горобец. Спасибо ему - догадался пустить в ход кузнечные клещи. Вырвал подряд два зуба, после чего я почти мгновенно уснул и проснулся через сутки обновленным, свежим и бодрым.

Горобец очень много сделал для наших больных и раненых. Когда появилась угроза сыпного тифа, он сконструировал из бензиновой бочки аппарат для пропарки белья. Это дало

возможность в два дня провести санобработку поголовно всех бойцов и командиров: предупредить эпидемию.

Был Горобец и плотником, и столяром, и механиком. При участии нескольких партизан разобрал и вывез из Елина просторную хату, поставил ее среди наших землянок. В этом единственном настоящем доме устроили госпиталь. Забота о раненых вообще была у нас на первом месте. Отдельные койки, постельное белье, усиленное питание. Но этого, к сожалению, было недостаточно. У нас не было в то время хирурга и даже инструментов, чтобы произвести простейшую операцию.

Вот случай, о котором можно рассказывать как о примере беспредельного мужества, железной выдержки. Боец Григорий Масалыка подорвал на дороге автобус, уничтожил тридцать немецких офицеров. Но один из них, недобитый, ранил Масалыку выстрелом из пистолета. Перебил ему кость левой руки. Масалыка почему-то не обратился вовремя в госпиталь. Продолжал ходить на подрывные работы с больной рукой. Недели через две, когда рука почернела до локтя, он пришел к фельдшеру.

Спасти его могла только ампутация. Надо было перепилить кость, но вот вопрос - чем? Горобец узнал, что в Ивановке есть кузница. Пробрался ночью в это местечко, упросил кузнеца дать ему ножовку для резки металла. Она оказалась ржавой. Ее вычистили золой, прокипятили и, конечно, без всякой анестезии отпилили парню руку. Пилили по очереди - фельдшер, механик, а когда раненому стало невтерпеж, он сам взял ножовку и в несколько взмахов закончил операцию. Я присутствовал при ней. Масалыка морщился, вздыхал, изредка стонал, но ни разу не вскрикнул. Культяпку ему зашил фельдшер. Через две недели Масалыка уже принимал участие в боях.

Случай этот можно считать примером мужества. Однако лучше было бы, чтобы такие примеры больше не повторялись. Если боец уверен, что в случае ранения его будет лечить квалифицированный врач, а у врача найдется все необходимое для операции, он и воюет смелее.

Бои, участие в диверсионных актах, огромные переходы, голод, холод, теснота, ежедневное барахтанье в глубоком снегу - все это, разумеется, закаляет человека. Но радости такая жизнь не доставляет. Немного вы найдете людей, которые назовут годы партизанской борьбы счастливыми годами своей жизни. Мы, конечно, радовались своим удачам, искренно торжествовали, когда нам удавалось как следует насолить врагу. Но все мы, или почти все, мечтали о скорейшем окончании войны, ждали со страстным нетерпением перелома, начала большого наступления

Красной Армии.

*

Люди, окруженные в лесу, вынужденные питаться и одеваться почти исключительно за счет трофеев, рискуют не только жизнью. Их подстерегает опасность не менее страшная - опасность разложения. Относится это прежде всего к людям слабой воли, неустойчивой морали, плохого или недостаточного политического воспитания.

Настала пора, когда партизаны, заранее отобранные, оставленные партией в тылу врага, оказались в меньшинстве. Окруженцы, бежавшие пленные, крестьяне ближних сел - вот из кого в основном состояли теперь наши подразделения. И пришельцы вовсе не были инертной массой. Из них выдвинулись превосходные бойцы, разведчики, диверсанты, выдвинулись и командиры прекрасных боевых качеств. Но не о них я хочу сейчас рассказать.

Среди бежавших пленных был разный народ. Некоторые сдались немцам добровольно. А когда узнали, чего стоят все немецкие посулы, покормили вшей в лагерях, наелись вдосталь зуботычин, их обуяло раскаяние. Они бежали. Они стали партизанами. Не всегда от них удавалось узнать всю правду. И уж, конечно, редко кто признавался, что в плен к немцам пошел по доброй воле.

Такой человек и в партизаны пошел только потому, что другого выхода у него не было. Обратно к немцам он не стремился, но и против них боролся не очень-то активно.

Из окруженцев попадали к нам и "приймаки". Это были отставшие по тем или иным причинам от армии и принятые одинокими крестьянками. Попадались среди них и хорошие ребята: был ранен, его приютили, а когда поправился, партизанского отряда сразу не нашел. Но лишь только представился случай он хозяйство побоку и воевать. Но встречались и такие: он и рад бы до конца войны отсидеться за женской юбкой, да немцы мобилизуют или на работу в Германию, или в полицию. Пораскинет мозгами такой дядя и делает для себя вывод, что выгоднее все же податься в партизаны.

Начали к нам прибывать и раскаявшиеся полицаи. Мы их и сами звали, подбрасывали им листовки. Писали, что если не оставит полицию, - убьем, как собаку. Такие, впрочем, когда попадали в отряд, долго ходили под особым наблюдением. Не агентов, конечно, к ним приставляли. Просто все товарищи внимательно приглядывались к ним.

К несчастью, и некоторые другие партизаны были подвержены разложению.

Наша беда состояла в том, что необходимость заставляла нас не только брать те трофеи, которые доставались в бою, но специально охотиться за трофеями. Одно дело - подорвать эшелон, сделать засаду на группу немецких автомашин для того, чтобы уничтожить врага, другое - произвести такую же операцию, но в целях получения добычи.

Партизан идет воевать не для того, чтобы обогатиться, и не для того, чтобы одеть себя и накормить. Он - ратник народного дела, мститель народный. Было бы просто замечательно, если бы партизаны снабжались так же, как армия. Но это исключено.

Между прочим, нелегко товарищи привыкали, к тому, что одеваться и обуваться приходилось во все немецкое и мадьярское. Позднее, когда самолеты стали подбрасывать нашу русскую одежду, с какой радостью освобождались партизаны от зеленых мундиров и штанов, с каким ожесточением втаптывали их в грязь или бросали в костры!

В то время, о котором я сейчас рассказывай, самолеты еще не прилетали. Мы жили полностью за счет немцев. Захватив продовольственный обоз, мы считали, что выиграли бой. И это верно - противнику нанесен урон, а мы получили оружие, одежду, муку и другие необходимые нам предметы. Значит, мы стали сильней.

Основная масса бойцов понимала, что это не грабеж, а война. Но попадались и такие, которых больше, чем бой, увлекал процесс изъятия ценностей. А такое увлечение особенно опасно, когда операция проводится в населенном пункте. Отобрать продовольствие, одежду в доме полицая или старосты - значит, взять трофеи. Отнять хотя бы кринку молока у честного крестьянина - это гнусный разбой. Он должен караться беспощадно и публично. И для того, чтобы другим неповадно было, и для того, чтобы население видело, что партизаны - люди честные.

Неприятно об этом вспоминать, но были случаи, когда кое-кто из наших бойцов уводил с крестьянского двора кабанчика или телка. Впервые мы встретились с таким явлением в феврале 1942 года. Но совсем плохо, когда у этих воришек нашлись адвокаты. "Что, мол, особенного, - говорили такие защитники, - ребята голодают. Если не они, так все равно немцы отберут".

В этом "все равно" главная опасность и состояла. Проповедывал такую беспринципную линию один из друзей Бессараба - Ян Полянский. Он командовал взводом. И как-то раз боец его взвода стащил у старухи поросенка. Он не сам его съел, поделился с товарищами. Я потребовал назвать виновного. Товарищи из ложной солидарности решили покрыть

преступление. Вызвал я самого командира.

- Снимайте меня с должности, наказывайте, как хотите, - не окажу!

Сняли его с должности, сделали рядовым бойцом. Но в глазах взвода он "пострадал за правду".

И только недели через две, когда самого Полянского поймали на мародерстве, тогда и бойцы поняли, что вел он их по страшному пути.

Надо было его, конечно, расстрелять. И я уже подготовил приказ судить перед строем.

Но Полянский застрелился сам.

Пришлось нам все-таки через некоторое время двух человек из его бывшего взвода расстрелять перед строем.

Попустительство к преступлениям и беспринципность всегда ведут к перерождению.

Конечно, не расстрелы и угрозы расстрелом, а только хорошо поставленная политико-воспитательная работа могла привить бойцам отвращение и к мародерству, и к мародеру, и к тому, кто покрывает мародеров.

Обком принял решение - усилить воспитательную работу в отряде, особенно среди нового пополнения. Зимой, в глубоких снегах Елинского леса, начал еженедельно выходить печатный боевой листок "Смерть немецким оккупантам!" Не реже одного раза в декаду в каждой роте выпускали стенную газету.

Уверен, что читателю сообщение о выходе стенгазеты покажется просто мелочным. Нашел, мол, чем удивить. Да где они у нас не выходят, стенгазеты? В каждом колхозе, в чайной, в детских яслях и уж, конечно, в каждой роте Советской Армии.

Но пусть читатель представит себе на минуту, что живет он в захваченном фашистами селе, что изо дня в день надругаются над ним молодчики со свастикой на рукавах, а предатель-староста и полицейские следят за каждым его шагом, за каждым словом. Что о советской власти и ее порядках ему приказывают забыть навсегда. Но вот ему удалось бежать. Он идет в лес, к партизанам. Он мерзнет, проваливается в сугробы, прячется за каждое дерево. Наконец люди с красными лентами на шапках приводят его на утоптанную сотнями ног площадку. И на площадке этой он видит раньше всего прибитый к дереву щит с большим, раскрашенным, наполненным рисунками листок бумаги. Стенгазета. Скромный, обычный кусочек советской жизни. И сразу становится ясно - он пришел домой, на советскую землю. Значит, и порядки здесь советские - изволь их придерживаться.

У нас выход первых стенгазет произвел на бойцов огромное

впечатление. Да и позднее, хоть и относились к ним более спокойно, ждали выхода каждого номера с нетерпением, писали активно и очень опасались стать объектом для карикатуры.

А когда немного потеплело, у нас появилась еще и живая газета. Ее делали наши актеры, поэты и журналисты.

Это был эстрадный номер - веселый и зажигательный. Лодырям, трусам и людям, склонным поживиться на чужой счет, просто житья не стало.

*

Одной из главных тем наших пропагандистов и агитаторов была разница между войной империалистической, которую ведут наши враги, и войной освободительной, которую ведем мы.

Помню, в стенгазете второй роты было напечатано письмо, найденное у захваченного разведчиками немецкого офицера.

Кто-то из наших художников сделал над этим письмом жирный зеленый заголовок:

УБЕЙ ЕГО!

Заголовок относился, конечно, к фашисту вообще. Чаще всего гитлеровский солдат да в равной степени и офицер, в которого стрелял или бросал гранату партизан, был в наших глазах обезличен. "Фриц" - вот и все. Мы ненавидели каждого оккупанта. Все преступления фашизма, все ужасы, пережитые нашей Родиной и нашими близкими, и каждым из нас, мы ставили в счет тому немцу, которому посылали пулю.

Но на этот раз нам попался особый экземпляр.

Наши разведчики взяли его на шоссе Гомель - Чернигов. И хотя это был всего лишь лейтенант, да еще с интендантскими погонами, бойцы нюхом определили, что поймали птицу высокого полета.

Отличался лейтенант от обычных немецких лейтенантов и одеждой, и манерами, и еще повышенной трусостью. Мундир, брюки на нем новенькие, сшитые по заказу хорошим портным. Против правил, поверх шинели на нем была надета длиннополая меховая шуба с бобровым воротником. На полверсты несло от него духами. А под мундиром у него мы обнаружили тонкое шелковое белье с французской маркой.

Сам же он был маленького роста, жидковолосый, сорокапятилетний человек. Усики, золотые очки, застывшая улыбка. Он так хотел жить, что соглашался решительно со всем, о чем его спрашивали. То, что Гитлер мерзавец, нам обычно говорили после десяти-пятнадцати минут допроса почти все пленные немцы. А этот фрукт не заставил себя просить. Сразу объявил, что русские - молодцы. Гитлер, Геринг, Риббентроп и вся их банда давно обречены, разгром Германии неизбежен.

"Поверьте мне, я знаю хорошо, я сам чувствую на себе дух растления". Он охотно отвечал на все вопросы, но так старался нам угодить, что верить ему было невозможно.

Когда же переводчик вытащил из его огромного бумажника уже запечатанное толстое письмо, адресованное в Берлин, лейтенант съежился, будто ожидая удара. Между тем, письмо его военных секретов не содержало. Лейтенант писал тестю.

Надо, между прочим, заметить, что лейтенант был взят не в бою. Он ехал в легковом автомобиле, сопровождали его какой-то штатский немец и денщик. Машина соскользнула с дороги в сугроб, забуксовала в снегу. Спутники лейтенанта и шофер вылезли, чтобы вытолкнуть машину. Тут-то их и настигли партизанские пули. Живым остался один лишь лейтенант.

По дороге к лагерю он сообщил разведчикам на довольно разборчивом русском языке, что в армии не служит. И в штабе на допросе повторил:

- Я коммерсант, представитель деловых кругов. Вам понятно? Я мирный человек. Военной должности у меня нет. Форма только для удобства передвижения по прифронтовым районам. Я представитель большой торговой фирмы. Налаживание коммерческих связей в оккупированных странах, если хотите - коммерческая разведка, - вот в чем состоит моя задача.

Напоминаю: письмо было к тестю - владельцу некой торговой фирмы. Наш пленный, видимо, тоже состоял в ней пайщиком. Он отчитывался перед шефом и главой семьи, он сообщал оккупационные новости, он делился впечатлениями, мыслями, коммерческими проектами. Но главное - был откровенен без оглядки на военную цензуру.

"После трех месяцев пребывания на Украине, - писал лейтенант, - я, наконец, понял, что в этой стране многолетний человеческий и мой профессиональный опыт не имеет никакого значения. Это признают все думающие люди. Офицеры тоже. Я говорю об офицерах наци, современных людях, понимающих, что война и личная выгода неотделимы.

Отсутствие комфорта - первое, что меня поразило. В больших городах, в частности в столице Украины - Киеве, я останавливался в первоклассных отелях. Там я нашел приличные, хорошо меблированные номера. В них есть ковры, люстры, дорогая посуда. Но комфорт делают люди. В этой стране богатый человек может придти в отчаяние. Здесь нет людей, делающих комфорт, здесь нет вышколенной прислуги. Во Франции и у нас, в Берлине, лучшие лакеи - русские белоэмигранты. Те из них, которых наша армия взяла с собой, используются не по назначению.

Здесь все абсурдно. Чтобы разобраться в происходящем, надо ходить на руках. Во Франции, в Бельгии, в Польше через два дня после того, как проходила армия, можно было найти деловых людей. Умных, рассторопных коммерсантов, понимающих, что время не терпит и капитал не должен лежать без движения. Француз, бельгиец, норвежец, поляк может быть в душе патриотом и ненавидеть меня как немца. Но если он торговец или фабрикант, или банкир, или даже просто чиновник, - с ним всегда можно найти общий язык.

Я нужен ему так же, как и он мне. Я предлагаю партию крестьянской галантереи. Я забочусь о продвижении по железной дороге. Я спрашиваю, что вы можете предложить нашей фирме. Он предлагает шерсть или масло, или, наконец, как это было с нашим коллегой в Афинах, участие в организации публичных домов для солдат.

В России мне ничего не предлагают. Я не нахожу коммерсантов, я не нахожу фабрикантов и даже чиновников, имеющих коммерческие связи. Я не могу продать нашу крестьянскую галантерею. Нет контрагентов. Это неслыханно! Я не нашел ни одного русского оптовика, ни одного человека с капиталом. За три месяца я не встретился ни с одним порядочным русским таким, которому фирма могла бы открыть кредит. Русская или, как ее здесь считают нужным называть, украинская администрация, то есть люди, которых наши военные привлекли к участию в управлении, - о, это поголовно свиньи!

Это уголовники, это бандиты, вернувшиеся из ссылки, освобожденные из тюрем. Все или почти все они говорят, что были в прошлом богатыми людьми. Некоторые называют себя дворянами. Только самые старые из них умеют откусить кончик сигары. Остальные сразу суют ее в рот, и я всегда потешаюсь, когда они не могут прикурить. Ни один из них не в состоянии принять порядочного человека у себя в доме. У них нет домов. Это голодная братия, это алкоголики на восемьдесят процентов. От них дурно пахнет, они носят бумажное белье и нитяные носки".

Лейтенант-коммерсант писал своему тестю еще довольно много о разного рода предателях от сельского старосты до претендента на губернаторский пост. Он высмеивал их зло, со знанием предмета. Вряд ли понимая, что делает, он давал социальные, к л а с с о в ы е оценки той обстановки, с которой встретился в оккупированных районах нашей страны. Его наблюдения давали и тестю - немецкому буржую - и руководителям его партии обильный материал для весьма печальных выводов. А мы неожиданно получили косвенное

подтверждение удивительной силы сопротивления нашего строя. Силы, вытекающей из колоссальных экономических и социальных преобразований, происшедших за двадцать четыре года строительства социализма.

Лейтенант писал о потугах гебитскомиссаров наладить сельскохозяйственное производство, подготовиться к весеннему севу, организовать систематический поток продуктов в фатерланд. Он, этот лейтенант-коммерсант, встречался с десятками ландвиршафтсфюреров, крайсландвиртов и так далее. Он встречался с "помещиками" и кулаками, возвращенными немцами на землю. Выводы он делал печальные:

"Мы завели картотеки в гебитскомендатуре. Это, может быть, очень хорошо. Будет порядок. Все берется на учет: дома, коровы, полуразрушенные тракторы, мальчики и девочки, гуси и куры. Но ведь ничего нет здесь постоянного. Дома горят, старухи и дети умирают с голоду или под нашими бомбами. Вы спросите: почему в сотнях километров от фронта взрываются наши бомбы? Поверьте, что это необходимо. Эти села служат прекрасными прицельными объектами для нашей авиационной молодежи. А чем больше будет уничтожено этих рассадников сопротивления, тем лучше. Гусей, кур, поросят с каждым днем тоже становится меньше. Их едят наши офицеры и солдаты, и чиновники; я тоже ем их каждый день. Коров армия забирает на мясо. Население их режет, чтобы нам не досталось, и отдает партизанам. Вот видите - учет летит к дьяволу.

При всем уважении к порядку, у меня достаточно широкий взгляд, чтобы не очень огорчаться плохим учетом. С этим недостатком можно вести борьбу административными средствами. И через год наладилось бы воспроизводство. Но ничего не выйдет, абсолютно. Вы уже знаете, почему Розенберг отказался ввести капиталистические порядки в украинской и белорусской деревнях. Мы же сперва обещали раздать землю. Мы во всех листовках писали, что дадим землю каждому крестьянину. Этого нельзя делать. Нет крупных частных держателей хлеба, скота, птицы. Нет помещика, нет богатого фермера, по-здешнему кулака. Вообразите, какой чудовищный, громоздкий, неповоротливый заготовительный аппарат должна содержать империя, чтобы взять хлеб у миллионов мельчайших хозяев! И вот - оставлены колхозы. Изменено только название. В селе по-прежнему коллективный труд, следовательно, повседневное общение масс, партизанская агитация".

"О, эти партизаны! - писал он в другом месте. - Вы спрашиваете: неужели их до сих пор не усмирила наша доблестная армия? Я отвечаю: их становится все больше! И не

потому, что мы грабим. Мы грабим везде. Мы не можем не грабить. Зачем же пошел воевать солдат? Нет, вся беда в том, что мы ни с кем из авторитетных лиц в народе не можем сговориться. Все та же песня. В других странах мы находим общий язык с собственниками, часть своих дивидентов они отдают нам. Неправда ли - просто?

Во Франции и Бельгии, в Нидерландах и Скандинавии во главе правительства и бургомистратов мы держим политиков, известных обывателю. Депутаты и бывшие министры уговаривают свой народ подчиняться нам. Но вообразите, что во Франции у власти были бы коммунисты, эти политики без собственности, разве можно было бы тогда привлечь их к управлению оккупированной территорией? Разве они пошли бы на сговор с нами?

Наши оккупационные власти не нашли ни одного популярного русского, ни одного широко известного политика, который пошел бы с нами. Депутаты и руководители партии - в подполье, в армии или во главе партизанских отрядов. Мы зовем их, мы обещаем им землю и поместья, мы обещаем им власть и богатство. Но эти люди воспитаны в презрении к собственности: их можно только уничтожать!

Я смотрю в будущее и невольно обращаюсь в прошлое. Англичанам в Индии, голландцам в Индонезии, американцам на Филиппинах - никому не приходилось встречаться с такими проблемами, какие выпадут на долю моих соотечественников после войны. Торговать с русскими, колонизировать русских? Это утопия. Есть только один путь: истреблять. Пусть несколько десятков русских останутся в заповедниках. Пусть все произойдет, как в Америке с индейцами. Это лучшее решение вопроса".

Письмо было длинным. В стенгазете поместили только выдержки из него. Семейные нежности, приветы, лирические отклонения редакция, разумеется, вычеркнула. В конце лейтенант со злорадством писал:

"Наш Отто и муж Марты погибли в страшных мучениях в снегах Подмосковья. Я сейчас под другим древним городом русских - Черниговом. Сразу же после рождества войска генерала Фишера начали операцию по безжалостному истреблению здешних партизан. Вот уже две недели, как их главные силы вместе с большевиками-руководителями окружены в лесах. За это время не было ни дня, когда мороз был бы меньше тридцати градусов. Генерал сказал мне, что костры только затягивают агонию. Он уверял меня, что у черниговских партизан не осталось и тысячи человек без отмороженных рук или ног. "Я очень рад, -

сказал генерал, - что они не сдаются. Мне пришлось бы тратить на них боеприпасы, а потом зарывать их тела. Земля слишком тверда, много работы нашим солдатам. В лесу они сами хоронят своих замерзших".

"О, я много бы дал, - такими были последние строки письма лейтенанта, - чтобы посмотреть, что делают в снегах эти обреченные!!!"

И он действительно пытался "много дать". Этот представитель деловых кругов предлагал выкуп за освобождение. Он уверял, что тесть его в близких, чуть ли не в родственных отношениях с круппами.

Через полчаса после расстрела лейтенанта-коммерсанта вернулась из дальней разведочной операции группа наших бойцов. Разведку они вели по заданию Юго-Западного фронта. Теперь почти ежедневно мы передавали по радио данные о продвижении войск противника, о строительстве немецких аэродромов и многое другое.

Во главе вернувшейся группы был Семен Ефимович Газинский. Он рассказал, что на обратном пути, скрываясь от преследования, они забрались в гущу леса, но разжечь костер не могли, боялись привлечь внимание.

- На мне ботинки, - рассказал Газинский, - а мороз страшный. Просидели ночь под сосенкой. Я вскочил, стал прыгать на одном месте. Попросил ребят. "Считайте до тысячи, я, может быть, отогреюсь".

А потом опять лег. Стал засыпать. И помню, повторялся один и тот же сон. Будто я в хорошей квартире с обоями, посредине ореховый стол и жена ставит на него для меня стакан крепкого чаю. Слышу вдруг кричит меньшой сын, что я замерзаю. А это мой товарищ Нургели Есентимиров кричит: "Товарищ политрук, снимите ботинки!" Я ничего не понял. Тогда он сам снял с меня ботинки, расстегнул свою шинель, поднял рубашку и на свой голый живот положил мои ноги. Так он спас меня.

Казах Есентимиров стоял тут же и посмеивался. Это был бесстрашный воин, глубоко ненавидевший фашистов. Мы передали ему содержание письма лейтенанта, и спросили, что он об этом думает. Постояв минуту молча, он ответил:

- Наш народ помнит хромого Тимура, и Чингизхана тоже помнит наш народ. Много крови помнит наш народ и мало счастья. Аксакалы говорят: "Быстро шагаешь - штаны сломаешь". Ты спрашиваешь, начальник, что думает Нургели о фашисте? Нет души у него, а есть руки, как у бая, - давай, давай! Хочет отнять у нас фашист советский закон, хочет стать баем надо мной, так пускай жрет землю! Зачем мне бай? Правильно, начальник?

Мы с ним согласились. Потому что это было действительно правильно.

*

Вскоре нам сообщили из Москвы, что пришлют самолет с людьми, вооружением и рацией. Надо было строить аэродром. Условные обозначения, систему сигналов - все это нам сообщили, но не могли, конечно, преподать нам по радио, шифром, науку строительства аэродромов.

Нужна гладкая площадка - это всем ясно. Ясно также, что следует подготовить ее скрытно от врага, значит, подальше от населенных пунктов. Но кроме этих ясных сторон, были и темные. Какой величины должна быть площадка? Не мешают ли подходам деревья? Как выложить посадочный знак? Можно ли принимать на рыхлый снег? Да мало ли специальных условий, о которых мы и не могли догадаться.

Тогда вспомнили, что на попечении фельдшера Емельянова, в госпитале, есть у нас специалист. Самый заправский пилот, да еще командир корабля. Беда только в том, что он уже пять месяцев не может ходить.

История командира тяжелого бомбардировщика Володина и трех членов экипажа была удивительной. Их называли у нас людьми, упавшими с неба.

Еще до моего прихода в областной отряд, недели через две после занятия этих мест немцами, а точнее - 3 октября 1941 года, в 16 часов, партизаны Перелюбского отряда заметили, что в сторону Гомеля пролетели три больших самолета со звездами на крыльях. Дежурный, волнуясь, доложил командиру:

- Товарищ Балабай, наши летят!

Давно уже не видели партизаны советских самолетов. Они провожали их восторженными взглядами, кричали, махали шапками, хотя, конечно, понимали, что летчики их не видят.

Балабай собирался в ближнее село, там был намечен митинг. Сейчас он расскажет колхозникам последнюю новость: немцы брешут, что уничтожили советскую авиацию. Только что пролетели наши бомбардировщики!

Командир отряда уже сел на коня, когда в воздухе опять появились наши самолеты. Теперь они шли назад. Но их было только два. А минут через пять над лагерем, не выше двухсот метров, пролетел и третий наш бомбардировщик. Правое крыло его тянуло вниз. Партизаны заметили, что один из моторов не работает.

До линии фронта было никак не меньше полутораста километров.

- Дотянет или не дотянет? - задавали себе вопрос партизаны.

Самолет скрылся из виду. Партизаны разошлись по своим делам. Балабай со своим комиссаром поехали на митинг.

Но их догнали. Встревоженные вестники сообщили: километрах в пятнадцати, в стороне села Погорельцы, самолет упал.

Конечно, митинг был отменен. Балабай, а с ним человек десять верхами поскакали к Погорельцам. На окраине села, невдалеке от церкви, уткнулся в землю большой двухмоторный самолет. Оба крыла, ударившись о деревья, вырвались из тела фюзеляжа.

Фюзеляж лопнул по всей длине, и, как внутренности из вспоротого брюха, на траву вывалились белые свертки. От них то и дело отрывались и улетали квадратные листки бумаги.

Мальчишки их загребали охапками. Это были, конечно, советские листовки. Кто-то из ребят пытался открыть дверцу, но в этом не было нужды - можно было проникнуть в кабину и через щель.

Партизаны немедленно организовали охрану. Фельдшер Емельянов полез внутрь. Но летчиков там уже не было. Оказывается, крестьяне отвезли их в сельскую больницу. Оттуда вернулся связной и рассказал:

- Крови, крови! У двух головы побиты, а у старшего ноги, как плети. Один только ходит. Но вроде чумной, кричит, головой крутит, глаза мертвые, як те пуговицы... Четвертый только зубами скрежещет... Ох, страшно! Доктора немае, а сестры забегались, и все, як одна, трусятся...

В селе у больницы стояла толпа. Балабай спросил:

- Немцы далеко?

- Подъехала машина, да только им сказали, что тут партизаны, - они мигом развернулись и обратно.

Старичок-фельдшер доложил Балабаю, что положение командира корабля очень тяжелое:

- Перелом обеих ног, глубокие ссадины на голове. Уже сорок минут не приходит в сознание. Его товарищ тоже без сознания: поврежден позвоночник.

Какой-то молодой парень в крестьянской одежде, увидев Балабая, вытянулся перед ним. Балабай был в форме офицера Красной Армии, только без знаков различия.

- Позвольте обратиться, товарищ командир! - Получив разрешение, он умоляющим голосом произнес: - Увезите нас, товарищ командир, в лес. Не бросайте. Глядите - ребята пропадают.

- Кого это вас? Вы-то кто тут?

Парень опять вытянулся, приложил руку к шапке и

отрапортовал:

- Стрелок-радист Максимов.

- Почему же вы, товарищ радист, не в форме?

Парень оглядел себя, захлопал глазами, секунд пять молчал, потом схватил Балабая за руку и с дрожью в голосе, торопливо заговорил:

- Вы не верите мне, да? Пойдемте. Я вам покажу избу. Идемте, идемте, ну, пожалуйста, товарищ командир! Там у меня документы, все там - и одежда, и часы с надписью. Я - Максимов. Стрелок-радист!

- Успокойтесь, товарищ Максимов, и расскажите по порядку.

Но Максимов и сам не очень хорошо понимал, что с ним произошло, как попал в село и как переоделся. Сбиваясь, путаясь, он все-таки рассказал.

Как только самолет грохнулся на землю и Максимов сообразил, что жив и может двигаться, он выбрался в трещину фюзеляжа и сломя голову побежал к ближайшей хате. Он ворвался в нее и, не отвечая на вопросы хозяев, стал раздеваться. Скинул с себя все. Остался в одном белье.

- Дайте! - крикнул он хозяевам.

Он высыпал на стол часы, бумажник с деньгами и документами и опять потребовал:

- Дайте же, дайте скорее что-нибудь! Да спасите же советского летчика, чего вы стоите?

Ему дали старые порты, шапку, разбитые сапоги, ватную телогрейку. Наскоро одевшись, он побежал обратно к самолету. Он действовал не вполне осознанно, под влиянием нервного шока.

Понемногу Максимов пришел в себя и смог уже членораздельно объяснить историю катастрофы.

- Сегодня, в 14.00, звено бомбардировщиков вылетело с аэродрома из-под Иванова. Нам был дан боевой приказ произвести бомбометание по уничтожению вражеских эшелонов на дороге Гомель - Брянск. Отбомбившись и повернув обратно, мы заметили, что правый мотор объят пламенем. Резким виражом командиру корабля удалось сбить пламя. Но мотор вышел из строя. Самолет начал терять высоту. Стало ясно, что до фронта не дотянем. Командир, товарищ Володин, предложил: "Лучше давайте разобьемся, но не попадем в лапы к немцам". Мы дали согласие, Володин повел машину в лес. Но оказалось, что это сад с редкими деревьями, и мы не разбились...

В беседу вступил штурман Рагозин. Он отделался ушибами. Но ходить еще не мог.

- Товарищ командир, - спросил тихим голосом Рагозин, - а сколько людей нас охраняют? Всего три человека. Надо усилить. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы усилили охрану.

Максимов его перебил:

- Товарищ командир, поставьте на крышу больницы пулемет, снимите с корабля. Там у нас крупнокалиберный... Поймите, ведь мы же летчики, немцы нас растерзают. И там рация на машине, возьмите рацию и сообщите...

Могло показаться, что и стрелок и штурман ужасные трусы. Но, как выяснилось, они уже двенадцатый раз вылетали на бомбежку в глубокий тыл. Их состояние объяснялось, увы, скверной информацией. Там, в советском тылу, совершенно неверно представляли себе положение на занятой немцами территории. Воображали, что здесь все кишит немцами, что нужно ежесекундно озираться, ложиться на землю, ползти. А сейчас летчики были уверены, что, не пройдет и пяти минут, в больницу обязательно ворвутся немцы.

Через час прибыл фельдшер отряда Емельянов с двумя подводами. Балабай приказал отправить всех четырех летчиков в расположение отряда. Он приказал также снять все вооружение с самолета; рация, к сожалению, оказалась разбитой вдребезги.

Командир корабля Володин очнулся только у костра в лесу. Поняв, что находится среди советских людей, он был несказанно обрадован. Ему захотелось непременно чем-нибудь отблагодарить партизан. К нему в изголовье положили его чемодан. Превозмогая

ужасную боль, Володин открыл его, Достал папиросы, шоколад и свежие московские газеты. Раздал окружающим и опять на некоторое время потерял сознание.

Двое из четырех членов экипажа через три недели выздоровели. Их переправили через линию фронта. Второй пилот Рябов уже ходил, только Володин все еще не мог подняться. Ему выделили специальные сани и лошадь. Ноги его были в гипсе уже пятый месяц.

Так, лежа, Володин выехал в феврале 1942 года на лесную поляну и руководил из своих саней всеми работами по устройству аэродрома.

А еще через два месяца Володин уже ходил, опираясь на палку. Он очень подружился с Емельяновым, называл своим спасителем. И в самом деле, наш молодой фельдшер много ночей просидел у походной койки летчика. Он спас ему жизнь, он поднял его. Но, к сожалению, не сумел правильно наложить гипс. Володин ходил несколько месяцев пятками вперед.

В ноябре 1942 года самолет отвез его в Москву. Там в госпитале искусные хирурги выправили кости ног.

В 1943 году Володин вернулся на фронт. До конца войны он совершил еще сотни боевых вылетов.

*

Аэродром мы построили. Вырубили десятка два деревьев, выровняли сугробы. Назначили дежурных, снабдили их флажками. Потом решили, что вряд ли самолеты появятся днем, и сделали для дежурных фонарики. Володин их забраковал и посоветовал заготовить побольше факелов.

- Это очень просто. Намотайте тряпки на палки, обмакните в мазут или керосин...

Распорядившись так, он и сам рассмеялся. Палок сколько угодно. Тряпку тоже нетрудно найти, но керосин или мазут... Все же факелы мы сделали. Несколько дней соскребывали с елей засохшую смолу, растопили ее, обмакнули палки с тряпками. Впрочем, если бы Володин сказал, что нужно достать бриллиант в двадцать пять карат или расстелить ковры по всему аэродрому, а без этого, мол, самолеты не сядут, думаю, что мы вышли бы из положения.

На определенном расстоянии друг от друга, согласно заданной нам по радио фигуре, мы расположили кучи хвороста. Разумеется, это был самый лучший, образцово-показательный хворост, и под ним лежала самая лучшая солома, готовая вспыхнуть от искры. Но кроме того, у каждой кучи хвороста стояла кружка со спиртом, и дежурным было строго приказано, чтобы они даже глотка не смели выпить. Этим спиртом они

должны были облить хворост, как только зашумят моторы самолетов, и сейчас же зажигать...

Ждали долго. Несколько ночей кряду обком и штаб в полном составе выезжали на аэродром (от нашего лагеря он располагался в пяти километрах). Снег заваливал заготовленный хворост. Потом ветер разносил кучи, потом спирт оказывался пролитым или высохшим, а самолеты все не появлялись. Шумом моторов казались нам самые разнообразные звуки. Это, впрочем, преувеличение. Не такое уж большое разнообразие звуков в зимнем лесу да еще ночью. Но при напряженном ожидании и распаленном воображении за шум приближающегося самолета может сойти ветер, качающий верхушки деревьев, разговор дежурных, тикание карманных часов и даже стук собственного сердца.

Уж на что Володин должен был хорошо разбираться в этом родном для него шуме, но и он путал. Как-то раз дал команду. И спирт был вылит, и костры запылали... Только один костер не запылал, нужной фигуры не получилось. Тут-то и выяснилось, что дежурный возле этой кучи хвороста заснул. Его храп Володин и принял за рокот авиационного мотора.

По радио нам сообщали: "Прилетят завтра, ждите". - "А почему, спрашивали мы, - не прилетели вчера?" В ответ нам снова сообщали: "Ждите, прилетят завтра". И мы понимали, что причин бывает много, не все нам надлежит знать.

В ночь на 12 февраля мы услышали ровный и очень солидный гул. И услышали его не только на самом аэродроме. В партизанском лагере подняли веселую тревогу. Раненые, даже самые тяжелые, выбрались из госпиталя, чтобы посмотреть, и все спящие, конечно, проснулись.

Мы послали самолетам навстречу несколько ракет: две зеленые, одну красную и три белые. Это означало: "Аэродром в порядке, посадка возможна". Это означало, кроме того, что если самолеты не сядут, завтра нам придется с боем доставать у немцев новые ракеты и обязательно разных цветов. Условные обозначения ведь каждый раз меняются.

Самолеты не сели. Не знаю, по какой причине. Снизились, сделали над лесом два круга, развернулись и ушли. Самолетов было три. Вернее, мы видели в небе девять ярких, быстро мигающих звездочек. Уже стал стихать шум уходящих машин, и мы уже успели разочарованно ругнуться, когда кто-то крикнул:

- Парашюты!

Ночь была морозной, безветренной. Прямо в костер довольно быстро падал какой-то человек в новых белых валенках, ватном костюме и большой меховой шапке. Он что-то кричал и махал

рукой.

Потом мы увидели еще одного человека. Он подтягивался на стропах, делал отчаянные усилия, чтобы не застрять на вершине ели. Ему кричали:

- Держи правее!

Все-таки он зацепился за ветку и повис метрах в трех от земли. И этот тоже был в ватном костюме и белых валенках. Когда к нему подбежали, он сдавленным голосом спросил:

- Вы партизаны?

- Свои, друг, свои! - ответили ему.

Слышно было, как он облегченно вздохнул. Потом совсем другим тоном гаркнул:

- Ну, так снимайте ж меня, черти! Пустите к костру погреться. Самолеты не отапливаются.

Следом за людьми с неба стали спускаться ящики, свертки, мешки. Они падали с хорошей прицельностью, в радиусе двух километров. Мы подобрали этой ночью двенадцать посылок.

Оба парашютиста оказались радистами, хорошими молодыми ребятами. Впрочем, какое там хорошими! Они были ангелами в ватниках, они были чудом, и каждый норовил их похлопать по плечу или хотя бы потрогать, убедиться, что они действительно люди. Впрочем, Капралов тут же распорядился сложить парашюты, пересчитал их и, кажется, даже пронумеровал. Он огорченно качал головой, когда обнаруживал в шелке дыры. А к ящикам и мешкам запретил прикасаться без него кому бы то ни было.

Только после того, как все посылки были снесены в одно место, Капранов позволил их открывать.

Наш старый поэт Степан Шуплик той же ночью уединился на час и вернулся в самый разгар торжества со стихами. Сам он их читать не стал, а для пущего шику передал актеру Черниговской драмы Василию Хмурому. Тот забрался на самый большой ящик и, дождавшись тишины, прочитал:

Ми почули самольот
Над сосновым гаем,
Як зробив він поворот,
Зраділи безкраю.
У землянці навіть хворі
Позабули свои болі,
Бо велика ім охота
Глянути на самольота.
Це ж бо наш, радянський,
Изнайшов дорогу,
В табір партизанський

Привіз допомогу.
На здмлі горят огні,
А вгорі - ракети,
Самольоту ми дали
Умовні примети.
Долетів до нас близенько,
Та почав кружляти,
А спустившися низенько,
Сброю став спускати.
Протитанкові рушниці,
Всі боеприпаси,
Та ще и добрый нам гостинець
Тютюн та ковбаси.
Медикаментів нимало
Хворих лікувати.
Веселіше теперь стало
З німцем воювати.
Два товарищі спустились.
З фронту іх послали,
Вони в таборі лишились,
Все нам рассказали.

Мы получили много хороших подарков. Две новейшие рации с питанием для них, восемь ручных и три станковых пулемета. Несколько противотанковых ружей и десяток автоматов. Признаться, партизаны немного поворчали, узнав, что в общей массе посылок преобладали продовольственные и вещевые. Хотя это было трогательно. Мы ведь понимали, что наш народ там, в советском тылу, не очень-то хорошо питается. А нам прислали такие деликатесы, как настоящую копченую московскую колбасу и зернистую икру, и фруктовые консервы, и высшие сорта папирос. Лучше бы, конечно, побольше махорки. Тем более, что укладывалась она компактнее. Красивые коробки были нам просто ни к чему. Впрочем, нет. Потом нам и коробки пригодились. И, как это ни странно, в агитационных целях. Помню, как-то на марше мы заехали в село, и, когда собрались вокруг меня старики, я раскрыл перед ними новую коробку "Казбека". Впечатление было очень велико. Я пустил коробку по рукам, и все увидели на ней кружочек с маркой "Ява, Москва".

- Вот как, значит, вы с Москвой и вправду связь имеете?

Вещественное доказательство действует на крестьян убедительнее тысячи слов.

Самыми дорогими подарками, полученными нами тогда, были пять ящиков с толом и три пачки свежих московских газет.

Они были сегодняшними. Нет, ошибаюсь, они были за 11

февраля, а распечатали мы пачку в 5 часов утра 12 февраля. Но никто в лагере эту ночь не опал, и день для нас продолжался. Это было поистине колдовством. В лесу, за тридевять земель от Москвы, свежий номер "Правды"! В Чернигове в мирное время редко мы получали в такие сроки центральные газеты. А ведь "Правда" и "Известия" печатались с матриц в Киеве. Более полугода я не читал газет, вцепился в них, как краб. Ничего не мог делать, пока не прочитал все, до объявлений включительно.

Читали все. Партизанский лагерь превратился в огромную лесную читальню. Но был отдан строжайший приказ: ни одной газеты на закурку. Триста пятьдесят экземпляров центральных газет из четырехсот, полученных нами, на следующий же день мы отправили в районы. Четырнадцать связных ушли со специальным выпуском листовок, посвященных установлению авиационной связи с фронтом, и с сильнейшим взрывчатым материалом - нашими большевистскими газетами.

А другой взрывчатый материал - тол - дал нам возможность начать подготовку серьезных диверсионных актов на железных дорогах. Мы создали специальное подразделение - взвод диверсантов. Вскоре на дорогу Гомель Брянск вышла первая группа наших подрывников.

*

Немцы продолжали подтягивать силы. Из Ново-Зыбкова, из Гомеля, Бахмача, из Чернигова в спешном порядке подбрасывали войска на поездах и машинах. Наши разведчики сообщили, что в Щорске, Новгород-Северске, Корюковке вновь прибывшие части долго не задерживают, дают сутки передохнуть и тотчас отправляют в села неподалеку от места нашей дислокации.

Нетрудно было догадаться, что готовится решительное наступление.

По предложению Рванова было решено применить такую тактику: бить противника по частям, совершать налеты преимущественно на вновь прибывшие, еще не освоившиеся с обстановкой части.

В ночь на 8 марта мы разгромили гарнизон полиции в Гуте Студенецкой большом селе, отстоящем от нашего леса на шесть километров. В этом бою был пойман и казнен начальник полиции Корюковского района Мороз. В его документах нашли распоряжение какого-то немецкого майора. В распоряжении указывалось, что полицейские части должны действовать под руководством командира мадьярского батальона старшего лейтенанта Кемери, штаб которого будет располагаться в местечке Ивановке. Послали туда наших разведчиков. Они подтвердили: в Ивановке не менее двухсот мадьяр и столько же

полицейских.

И 9 и 10 марта над нашим лагерем то и дело появлялась "рама" разведочный самолет немцев. Жечь костры и топить печи я запретил.

11 марта к 4 часам утра три наши роты под общим командованием Попудренко выгрузились из саней за семь километров от Ивановки. Дальше двигались пешим порядком по глубокому снегу; лыж не хватало. Большинству бойцов пришось идти по грудь в снегу. Но все трудности окупились большой удачей. Мадьяр застали врасплох. Настоящее сопротивление они смогли оказать только минут через сорок.

Бой был очень напряженным. Противник имел, по крайней мере, шесть станковых пулеметов, две малокалиберные пушки, несколько минометов; автоматами они были снабжены, конечно, гораздо лучше нас. А к концу боя им удалось вызвать и самолеты и подкрепление из Щорска.

Впрочем, этому подкреплению тоже сильно досталось. И мадьяры и полицаи бежали. Ивановкой мы овладели полностью и взяли большие трофеи: четыре станковых пулемета, восемь ручных, двадцать тысяч патронов, много продовольствия и, что было весьма кстати, свыше полуторста шерстяных одеял.

На улицах и в хатах насчитали сто пятьдесят три убитых солдата и полицейских.

Мы потеряли одиннадцать человек. В этом бою погиб командир первой роты Громенко.

Он был убит, когда поднимал бойцов в атаку. Пуля пробила ему лоб. Он упал навзничь в снег.

Политрук роты товарищ Лысенко принял на себя командование и повел бойцов вперед. Свою задачу рота выполнила блестяще.

Ночью, после боя, в нашем Елинском лесу мы хоронили товарищей.

Гроб с телом Сидора Романовича Громенко - командира первой роты - был обернут парашютным шелком. Лес освещался смоляными факелами. В почетном карауле стояли поочередно все члены обкома и все командиры.

После речей, посвященных подвигам погибших товарищей, когда тела их опускали в братскую могилу, партизаны салютовали в их честь выстрелами из четырехсот винтовок.

А потом бойцы разошлись, и в партизанском лесу стало непривычно тихо. Люди легли в землянках на свои нары. Они очень устали после многочасового боя, после большого перехода. Но долго не могли уснуть. Лежали, думали, шепотом делились мыслями, рассказывали друг другу все, что помнили о погибших.

В землянках роты, которой командовал Громенко, настроение торжественной печали было особенно заметно. Женщинам было легче. Они плакали. На лицах многих бойцов как молодых, так и старых можно было прочесть недоумение и даже некоторую растерянность.

Когда гибнет любимый, справедливый и храбрый командир, трудно заставить себя до конца поверить в его смерть. Его ум, храбрость кажутся гарантией неуязвимости. Кажется, что он должен быть награжден за свои достоинства если не бессмертием, то, по крайней мере, долголетием.

Попудренко, Яременко, Дружинин, Рванов и я зашли в землянку, где жил Громенко. Формальным поводом для этого была необходимость собрать и просмотреть его документы. Но, правду сказать, хотелось еще раз взглянуть на маленький уголок, который принадлежал лично ему, и представить его себе живым в кругу своих бойцов.

В землянке на сорок человек, отделенный от общих нар проходом шириной в один шаг, стоял грубо сколоченный топчан. Угол был срезан неровно. Круглый бок серого валуна торчал из земли над изголовьем постели.

Рядом с валуном вылезал из земли зачищенный, обрезанный с концов, но все еще живой корень сосны. Он раздваивался, загибался кверху и был похож на олений рог. Попудренко вспомнил, что Громенко говорил, будто корень этот растет. За два месяца, которые мы здесь, вытянулся на пять сантиметров.

На кроне висели планшет и летняя серая кепка. Кепку Громенко носил в Чернигове, когда работал заведующим контрольно-семенной станцией.

Вместо подушки на топчане лежало несколько книг. Они были покрыты чистой, но не глаженой гимнастеркой. Кусок черного сукна заменял одеяло. На нем мы увидели забытую впопыхах перед боем пластмассовую мыльницу табачницу. В ней, кроме двух щепоток махорки, лежали кусок напильника, обожженный, туго свернутый кусок тряпки и осколок кварца: известное приспособление для высекания огня.

Вот и все имущество агронома Громенко, ставшего в войну партизанским командиром.

В планшете мы нашли общую тетрадь, наполовину заполненную короткими карандашными записями, фотографию жены и сложенную вчетверо газету "Правда" за 4 июля 1941 года с речью товарища Сталина.

Вернувшись в штабную землянку, мы просмотрели книги и тетрадь Громенко. Книг было что-то около десяти. Случайный подбор. Все - взятые в бою, найденные в разрушенных хатах.

Второй том "Войны и мира" Л. Толстого, учебник по пчеловодству, "Разгром" Фадеева, какой-то справочник... Громенко любил читать. В селах, во время операций, и сам искал и бойцов просил, если найдут, обязательно приносить ему книги.

В тетради - тезисы бесед, которые он проводил с бойцами, схемы уже проведенных операций, и короткие, видимо, сделанные наспех, личные заметки. Они мне напомнили первые дни борьбы, мои разговоры с Громенко, его колебания и переживания. Они мне напомнили, что при первой встрече я не увидел в облике Громенко ничего партизанокого и решил, что командира из него не выйдет.

Надо признаться - я ошибся.

В Громенко и действительно не было ничего партизанского в том значении, которое мы придавали этому слову в первые дни. Мы знали партизан по литературе. Только самые старшие - по личным воспоминаниям. Но каждая эпоха дает свой тип бойца.

Громенко был одним из средних командиров. Очень храбрым, решительным и толковым. Но не в этом дело, не это отличало его от партизанских командиров прошлого.

Он не был ни партизаном, ни командиром по призванию. Он был агрономом, строителем жизни. И, конечно, не война, а именно мирный творческий труд в полной мере раскрывал способности этого человека.

На место Громенко пришел педагог, бывший заведующий областным отделом народного образования. Командиром второй роты был директор школы, историк. Третьей ротой командовал председатель колхоза, четвертой - секретарь райкома. Они научились командовать, научились бить немцев, научились терпеть лишения. Всех их, так же как и Громенко, воевать заставила необходимость. Они стали хорошими партизанскими командирами потому, что необходимость была ими осознана. Но все они, конечно, предпочли бы мирный, созидательный труд.

Вот несколько записей из тетради Громенко. Я отобрал те, которые, как мне кажется, могут дать представление о его характере.

"Д е к а б р ь 14. Допрашивали немца. Говорит "камрад". Утверждает, что рабочий, да еще металлист. Показывает руки. Верно, черные мозоли. А в сердце нет к нему ни капли жалости. Он кричит: "Тельман, коммунистише, Карл Маркс". Задаю вопрос через переводчика: "Почему же ты предал Тельмана?" Он отвечает, что иначе не мог, что заставили. Спрашиваю: "Что будешь делать, если отпустим?" Отвечает, что будет готовить революцию. А у самого под носом усики на манер гитлеровских.

Д е к а б р ь 19. Вызывали в обком. Пропесочили так, что

стало жарко, хотя мороз больше двадцати градусов. Первым взялся за меня Николай Никитич. Даже раскричался. Крика его ничуть не боюсь. Человек он - душа. Бояться его, по-моему, может только враг. Покричит, а потом обязательно улыбнется. Легко отходит. Его любят. И я люблю. Взял меня в оборот за то, что не хочу уходить с Реймментаровских дач: "Ты что думаешь, нянчиться с тобой станем?! Слышите - у него особое мнение, выискался присяжный заседатель... Передал тебе приказ Рванов подготовиться к выходу? Почему медлишь?" Я все ж таки стоял на своем, оказал, что не уйду. Федоров посмотрел своими глазищами и оказал: "Признавайся - почему не хочешь идти, что семья здесь недалеко? Вы, товарищ Громенко, базу под свои дела не подводите. Имейте в виду, что так можно оказаться вне рядов партии". Ну, я, конечно, лапки кверху.

В чем дело? Испугался я, что ли, Федорова? В тот момент я ведь и сам недопонимал, что именно из-за близости семьи хочу задержаться. Подводил другую базу. Только задние мысли копошились, что надо иногда пойти к своим. Прав Федоров, что поделаешь. Диагноз поставил точный. После обкома подошел ко мне один мудрец и шепотком: "Какое дело - исключат из партии. Они потеряют больше. Твой взвод - один из лучших. Ребята за тобой пойдут. Сам себе будешь хозяин..." Я его обложил крепко и не знаю, как еще не стукнул. А оргвыводы пусть делает обком.

Я н в а р ь 9. Били полицаев в Погорельцах. Мы сюда нагрянули второй раз. Население встречало, как родных. В хате, где стоял командир взвода, пулями расщеплен весь потолок. Спрашиваю хозяйку: "Что это, бабушка, за люди полицаи?" Она пожевала губами и говорит: "Нехристы, фулюганы, совесть пропили, бога забыли. Мой-то Никитка смотри, что придумал..." Показала икону, пробитую пулями. Спрашиваю: "Родственник тебе этот Никитка? Мы его, бабушка, расстреляли". - "Яка жизнь, така и кончина. Внук он мне считался..." - "Выходит, отмежевываешься, так, что ли, бабуся?" Она серьезно посмотрела и ответила: "Прокляла я его. Он такесенький еще був, а уже дурные слова говорил. Из школы его, подлеца, выгнали, из комсомола исключили, в колхозе - лодырь последний. Только в пивной в компанию зачисляли".

Я говорю: "Вы все, бабушка, бога упоминаете. Ведь и я в бога не верую. Коммунисты, вы знаете, и комсомольцы в бога не верят". - "А кто ж того не розумиет? Вы людей признаете. Вот со старухой как говорите хорошо. Уж мы вас ждали, ждали. Сидайте, опробуйте сыру, пожалуйста..."

Ф е в р а л ь 1. Был разговор с командиром второй роты Балабаем. Мы с ним дружим. Стоящий человек. Не погасила в нем

война ничего человеческого. У него есть кинжал побольше полуметра. Я видел, как этим кинжалом Александр Петрович протыкал фашистов насквозь, бил, как свиней. Спрашиваю: "Как ты считаешь, Александр Петрович, портит тебя война, ожесточает характер? Ведь раньше ты никогда не убивал людей". Улыбается. Улыбка у него добрая. Ответил так: "Я человека и сейчас не могу убить. Ты понимаешь?" Я попросил объяснить. Он подумал и прибавил: "Предположим, я окажусь в сильной нужде. Бандитом и убийцей все равно не смогу стать. Или поссорюсь с товарищем, я ведь не кинусь на него с ножом, женщину из ревности тоже не убью, ребенка не обижу". Я продолжаю спрашивать: "В таком случае, какое влияние оказала на тебя война, переменился у тебя характер?" - "Что за вопрос, конечно..." Разговор не кончили, его вызвали. Я потом думал сам, что в нас переменилось.

Никогда не воображал, что стану партизаном. Во-первых, с радостью узнал, что нет во мне труса. Во-вторых, могу подчиняться, признать авторитет старшего командира. Даже, когда очень трудно и считаю, что он не прав, преодолеваю себя и не позволяю потом никому настраивать. Т. меня подзуживал против Федорова, заваривал склоку. Я предложил ему прекратить. А главная перемена вот в чем: мы все, даже и Федоров и комиссар, хотя они партийные работники, стали еще больше коммунистами. Проходим практический курс политграмоты.

Ф е в р а л ь 2. Нет, это время и любовь к Родине делают нас командирами. Хотя бы и Федорова. Откуда он командир? Он рабочий человек и, когда вчера с бойцами вместе подтесывал бревна для землянки, стал такой веселый. Рабочий и крестьянин всегда строители. А мы еще приучены видеть будущее. Война, конечно, не главное в жизни.

Ф е в р а л ь 8. Перечитываю "Войну и мир". Не понимаю этих людей. Совсем не думают о будущем, как будут строить жизнь после войны. О работе совсем не говорят.

М а р т 3. Мишка принес мне запеченную в костре курицу. Это было после боя часа через три. В бою он был молодцом, и я его хвалил перед товарищами. Это, что ли, подействовало? Курицу мне сунул тайно. "Где, спрашиваю, - взял!" Отвечает, что бежала по улице без головы, наверное, осколком мины оторвало ей голову. Он забыл, что недели две перед этим то же самое рассказывал насчет гуся. Будто и гусю оторвало голову миной. Я беру курицу, иду к костру. Говорю ребятам, что вопрос считаю политическим. Спрашиваю, как они относятся. А все голодные. В глазах восторг перед курицей. Коцура выступает: "Это со стороны Мишки двойное преступление. Ложь и потом подхалимаж к

командиру". - "А что курицу утащил, это ничего?" Коцура отвечает: "Курица до войны стоила в селе три рубля. Неужели мы в бою три рубля не заработали?" Товарищ Лысенко, политрук, тогда взял слово и долго, убедительно говорил, что народ по этим мелочам судит о нас, партизанах. Все согласились. Мишка просил прощенья. Потом я опросил ребят, что делать с курицей. Все кричат: "Ешьте, товарищ командир, какой смысл делить?" Я швырнул курицу в огонь. Мишка кинулся в середину костра, достал и побежал. За ним помчались, но не догнали. А потом узнали, что он отнес курицу в госпиталь, отдал раненым. Вот тут и разберись.

М а р т 4. Рассказывал молодым бойцам об опытах академика Лысенко. Потом вообще об урожаях будущего и о том, как советская власть борется за высокую производительность. Приводил слова Ленина о том, что производительность труда в конечном счете самое важное для победы коммунистического строя. Подошли к тому, что такое коммунизм. Слушали очень внимательно. Свистунов, мальчишка лет девятнадцати, спросил: "Вот я или Вася Коробко, может, и доживем. А вы, Попудренко, Федоров навряд ли можете надеяться. Пятилеток пятнадцать, пожалуй, не меньше, надо еще до коммунизма?" Не успел я ответить, ребята закричали: "Меньше, что ты, Свистун!" Вася Коробко быстро подсчитал: "Если пятнадцать по пять семьдесят пять, значит, и ты, Свистунов, не доживешь".

Свистунов возразил: "Каждая пятилетка будет выполняться в четыре, а может, и в три года. Так что я доживу". Тогда Вася Коробко добавил: "Ученые борются за долголетие. Вы обязательно доживете до коммунизма, вот увидите, товарищ командир". Я понял - ребятам обязательно хотелось загладить бестактное замечание Свистунова, а меня утешить. Я сказал: "Спасибо, товарищи". Они тоже стали благодарить за беседу. А дожить действительно хочется!"

23 марта, перекрыв все дороги и тропы, ведущие из Елинского леса, немцы повели решительное наступление на партизанский лагерь. Семь тысяч немцев и полицейских двинулись против девятисот партизан, чтобы окружить их и уничтожить.

Командование оккупационных частей давно готовило этот удар. Готовились к нему и мы. Однако разница в подготовке была довольно существенной.

В чем заключалась подготовка немцев? За прошедшие месяцы оккупации они во всех районных центрах и крупных населенных пунктах посадили своих комендантов, организовали полицию и сплели шпионско-разведывательную сеть. В каждом селе они

имели теперь старосту и его заместителя. Почти во всех селах и хуторах создали группы вспомогательной полиции.

Их попытки заслать шпионов в партизанские отряды и наладить с ними постоянную агентурную связь неизменно кончались провалом. Шпионов мы разоблачали быстро. Как это делали, расскажу в другом месте. Немцы не знали планов нашего командования, расположения штаба, аэродрома, радиостанции, наших тайных троп.

О численности отряда, системе организации и нашей вооруженности они имели весьма противоречивые данные.

Примерные границы наших владений им были, конечно, известны. Такие сведения скрыть невозможно. План их был прост: блокировать район нашей дислокации, накопить побольше сил и в определенный день стянуть кольцо окружения, прочесать лес и таким образом покончить с наиболее крупной группировкой черниговских партизан.

Наша разведка действовала много успешнее немецкой. О намерениях оккупантов и даже о сроках намеченных ими операций мы имели почти всегда точные сведения. Это признавали и врали. Вот, например, что писал в своем инструктивном письме начальник венгерского королевского генерального штаба генерал-полковник Самбатхей:

"Хорошо развита служба разведки, информации и связи партизан. Действует исключительно быстро и безотказно. О происходящем на фронте имеют сведения раньше, чем части, охраняющие оккупированную территорию, а о мельчайших продвижениях наших частей от них ничего не остается в тайне".

И в другом месте того же перехваченного нами документа:

"Нет необходимости добывать детальные и основательные сведения о партизанах потому, что пока результаты разведки дойдут до командования частей, предназначенных для очистки данной территории, и части начнут свои действия, отдельные партизанские отряды, через свою исключительную информацию, наверняка будут извещены о приближении наших частей и все равно не будут уже на том месте, где разведкой установлено их пребывание".

22 марта мы тоже знали о намерениях противника, однако не ускользнули заблаговременно, а решили принять бой.

Быть может, немцы действительно воображали, что в Елинском лесу скопилось свыше трех тысяч партизан. Мы-то не могли ошибаться. Нас было вместе с ранеными и больными девятьсот двадцать три человека. Мы были голодны, плохо одеты, нам не хватало боеприпасов.

Как же мы допустили, что немцы смогли нас окружить и

начать операцию на уничтожение? Было ли это промахом командования, результатом беспечности и, что того хуже, пониманием безнадежности нашего положения?

Если бы задали эти вопросы командованию противника, то, конечно, получили бы ответ, что тактика партизан обанкротилась, жить им осталось считанные часы.

Вот этого-то нам и надо было, этого мы и добивались. Пусть немец воображает, что мы глупы и самонадеянны.

Основа партизанской тактики - движение. Но не просто передвижение с места на место, а движение, которого противник не ожидает. Партизаны всегда в меньшинстве. Без хитрости им не обойтись. Внезапным должно быть не только наступление, но и отступление.

Впрочем, отступление, в том понимании, которое придается этому слову в армии, к партизанам неприменимо. Отступать нам было некуда. Мы могли только ускользать.

Но хорошо ускользать незначительному отряду человек до ста. Отряд в тысячу бойцов с пулеметами, минометами, госпиталем, обозом, типографией, как может он уйти незаметно?

Если еще располагается он в сплошном лесном массиве, тянущемся на сотни километров, ночью можно сделать бросок километров в тридцать-сорок. Противник не сразу разберется, в какой участок леса перешли партизаны.

Елинский лес, хоть и считается одним из больших в Черниговской области, на самом деле не так уж велик. Примерно - пятнадцать на двадцать километров. Он почти вплотную подходит к лесам Орловской (ныне Брянской) области, перелески соединяют его с Рейментаровским лесом и с урочищем Гулино, в которых мы находились до прихода сюда. Но перейти незаметно из одного лесного массива в другой такому отряду, как наш, было невозможно.

Особенно в тот период, когда во всех без исключения окружающих селах стояли подготовленные к встрече с нами карательные части. Я уже говорил, что пока эти части накапливались, мы колотили их поодиночке. Тогда еще они плохо наладили взаимосвязь и скверно ориентировались. Теперь кольцо замкнулось, лес патрулировался, самолеты противника кружились над нами от зари до зари. Пробиться можно было только с боем.

И мы бы, конечно, пробились. Могли бы перейти обратно в Рейментаровские или же в Орловские леса. Но для этого пришлось бы нам вести серьезный бой на марше. Противник сделал бы все от него зависящее, Чтобы встретиться с нами в открытой местности. Тут он мог бы пустить в ход танки,

бронемашины; бомбардировщикам и штурмовикам тоже было бы несравненно легче расправляться с нами.

Оставалось еще - уходить мелкими группами. На совещании командиров нашлось несколько сторонников такого плана. Нет, это не годилось. Это значило подвергать риску существование большого отряда. Группы могли потерять друг друга. Обком партии твердо стоял на той позиции, что большой отряд нам необходимо сохранить. И, как бы в доказательство нашей правоты, мы получили радиограмму из Москвы, в которой сообщалось, что в ночь на 23 марта шесть самолетов доставят нам боеприпасы, оружие, продовольствие и людское пополнение. Нам предлагалось держать в готовности аэродром.

Ну, куда ж тут уходить?

Я категорически запретил радистам сообщать что-либо об активизации немцев. Если узнают, что мы ждем в эту ночь наступления врага, еще, чего доброго, откажутся вылетать. Нет, пусть лучше думают, что все в порядке.

Вот какой план был принят на совещании в обкоме, а потом и в штабе:

Дать возможность частям противника углубиться в лес. Создать три линии обороны. На первых двух открыть огонь, подпустив противника на расстояние не больше пятидесяти-семидесяти метров. Все дороги, тропы и просеки заминировать. Взрыв мин считать сигналом к началу боя. Только после того, как противник подойдет к третьей линии обороны, то есть к непосредственным границам лагеря, отходить. Ротам отходить поочередно, согласно приказу, и каждой не раньше, чем через пятнадцать минут после предыдущей.

Да, уходить мы все-таки решили. Рассудили так. Большинство сельских гарнизонов немцев примут участие в операции. Следовательно, на пути нашего отхода мы к концу боя не встретим активного сопротивления. Тем более, что предпримем кое-какие меры, чтобы создать у врага ложное представление о направлении нашего отхода.

Главное же - надо было устроить немцам такую встречу, чтобы отбить у них охоту к окружению нашего отряда. Нанести им мощный ответный удар, вызвать замешательство, воспользоваться этим замешательством и в полном составе перейти на место новой дислокации.

Обычно к концу марта на Черниговщине начинается весна. В этом году и признаков ее не было. Ни одной оттепели за все это время. Правда, мороз уже не сорок и не тридцать градусов, как в феврале, но ниже пятнадцати не спускается. Здесь обжились, и вот опять надо покидать свои землянки, опять на новом месте

приниматься за строительство. Но кое в чем на этот раз нам мороз помог. Если бы распустило, быстрый бросок нам бы не удалось сделать. Мы ведь на санях, ни одной телеги пока не заготовили.

О предстоящем бое знали все. Каждому подразделению наметили участок обороны. Но нельзя, разумеется, заранее всех оповестить, что планируем отход. Это создавало бы плохое настроение. Приказ отдали - стоять насмерть, защищать лагерь до последнего патрона.

Кстати, о патронах, да и вообще о боеприпасах. Для трофейного оружия патронов мы захватили в последних боях солидное количество. А русских патронов и мин осталось очень немного. Самолеты не прилетали уже около месяца. И такое счастливое совпадение - как раз этой ночью должны прилететь.

В своей радиограмме мы просили: шлите больше оружия и боеприпасов. Хоть и очень подвело животы, но что поделаешь, приходится терпеть. Сообщили в Москву, что на питание не жалуемся. Просили только соли, ее много не надо.

В этом вопросе царило полное единодушие. И бойцы, и командиры, получая груз с Большой Земли, радовались вооружению куда больше, чем консервам, сахару и муке. Пожалуй, только махорочка вызывала не меньший восторг, чем пулеметные ленты.

В ночь на 23 марта никто из нас не ложился ни на минуту. Бой, собственно, начался еще двадцать второго. Часа в три группа полицаев человек в пятьдесят приблизилась к лагерю со стороны села Елина. Им навстречу направили роту Бессараба. Он ловким маневром зашел этой группе в тыл, захватил врасплох и почти всех скосил пулеметным огнем. Тринадцать полицаев сдались в плен. На допросе подтвердили: немцы не позднее завтрашнего утра пойдут в наступление. К вечеру противник занял Елино.

Состояние у всех нас было очень напряженным. Нервничали. Нашелся один чудак, который затеял предсмертное прощание с товарищами. К чести товарищей надо сказать, они взяли в такой оборот этого паникера, что он всю ночь потирал бока и охал. Нет, настроение обреченности имелось, может быть, всего у двух, трех человек. И они помалкивали. Даже склонный к панике Бессараб после дневного успеха так разошелся, что предложил не ждать, пока немцы нападут, а самим начать бой.

Нервничали больше потому, что надо было терпеливо ждать, создать у противника впечатление, что мы ничего не знаем. Под утро на аэродроме разложили костры. Зажгли их часа на два раньше назначенного часа прилета наших самолетов. Тут же на аэродроме зарезали трех лошадей, сварили конину, большими

кусками в ведрах, накормили перед боем людей почти досыта. Правда, заправить было похлебку нечем. Да и посолить до нормы не удалось. Но ничего, поели. Один только парень, бедняга, совсем не переносил конину. Ни сырую, ни вареную, ни даже обжаренную на вертеле. Просто беда с ним. Он в последнее время начал пухнуть с голодухи. Хорошо, что у захваченных полицаев нашли немного хлеба. Накормили человека.

Над кострами появились немцы. Прилетели их разведчики. Бросили несколько бомб, наделали на аэродроме воронок. Но обошлось без жертв. Наверное, нас немецкие летчики сочли этой ночью круглыми идиотами. Сами освещаем цель. Но мы не могли затушить костры. В прошлый раз мы подожгли их в тот момент, когда услышали рокот наших самолетов. В эту ночь разведчики и бомбардировщики немцев все время летали, шум их моторов не прекращался ни на минуту. Мы не смогли бы услышать, когда подойдут свои.

Конечно, мы беспокоились. Как же, ведь прилетят наши! Немцы, чего доброго, их обстреляют. Мало нам своего боя, начнется еще бой в воздухе. Время шло. Приближалось утро. Напряжение усиливалось. А наших самолетов все не было. Правду сказать, мы хоть и бодрились, но понимали, что если самолеты не подбросят боеприпасов, положение очень осложнится.

Тогда мы не хотели признаваться в этом друг другу. Даже на совещании командиров и среди членов обкома не высказывали мысли, что вся надежда на помощь из Москвы. Помощь эта не была еще регулярной. Строить расчеты на нее, обнадеживать себя и бойцов, - нет, это не годится. И все же мы надеялись. Каждый думал и прислушивался, смотрел в черное звездное небо. Куда ни пойдешь, всюду разговоры:

- Наши зовсим не так, наши спокойно, без нытья гудут.

- Фриц у-уу-уу-у. А наши весело рычат, симпатично.

Небо начало бледнеть. Теперь все уже понимали, что помощи не будет, надо держаться своими силами. Я поймал себя на мысли, что зря мы, пожалуй, не смотались заблаговременно. Все-таки, если бы ночью ударили собранным кулаком в одном направлении, пробили бы кольцо окружения и были бы сейчас уже далеко, в относительной безопасности.

Но я не сказал ничего товарищам. И они мне только через несколько дней признались, что в эту минуту думали о том же.

В начале седьмого в направлении Гуты Студенецкой загремели взрывы. Это немцы подорвались на минном поле. Николай Никитич тотчас вскочил на коня и помчался в ту сторону. И началась суматоха боя. Одиночные винтовочные выстрелы раздавались теперь то и дело в разных сторонах леса.

Ухнула пушка. Первый снаряд, задевая ветви деревьев, пронесся над нашими головами. Зацокотал пулемет. По звуку мы узнали - это наш "максим". И вдруг я увидел со своего командного пункта плавно спускающийся парашют.

Никто мне еще не успел доложить, что самолеты прибыли. Как я их не заметил? Впрочем, Рванов, Балицкий, Яременко - все, кто был в этот момент на КП, тоже не заметили, как прилетели наши самолеты. Кто-то даже крикнул:

- А может это немецкий десант?

Парашюты спускались кучно, значит, грузы были сброшены с небольшой высоты. Тут подбежали сразу два связных. Один с аэродрома. Он сообщил, что немецкие разведчики, как только появились наши самолеты, немедленно смылись. Другой связной, прибежавший из первой роты, сообщил, что немцы по просеке идут в полный рост, орут, сразу видно, что пьяные. И легло их уже не меньше пятидесяти.

Прибежал еще один связной с первой линии обороны, от Балабая. Он сказал, что ребята держатся хорошо, и клялся, что наши самолеты сбросили на скопление противника несколько бомб.

- А один прошел совсем по-над землей на бреющем и дал очередь из крупнокалиберного. Трассирующими по немцам, ох и здорово!

Эту новость мгновенно подхватили и разнесли по всем нашим частям. Я по себе чувствовал, как должен был подняться дух у бойцов. Как же, прилетели самолеты и вступили вместе с нами в бой!

Мешки и ящики, падающие с неба, распаковывали с молниеносной быстротой. Пулеметы и минометы тут же на месте собирали и тащили на линию огня.

Они были густо обмазаны тавотом. Чтобы пустить их в дело, надо было, раньше чем собрать, все части обтереть тряпкой, снять тавот. Но в спешке и общем возбуждении, которое царило в лагере, тряпки искать было некогда. Бойцы окидывали с себя телогрейки или шапки, обтирали части минометов и пулеметов, собирали их наскоро, потом надевали свою запачканную одежду и снова шли в бой.

Подносчики боеприпасов брали мины и патроны прямо из ящиков, свалившихся с неба. Один пулемет в плотном брезентовом мешке повис на верхушке дерева. За ним полезли сразу трое бойцов. Хорошо дрались в этот день ребята. Каждое дерево, каждая ложбиняка стали нашими дотами. Снайперов в настоящем смысле этого слова у нас не было. Но метких стрелков - сколько угодно. Многие, как белки, влезли на сосны и ели, били

оттуда немецких пулеметчиков и офицеров.

Немцы шли с четырех сторон. Часа через два вынудили нас отойти от первой оборонительной линии. Впрочем, это заставило противника прекратить артиллерийский огонь, чтобы не бить своих. К этому времени противник потерял уже не меньше двухсот человек убитыми, Не стало и у нас многих людей. Погиб Арсентий Ковтун. Погиб командир отделения Мазепа. Одна из бывших наших лучших медсестер Клава Маркова вытащила девять тяжело раненых, а когда поползла за десятым, была подкошена нулей.

Немцы упорно лезли вперед. Не считались с жертвами, гнали под огонь полицаев и мадьяр, а сами укрывались за их трупами и так продвигались. Бой шел без перерыва. У нас не было никакой возможности приготовить пищу. Бойцы и командиры дрались голодными. Продовольственные посылки, сброшенные с самолетов, никто не распаковал. Капранов с трудом нашел людей, чтобы собрать их и погрузить на сани. Больше всех страдали, конечно, раненые. Их не успевали даже как следует перевязать.

Часам к двум нам удалось найти брешь в цепи окружения и вывести обоз. Саней пятьдесят вывели из леса, дали им направление на Гулино, место самой первой стоянки областного отряда. Это нам удалось только потому, что одновременно в противоположную сторону, к Брянским лесам, направили другие двадцать саней. Внимание немцев было рассредоточено.

На этих двадцати санях сидело всего лишь шестьдесят бойцов во главе с политруком второй роты Нахабой. В каждые сани запрягли пару лучших лошадей. Они понеслись с большой скоростью. Этой группе дали особое задание. От того, как она его выполнит, зависело очень многое. Наши разведчики сообщили, что группе удалось оторваться от преследователей. Все шло, как мы рассчитывали.

Немцы продолжали наступать. К 3 часам им удалось прорвать вторую линию обороны. Однако прочесать лес они не решались. Прочесать - это ведь означает пройти по всему лесному массиву, как гребенкой по волосам, не оставить ни одного участка. Но как только воинская часть углубляется в лес, каждого солдата отделяют от соседей деревья. Каждый становится одиноким. А это очень страшно. За любым деревом может оказаться партизан.

Наступление обычно ведется перебежками. А в лесной чаще как побежишь? Глубокий снег, сваленные деревья, кучи хвороста, того и гляди - мина. Вот почему немцы наступали просеками, захватывали квадраты. Потом шли колоннами по тропам, стреляли вправо и влево. Стоит им заметить поляну спешат

собраться на ней, радуются, что видят друг друга, могут занять круговую оборону.

В начале пятого, когда стало темнеть, наступательный пыл немцев ослабел. За десять часов боя им так и не удалось подойти к нашему лагерю. Тяготение наступающих к просекам и полянам так запутало линию их позиций, что немецкое командование уже не могло разобрать, где у них фронт и где тыл. Тем более, что наши отделения перебегали по тропам в уже "прочесанные" участки.

И вот тут-то стала осуществляться заключительная часть н а ш е г о п л а н а.

Немцы начали поспешно отводить некоторые свои роты, концентрировать их на северо-восточном направлении. Это означало, что группа политрука Нахабы выполнила задание.

Ей было приказано проскакать в направлении Брянских лесов по шести, семи селам, там паниковать, рассказывать жителям, что Федоров разбит, сам он и Попудренко утром улетели в Москву, остатки партизан бегут в Злынковские леса.

Немцы попались на приманку. Послали наперерез "бегущим партизанам" несколько рот на машинах.

Теперь можно было и отходить. Я отдал приказ: выходить повзводно из боя, с наступлением темноты покидать лес и по следу обоза направляться в Гулино.

Так как выходы из леса мы во всех направлениях заминировали, а искать мины в темноте было невозможно, каждая партизанская группа гнала впереди себя лошадь с санями. Эти несчастные лошади взрывались и тем открывали путь людям.

Километрах в двадцати пяти от Елинского леса, в глубоком, заросшем кустарником овраге, мы остановились, чтобы стянуть свои подразделения. Мы не знали еще своих потерь. Бойцы измучились до предела. Капранов со своими ребятами из хозяйственного взвода распаковал ящики с продовольствием. На этот раз не его просили, он сам ходил и раздавал махорку, консервы, куски колбасы. Но товарищи больше, чем курить и есть, хотели спать. Ложились в снег и сразу впадали в забытье.

Пришлось назначить специальных дежурных, которые должны были расталкивать спящих. Мороз стоял свыше пятнадцати градусов. А многие товарищи в пылу боя сбросили, да так и оставили в лесу свои ватники. Долго ли закоченеть? Костры разжигать нельзя, даже курить надо осторожно, тщательно пряча огонек самокрутки: немецкие самолеты продолжали кружить в темном небе.

Часа через два собрались все наши роты. Следовало, не медля ни минуты, отправляться дальше. Но силы у нас иссякли. Даже

самые выносливые просили отложить выход на час, полтора.

И тут произошло чудо.

Лежавшие пластом на снегу, обессилевшие и онемевшие от усталости люди поднялись, раненые перестали стонать, а некоторые из них, преодолевая боль, слезли с саней и пошли... Я сам, помню, был так утомлен, что руку поднять или голову повернуть казалось мне тяжким трудом, а через несколько минут пустился, наравне с молодыми, в пляс.

Чудо же было вот какое. Наши радисты шарили в эфире, ловили новости. И вдруг поймали концерт по заявкам партизан. Это был первый такой концерт, пойманный нами. Конечно, немедленно привязали к ближайшему дереву репродуктор и оповестили всех.

Мы давно уже сделали по радио свои заявки. И теперь было очень интересно - упомянут нас или нет.

Диктор объявил: "По просьбе партизана Семенистого из отряда, где командиром Ковпак, передаем "Песню о Родине" Дунаевского".

Потом:

"По просьбе пулеметчика-партизана отряда Бати Петра Глушика передаем "Каховку".

Летели к нам по эфиру из Москвы звуки рояля, пел для партизан хор Пятницкого, пела народная артистка Валерия Барсова, читал стихи поэт Симонов. "По просьбе партизан отряда Сабурова; отряда Маликова; отряда имени Щорса, где командиром Марков; отряда имени Хрущева, где командиром Сычов..."

Концерт длился долго. И после каждого номера следовало наименование какого-то нового отряда. Только в самом конце диктор объявил:

"По просьбе Карпуши - командира взвода отряда имени Сталина, где командиром Федоров, передаем украинский гопак".

Что тут делалось! Ребята кричали "ура", моментально расчистили от снега площадку и прежде всего вытолкнули на нее Карпушу. А потом плясали все, толпой. Хорошо, что быстро кончился этот гопак. Уверен, что хлопцы плясали бы до утра. Я, признаюсь, тоже размял косточки и несколько раз стукнул каблуками об мерзлую землю. Откуда только силы взялись!

Если бы немцы могли видеть, как пляшут при луне партизаны, за которыми они гонятся в противоположном направлении! Их самолеты-разведчики противно рычали над нашими головами, словно нарочно пытались шумом сбить ритм танца. Но ничего у них не вышло, плясали ребята здорово.

А когда концерт кончился, возбужденные, веселые мы сели на

сани и помчались дальше, к месту нашей новой стоянки. К утру мы были в урочище Гулино. Там приняли по радио сообщение из Берлина:

"На участке Центрального фронта разбита и уничтожена мощная группировка бандитов численностью три тысячи двести человек. Взято в плен двенадцать комиссаров. Главарям удалось скрыться на аэропланах..."

Нам было ясно - речь идет о нас. Оккупационные власти передали в Берлин заведомую ложь. В плен они не взяли ни одного человека. Цели не достигли - ни окружить, ни прочесать лес им не удалось. Они вели бой без малого сутки, потеряли убитыми около пятисот человек, а добились только того, что мы перешли из одного леса в другой.

Но этого не они добивались, а мы.

Наш план был полностью выполнен.

На перекличке мы узнали, что наши потери составили всего лишь двадцать два человека убитыми и пятьдесят три ранеными.

Мы оторвались от противника, замели следы и теперь могли разжечь костры, отдохнуть, подкрепиться и приняться за решение очередных задач.

*

Так был создан большой отряд.

Да, именно мартовский бой мы считаем решающим испытанием большого отряда. Он был очень тяжелым, этот бой. Но теперь каждый понимал: оккупанты не могут с нами справиться. Прошел тот период, когда немцы представляли себе партизан затравленными остатками армий, скрывающимися партийными и советскими работниками.

Мы стали крепкой военной организацией, действующей по плану, получающей помощь Красной Армии и советского тыла, систематически черпающей резервы из народа.

Я уже приводил выдержки из инструктивного письма генерал-полковника Самбатхея - начальника венгерского королевского генерального штаба.

Этот весьма секретный документ мы захватили в начале апреля, подорвав штабную машину на дороге Гомель - Чернигов. Когда мы его прочитали, наше партизанское самоуважение очень повысилось. Инструкцию Самбатхея обсудили на политзанятиях во всех подразделениях нашего отряда.

Вот эта инструкция в несколько сокращенном виде:

"НАЧАЛЬНИК ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСКОГО
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА
IV ОТДЕЛ
No 10

ОЗНАКОМЛЕНИЕ С ОПЫТОМ ТЕКУЩЕЙ ВОЙНЫ

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРЬБА

1 глава

Общее ознакомление с партизанским движением

Борьба против Советов близко познакомила нас с особым и безжалостным средством борьбы - "партизанским" движением.

Удивительным является проявленные русским народом при этой форме борьбы фанатизм, презрение к смерти и выносливость, с которыми мы столкнулись; потрясающими являются те масштабы, в которых русские применяют этот способ.

Развивающееся на все большей территории партизанское движение уже принимает форму народного движения.

Партизанское движение выступает как народное движение за линией нашего фронта, не только непосредственно, но и за несколько сот километров за линией фронта в тылу... Партизанская борьба вспыхнула с особой силой, когда русская армия с началом зимы открыла наступательные действия. Оборона против действий партизан означает для нас тяжелые дни, недели и даже месяцы".

Признание в том, что оккупанты о б о р о н я ю т с я от партизан, было нам, конечно, очень приятно. Как бы спохватившись, Самбатхей дальше пишет:

"Не будем преувеличивать, но нельзя и легкомысленно преуменьшать значение партизанского движения! Познакомимся с ним основательно, чтобы избежать неприятных сюрпризов, чтобы противостоять ему там, где оно поднимает голову. Тогда это движение не будет иметь решающего успеха!"

Во второй главе, которая озаглавлена "Защита против партизанского движения", Самбатхей пишет:

"Во время красного господства население привыкло к постоянной пропаганде и к тому, что его информируют о ежедневных происшествиях. Когда этого сейчас нет, тогда народ легко верит распространяемым партизанами и их помощниками слухам. Средствами

контрпропаганды служат: радио, объявления, украинские газеты,

инструктивные доклады и кинофильмы. Целесообразно для этой

работы строить материалы на следующих тезисах, которые могут...

привлечь к нашим идеям..."

И дальше идет программа циничной игры, смысл которой - "разделяй и властвуй".

А вслед за этими "тезисами", в разделе "Как вести борьбу против партизан", говорится:

"...Сведения о партизанах, как правило, достигают до

властей и командования в сильно искаженном и преувеличенном

виде. Обычное явление, что население всегда знает о каких-либо

действиях партизан в соседних или дальних местностях и никогда

не хочет и не смеет знать о происшествиях в своей деревне.

На поприще добываний сведений наше поведение по отношению

ко всем должно быть недоверчивым. Мы должны всегда помнить, что

надежных русских нет! Русский человек по природе не болтлив. Кто

охотно и много говорит, тот подозрителен. Молодая женщина всегда

подозрительна, если же она чужая, то наверняка является агентом

партизан. Среди старост попадается значительное число таких,

которые являются сторонниками партизан. Но и среди украинской

вспомогательной полиции попадаются товарищи партизан. Поэтому их

полное обезвреживание совершенно в наших интересах.

Нам должно быть ясно, что патриотически настроенные слои

украинского населения не чувствуют никакой общности судеб с

властями центральных держав. В конечном счете наши власти и

части означают для них враждебную оккупацию и чужих господ...

Борьба с партизанами означает не только уничтожение

отдельных партизанских отрядов. Надо отнять у них возможность к

дальнейшей организации, снабжению и пополнению своих людских и

материальных ресурсов. В противном случае, постоянно питаемое,

несмотря на все старания административных властей, и связанное с

постоянными потерями перебрасывание оккупационных частей

возродит движение снова, и оно снова будет поднимать голову.

Ввиду этого нет места пощаде в отношении кого бы то ни было.

Только беспощадное и коренное истребление населения приведет к

достижению цели..."

Часто спрашивают: как могло случиться, что армия, покорившая столько государств, оснащенная первоклассной военной техникой, накопившая солидный опыт оккупации других стран, не раздавила партизанское движение в самом зародыше? Почему оккупанты дали возможность разрастись этому движению, превратиться в грозовую силу?

Теперь ответить легче, чем в 1942 году. Это пробуют сделать многие партизанские командиры, выступающие в печати со своими воспоминаниями. Попробую ответить на этот вопрос и я. Но даже в те годы, о которых я сейчас пишу, мы, конечно, тоже задумывались над этими вопросами.

Думали, разумеется, не как историки. Не искали точных формулировок. Нам нужна была уверенность в непобедимости нашего дела. Эта уверенность увеличивалась в нас с каждым месяцем, с каждым днем. Увеличивалась потому, что никакие зверства, никакие кары, никакие посулы и "реформы" оккупационных властей не только не ослабляли притока новых людей в наши ряды, а, напротив, усиливали.

В одной инсценировке, сочиненной неведомым партизанским автором и поставленной нашим самодеятельным театром, встречались и разговаривали два "немецких коменданта". Написана сценка довольно неуклюже, но партизаны смотрели ее с удовольствием. А главное - мысль была в ней правильная.

Первый комендант был сторонником всяческих обманчивых ухищрений, посулов, уговоров и "реформ". Второй знал только одно слово: "расстрелять!" И вот они поспорили, кому из них удастся скорее покончить с партизанами.

Под конец сценки выяснилось, что как в районе первого коменданта, так и в районе второго партизан становится все больше. Партизанский отряд нападает на селение, в котором коменданты ведут опор. Оба хватаются за головы, кричат "Майн гот!" и убегают.

В том-то и дело, что партизанское движение возникло и развивалось не потому, что оккупанты дали возможность ему развиваться. Оккупанты ничего нам не давали. Советские люди не желали терпеть рабства в какой бы то ни было форме.

Никакие трудности и лишения не останавливали их. Число отрядов и численность их увеличивались с каждым месяцем.

Областной отряд после мартовского боя вступил в полосу новых трудностей. Противник нас вскоре обнаружил и стал преследовать. Мы приняли решение не обосновываться в урочище Гулино, не строить землянок. Через несколько дней перешли опять в Рейментаровские леса, оттуда вскоре вернулись в Елинские. На месте мы теперь стояли не дольше пяти-шести дней. Избрали тактику почти непрерывного движения.

Началась весна, разлились реки. Нам пришлось бросать сади и срочно заготавливать телеги, брички, возы. На это ушло немало времени и сил. Только к концу мая нам удалось заготовить нужное нам количество подвод. До этого времени переходы совершали пешим порядком.

Весной питание партизан не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Крестьяне нам почти ничем не могли помочь. У них тоже кончились все запасы, припрятанные в свое время от немцев. Распутица и непрерывные дожди не давали возможности часто прилетать к нам самолетам.

И все же отряд рос. Нам даже пришлось временно ограничить прием. Не хватало боеприпасов, особенно, как всегда, патронов для автоматов и русских винтовок. А столкновения с немцами у нас происходили почти ежедневно.

Тактика частых переходов сбивала немцев с толку. Они полагали, что партизаны во всех черниговских лесах. А это областной отряд кочевал туда и обратно. Следы наши, после того, как сошел снег, обнаружить было много труднее. А к середине мая распустилась листва, и маскироваться нам стало легче.

Когда, после мартовского боя, мы услышали в лесу концерт по заявкам партизан, нам впервые стало известно, как много отрядов действует. Конечно, мы предполагали, что они существуют, не могут не существовать. Но теперь мы уже твердо знали, что в орловских и в киевских, и в белорусских лесах - всюду, где есть хоть какая-нибудь возможность группе вооруженных людей скрыться от вражеских глаз, обязательно

организовывались отряды.

Оккупанты поняли после мартовского боя, что окружить и прочесать леса им не под силу. Единственно, что им оставалось, - блокировать места скопления партизан. Начиная с лета 1942 года, опытные, так сказать, кадровые оккупанты, те, что уже долго занимали должности комиссаров, разных комендантов и фюреров, сообразили, что ликвидировать партизанское движение, как того требовал Гитлер, в советских районах нельзя.

Время от времени, получая приказы центра, оккупанты предпринимали попытки наступления на леса. Но главные свои усилия они направили на то, чтобы стать хозяевами хотя бы в городах, селах и на дорогах. Они разработали сложную систему обороны железных и важнейших шоссейных дорог. В населенных пунктах, в кварталах, где размещались оккупационные части, они вырубали деревья и кустарники, ломали заборы и заменяли их изгородями из колючей проволоки.

Немцы вынуждены были теперь держать в тылу и на своих коммуникациях весьма значительные силы. Каждый пост охранялся, по крайней мере, взводом солдат. На железнодорожных узлах, даже на второстепенных, таких, как Прилуки, теперь стояло по целому полку.

Если в начале войны попасть в тыловые части считалось большой удачей, то теперь в карательные и охранные отряды посылали в наказание за проступки. Особенно боялись назначения в сельскую местность и в маленькие районные города, на которые часто совершали налеты партизаны.

Партизанские отряды стали грозной силой, вторым фронтом. В начале 1942 года в Москве был организован Центральный штаб партизанского движения. Все сколько-нибудь значительные отряды Украины, Белоруссии, Орловщины, Курской области, а впоследствии и отряды южных районов страны наладили систематическую радиосвязь с Москвой, с Главным Командованием Красной Армии, получали указания и в трудные моменты необходимую помощь.

Я не ставил себе задачу написать историю нашего отряда. В этой книге я стремился показать, как коммунисты Черниговщины, оставшиеся в подполье, преодолев трудности первого периода, организовали и возглавили народное сопротивление оккупантам. Как обком партии с о з д а л б о л ь ш о й о т р я д.

В конце марта к нам присоединился отряд орловских партизан под командованием Маркова. Точнее говоря, не Марков к нам, а мы к нему пришли в Злынковские леса. Там же мы столкнулись с еще одной довольно крупной группой партизан под командованием Левченко. И эта группа стала действовать в

согласии с нами. Тут впервые был создан партизанский гарнизон.

Название это было принято для того, чтобы сохранить за вновь присоединившимися отрядами автономию внутреннего управления. Оба эти отряда начали свою жизнь до нашего прихода, у них были свои традиции, свои порядки; кроме того, они - орловцы, мы - черниговцы. Большого, принципиального значения это не имело, однако сразу мы не могли решиться на слияние отрядов разных областей. Меня как командира наиболее крупного из отрядов назначили начальником гарнизона, заместителями - Яременко, Маркова и Левченко.

На совместном совещании всех командиров и Черниговского обкома партии было решено, что главной задачей является сейчас организация диверсий на дорогах, питающих фронт.

Во главе диверсионного взвода встал Алексей Садиленко - самый высокий человек во всем нашем отряде. Он попал к нам из числа окруженцев. Имел специальную подготовку. В армии тоже занимался минно-подрывным делом. Взвод этот подчинили непосредственно штабу. В него вошли добровольцы. Люди отчаянной смелости. Первыми записались: Сергей Кошель, двадцатидвухлетний сапер, комсомолец; Миша Ковалев, тоже сапер; девятнадцатилетний Вася Кузнецов, сибиряк, золотоискатель. Интересна его судьба. В отряд к нам он попал недавно, после боя в Старой Гуте. Там он женился на девушке-колхознице Марине. Тихо жил, надеялся, верно, отсидеться до прихода Красной Армии. Но молодая жена его Марина решила по-другому. Однажды велела ему собираться и повела в лес. Короче говоря, заставила молодого мужа воевать. И сама стала очень неплохим бойцом и разведчиком.

- Я ее жалел, - рассказывал потом Вася. - Думал - обидится, если заикнусь об уходе в отряд. А Марина про себя решила, что я трус. Одним словом, недоразумение.

И Вася Кузнецов действительно скоро доказал, что он не трус. С самых первых дней пошел в диверсанты. Сперва ставил мины на шоссейных дорогах, а потом взялся и за "железку", то есть стал выходить с группой на железную дорогу.

Записались во взвод диверсантов одними из первых еще директор средней школы Цимбалист, парашютист Николай Денисов, старший лейтенант инженер Всеволод Клоков, наш старый знакомый Петя Романов, студент Московского института инженеров транспорта Володя Павлов.

Наша тактика диверсионных налетов была довольно простой. В каждой операции участвовало всего двое-трое, но не больше пяти специалистов-диверсантов. Их обязанностью было ставить мины. Но ведь выходили на большие расстояния, иногда за сто с

лишним километров от лагеря. Отправляться в такую экспедицию одним лишь диверсантам было бы слишком рискованно. К тому же на всех немецких эшелонах следовала охрана, человек тридцать-сорок автоматчиков и два-три пулеметчика. Почти каждая диверсия на железной дороге сопровождалась боем. Поэтому диверсантам придавалась группа бойцов - человек двадцать-двадцать пять, называвшаяся группой поддержки. Во главе ее ставился кто-нибудь из наших командиров.

С самого начала специализировался как руководитель таких диверсионных экспедиций Григорий Васильевич Балицкий. Он уходил со своей группой иногда на две-три недели. А однажды пропадал больше месяца. Человек исключительной, дерзкой храбрости, Балицкий стал душой наших диверсионных операций.

В мае и июне 1942 года наши диверсанты свалили под откос двадцать шесть эшелонов. Из них на долю группы Балицкого пришлось одиннадцать.

Теперь каждый из нас считает, что в 1942 году наши диверсионные операции были всего лишь слабыми ученическими попытками. В то время у нас не было еще настоящей системы. Другое дело в 1943 и 1944 годах. Тогда мы уже стали действовать по графику, за день сваливали под откос до десятка эшелонов. Но летом 1942 года мы еще и мечтать не могли об ударах такой мощности.

И все же сделали немало. В марте из Елинских лесов, когда еще лежал снег, выходили на полотно железной дороги за десятки километров от лагеря и в тяжелых зимних условиях сутками ждали поездов. Тогда из-за снежных заносов движение почти совсем приостановилось. Нашим диверсантам приходилось выполнять нелюбимую ими, как они ее называли "черную" работу: взрывать мосты, железнодорожное полотно и трубы водостоков.

Однако и это наносило хозяйству оккупантов ощутительный урон. В марте и начале апреля наши хлопцы подорвали пять мостов и свыше четырехсот метров железнодорожного полотна. Не в одном, конечно, месте все четыреста метров, а по небольшому куску в разных местах.

В мае, когда мы дислоцировались в Злынковских и Новозыбковских лесах, ближе к железной дороге, нам удалось сделать гораздо больше. Снег сошел, поезда ходили нормально. По линии Гомель - Брянск в сторону фронта ежесуточно проходило до шестидесяти эшелонов. А после выхода наших диверсионных групп немцы вынуждены были совершенно отменить ночное движение поездов; днем стали проходить только восемь, самое большее десять эшелонов.

После того как нам стали подбрасывать самолетами тол и

аммонал, вкус к "взрывным работам" в отряде очень усилился. Теперь при каждом налете на сколько-нибудь значительный населенный пункт наши подрывники выводили из строя промышленные предприятия, силовые станции, склады, расположенные в каменных зданиях.

В районном центре Гордеевка во время операции, которая длилась лишь полчаса, пока другие роты и взводы вели бой, диверсанты взорвали спиртозавод, маслозавод, электростанцию, склад продовольствия и несколько автомашин и тракторов.

В Корюковке, тоже во время одной из операций, хлопцы из диверсионного взвода разгромили целиком железнодорожную станцию. Порвали в двадцати четырех местах рельсы, уничтожили все крестовины и стрелки, аппаратуру связи и сигнализации, взорвали и сожгли лесопильный завод, склад лесоматериалов, склад горючего и фуража.

*

С тех пор как начали прилетать к нам самолеты, очень дорого стала цениться чистая бумага. За лист писчей бумаги некоторые товарищи соглашались даже отдать щепотку махорки, достаточную для большой самокрутки. Товарищи писали письма. Надеялись, что сядет же когда-нибудь самолет и возьмет почту.

Писали теперь во всякое свободное время. А самолеты так и не садились. Многие накопили пачки писем, целые книги. Некоторые из этих писем с продолжением я прочитал. У Володи Павлова, одного из наших смелых диверсантов, я отобрал письмо, в котором он рассказывал о своем первом выходе с группой для подрыва эшелона.

Володе не было тогда еще и двадцати лет. До войны он учился на первом курсе Московского института инженеров транспорта. У нас, как видите, он тоже занимался транспортными вопросами. Но не строительством и не эксплуатацией железных дорог, а их разрушением.

Теперь Павлов Герой Советского Союза, перешел в этом году на пятый курс того же института. Будет скоро строить мосты.

Письмо, отрывки из которого я привожу, отобрано мною у Володи. Слишком много "технологических" подробностей он в нем сообщал. Конечно, в письме этом сейчас уже нет военных тайн.

"14 июня 1942 года.

Дорогая моя, драгоценная мамочка!

Не знаю, отправлю я тебе когда-нибудь это письмо или оно так и будет валяться по карманам... Помню, что ты всегда любила подробности, просила, чтобы я описывал обстановку. Пишу я тебе в палатке. Только это не обычная палатка, какие ты видела в

военных или пионерских лагерях. Наша палатка маленькая, очень низкая. Стоять в ней нельзя, даже когда сидишь - голова упирается. Живем мы вдвоем с Володькой Клоковым. Очень хороший парень. То есть он инженер, а не парень. Старше меня на несколько лет. Но веселый, остроумный, живой, а главное храбрый. Со мной держится просто и без снисходительности. Это очень приятно. У него есть чему поучиться. Кстати, он не Владимир, а Всеволод. Но все его здесь называют Володькой, и я тоже.

Он первый мне рассказал о диверсиях, вовлек меня в эту группу. Я ему бесконечно благодарен. Работа интересная, увлекательная. Диверсанты у нас самые уважаемые люди. Не только потому, что опасно. Ты не думай, мамочка, это нисколько не опаснее другой партизанской работы. Нас потому уважают, что мы наносим серьезные удары немцам.

Ты не ворчи, мамуся, что я так разбрасываюсь. Трудно сосредоточиться. Рядом ребята сидят и дуются в карты. Только, пожалуйста, не воображай, что на деньги. Это у нас невозможно. Вообще нет у нас никаких денег. Абсолютно не нужны.

Я начал рассказывать о палатке. Она сделана так: деревянные столбики, на них натянут парашютный шелк, а поверх шелка лежит кора от пихты. Мы ее срезаем так: один другому становится на плечи и острым ножом делает глубокий продольный надрез почти до самого низа. Наверху и внизу надрез кругом дерева. Сучки все срубаем под корешок, гладенько. Потом осторожно сдираем кору вместе с кожей - знаешь, под корой такая скользкая... Когда сняли, кора получается вроде согнутого листа фанеры. В ней остаются дыры от сучков. Их мы затыкаем. Потом кладем кору поверх шелка. Такую крышу не берет никакой ливень. Палатки делаются нарочно очень низкими. Я пишу лежа...

...Теперь, мамочка, я хочу написать тебе, как первый раз ходил в далекую операцию на железную дорогу. У вас, врачей, операцией называется вмешательство при помощи хирургического ножа. Мы тоже режем железнодорожное полотно. Но не ножом, а взрывчаткой... Раньше я участвовал только в подрыве мостов и немецких автомобилей. Мне еще поручали ставить мины против живой силы немцев, иначе говоря, против пехоты. Но это просто. Ты могла бы научиться в полчаса.

На первую железнодорожную операцию я пошел не как подрывник, а просто в роли бойца. Нас провожал сам Федоров. А во главе группы, ее командиром, был Григорий Васильевич Балицкий. Это очень смелый человек. Прямо-таки безумно храбрый человек. Единственно, чего он очень боится, чтобы кто-нибудь когда-нибудь не мог заподозрить его в трусости. Кроме

того, в группе было еще двадцать человек. Очень разных. Среди нас одна девушка и замечательный проводник. Пожилой колхозник Панков. Он знает здесь все леса и все дороги, тропки, звериные следы. Вроде "Кожаного чулка". Помнишь Фенимора Купера?

Когда нас провожали на операцию, девушки плакали. Почему? Да потому, мамочка, что они чувствительнее мужчин. Панков говорит: "Бабе что заплакать, что чихнуть". Когда мы отошли километра за четыре от лагеря, Балицкий предложил всем сесть на траву. Сам тоже сел, очень значительно помолчал, потом предложил внимательно слушать.

- Предупреждаю. Кто в себе не уверен, идите обратно в лагерь. Потом будет поздно. Никаких лишних разговоров, никаких жалоб на трудности быть не может. Смелость, дисциплина, безоговорочное выполнение всех моих приказаний! Ясно? За малейшее нарушение, за трусость - расстрел на месте. Я вас не пугаю, а просто Предупреждаю, что без соблюдения этих условий на диверсии идти нельзя. Пожалуйста, кто хочет, может вернуться, никаких к вам претензий не будет, и смеяться над вами никто не станет.

Ни один человек не сказал, что хочет возвратиться. Хотя Балицкий и уверял, что не будут смеяться, на самом деле трусость у нас в лагере вызывает всеобщее презрение и даже ненависть. Вернуться - это значило расписаться в собственной трусости. За это могут даже продрать с песочком в стенной газете.

Мы поднялись и пошли тропами через лес. Всего надо было пройти километров двадцать пять. Местами переходили через шоссейные и проселочные дороги. Их пересекали пятками вперед. Нас специально учили так ходить. Надо, чтобы получились нормальные шаги и проходить так быстро, не задерживаться. Ты понимаешь, зачем? Если немцы увидят следы, подумают, что мы шли в противоположном направлении.

Один раз мы ждали, пока пройдут немецкие автомашины. Их была целая колонна, не меньше роты солдат. Мы не стали ввязываться с ними в потасовку. У нас другая задача.

Толовый заряд, или, иначе, мину, каждый из нас нес по очереди. Она весит немного - двенадцать кило. Но партизаны не любят, когда руки заняты. Каждый старается весь груз распределить так, чтобы висело на спине или на поясе. Руки должны быть свободны, чтобы в любой момент можно было начать стрельбу. Автомат мы носим тоже не как красноармейцы. Он висит на левом плече, под рукой, дулом вперед.

Партизанская самодельная мина - это просто деревянный

ящичек длиной сантиметров в сорок, а шириной и высотой сантиметров двадцать. В ящике этом лежит похожий по цвету на сухую горчицу, но не порошок, а просто кусок толу. Чтобы ты не боялась, скажу, что он сам взорваться не может, даже если его жечь или если в него попадет пуля. Он взрывается от детонации. В толе вырезано квадратное или круглое углубление. Туда перед самой установкой мины вставляется запал, детонаторная трубка. Устроена пружинка, боек и капсюль... Этих премудростей ты без рисунка не поймешь, да тебе и не надо. Вряд ли ты будешь когда-нибудь пользоваться такими штуками.

Километров за шесть от железной дороги мы остановились неподалеку от села Камень. Там есть у нас свои люди. Там в полицейском участке служит связной нашего отряда. Порядок такой: по пути к месту диверсии группа ни в коем случае не должна заходить в населенные пункты. Можем встретить негодяя, который побежит к немцам и скажет, в какую сторону пошли партизаны.

Но один или два разведчика обязательно должны зайти в село. В этот раз пошел Панков. Узнал у полицая, нашего связного, что на участке Злынка - Закопытье сейчас довольно спокойно, нет большого количества немцев. Он узнал также, как безопаснее всего пробраться к железной дороге.

Балицкого очень огорчило одно сообщение Панкова. Оказалось, что совсем недавно в сторону Брянска прошел эшелон с бензином. Видишь ли, мамочка, нам совсем не одно и то же, какой эшелон взорвать. Правда, если даже состав с каким-нибудь маловажным грузом наскочит на мину и полетит под откос, - участок на несколько часов выйдет из строя. Но мы экономим взрывчатку, каждый килограмм на учете. Считается большим шиком подорвать эшелон с войсками или с танками, автомашинами, самолетами, бензином. Потому Балицкий и огорчился. Он подумал, что если прошел один эшелон с бензином, другой пойдет не скоро.

Мы вполне благополучно подошли к полотну. Оно тут плохо охранялось. Лес отстоит от линии метров за двести. Мы залегли на опушке, в траве и кустах, замаскировались. Балицкий нас распределил один от другого метров на десять. Чтобы, если придется стрелять, охватить сразу весь эшелон.

Понимаешь ли, еще не все взорвать паровоз и свалить вагоны. Надо уничтожить груз. А если едут немецкие солдаты, - перебить их возможно больше. Как только паровоз окатится от взрыва и поезд остановится, все мы открываем огонь по вагонам. Самое главное по заднему вагону, особенно если состав с грузом. В хвосте поезда всегда едет охрана.

Ты, наверное, там в Москве сейчас за меня переживаешь, как я себя вел, не опозорился ли на первый раз. Если бы я был один, может, и подкрался бы к сердцу страх. Но ребята все были хорошие. Шли весело, много шутили.

Если бы ты, мамочка, взглянула на своего Вовку! Я теперь так же похож на городского студентика, как медведь на ягненка. Я имею залихватский вид. Одет по партизанской моде. Венгерская безрукавка на меху. Так называемая "мадьярка". Сапоги с загнутыми голенищами. На них свисают широкие, цвета бордо, брюки из шерстяного немецкого одеяла. Фуражка с широкой красной лентой на тулии. На поясе гранаты, на ремне автомат. Интересно бы самому взглянуть в большое зеркало, увидеть себя во весь рост.

Сейчас я расскажу тебе, между прочим, смешную штуку. Один раз, когда партизаны напали на немецкий гарнизон в селе и еще шел бой, несколько ребят застряли надолго в хате. Это была хата старосты. Был приказ - ее поджечь. Попали в хату самые заядлые партизанские пижоны. Собрались у большого зеркала и отталкивают друг друга, чтобы посмотреться. Я в той операции не участвовал. Но им, тем ребятам, Федоров дал такую распеканцию, что я им не завидую. Назвал их кокетками. Теперь их так все называют, разыгрывают каждый вечер.

Стоп. Писать больше нельзя. Тревога.

18 июня. Знаешь, мамочка, как только начинаю тебе писать, вспоминаю Москву. Какая она сейчас? К нам сбросили несколько парашютистов. Двое из них были в Москве. Рассказывают, что зимой было плохо с топливом. Бедная, намерзлась ты там! Все равно я очень скучаю по Москве. Хотел бы глянуть хоть одним глазом. И, если бы разрешили и поставили такое условие, я бы, кажется, на карачках дополз.

Прочитал начало письма и буду продолжать. Я не видел железной дороги несколько месяцев. Мы только залегли, спрятались, вдруг идет по полотну обходчик. Бородатый старикан. У него на плече винтовка, но когда к нему стали подходить ребята, он даже не пытался ее снять. Поднял руки. Я смотрю со своего места, как его обыскивают. Вдруг все побежали к нему. А приказа не было. Балицкий тоже бежит и ругается.

Через полминуты появился над всей группой густой дым, и у всех счастливые лица. Понимаешь теперь, в чем дело? У обходчика оказался полный кисет махорки. А мы уже давно курим всякую дрянь, соскучились по табаку ужасно.

Курить пробовали и мох, и гречаную солому, и сухие дубовые листья. У этих последних даже название было "дубек". А когда удавалось разжиться махоркой, табаком или сигаретами, становились в круг и одну завертку курили вдесятером.

Появились такие выражения: "дай на губу", "оставь мне, я брошу", "губу печет, носу жарко, а бросить жалко..." У нас даже сочинили такую песенку:

Курили б мы табачок,
Так у нас нэмае.
Мы куримо дубнячок,
В лисе выстачае.
Дубнячок, березнячок,
Гречану солому.
Ризный пробуем листок,
Щоб избыть оскому.

Ну, от Балицкого, конечно, всем попало. Хорошо еще, что он и сам хотел курить. Обходчика связали, отняли у него винтовку. Убивать не стали. Говорит, что служит под страхом расстрела.

Потом опять залегли. Лежали часа полтора. Слышим - поезд. Еще далеко, а уже характерное стукотание. Сердце забилось ужасно, никогда раньше не ждал поезда с таким волнением. Всюду стучало сердце, даже под пальцами пульсировало - я с такой силой сжимал в руке автомат.

Мину побежал ставить Сережка Кошель. Поставил очень быстро и протянул к лесу шнур, чтобы дернуть. Ставить мину - почетная задача, но не очень-то приятная, от волнения можно зацепиться за шнур и подорваться.

Только Сережка успел спрятаться, - из-за поворота появился паровоз. Это самый напряженный момент. Получится или нет? Все натянуты, как струны. Мина может отказать, не взорваться. Причины бывают разные.

Писать об этом гораздо дольше. Все произошло в момент. Поезд шел с большой скоростью. Очень длинный состав.

Грохот получился от взрыва не слишком сильный. Из-под паровоза огонь, и паровоз повалился. А потом ужасный треск и скрежет от вагонов, которые полезли друг на друга. Тут же началась стрельба. Все стреляли по бочкам... Я забыл написать, что эшелон опять был бензиновый. Нам повезло: второй подряд. Немцы возят на фронт бензин не в цистернах, а в железных бочках, чтобы потом быстрее заряжать танки и автомашины. Бочки ставят на платформы с высокими бортами, в несколько рядов. Мы стреляли по нижним бочкам. Они взрываются, подбрасывают на несколько метров верхние бочки. И все это горит, брызжет огнем.

Вдруг, смотрю, бежит к хвосту поезда Балицкий. На фоне огня он кажется очень страшным. Он бежит и кричит: "За мной!" И когда подбегает ближе к заднему вагону, сразу же начинает стрелять. У него не автомат, а легкий французский скорострельный карабин. И он держит его не прижав к плечу, а на вытянутой руке; приклад упирается в сгиб локтя.

Немцы в заднем, классном вагоне. Стреляют из окон автоматы, пулеметы. А пламя все выше, весь состав горит и трещит. Классный вагон тоже загорелся. Пламя наверху черное. От него, как от солнца, отлетают протуберанцы: длинные языки во все стороны, метров по пятьдесят. И кверху тоже метров на пятьдесят.

Немецкая охрана раздирающе вопит и все реже стреляет. Тогда Балицкий командует отход, и все бегут.

Когда мы собрались в лесу, оказалось, что у нас только двое раненых. Их быстро перевязала наша сестра. Мы шли обратно с песнями, и такое настроение: пьяный от восторга. Тут был у меня неприятный случай. Когда бой уже кончился и стало ясно, что опасность миновала, меня почему-то вырвало. Ты, как врач, обязательно объясни, какая может быть причина.

Так вот, мамочка, настроение. Мы, когда идем обратно, невольно оборачиваемся, смотрим на пожар. Разгорается все сильнее. Даже в лагере, представь, видели дым. Обратно идем быстро, рассказываем, стараясь один другого перекричать. Почти совсем не маскируемся. Дух у всех боевой, свирепый, что угодно в азарте могли бы сделать.

Зашли в то же самое большое село Камень. Там есть мельница. Мы прямо к ней. Ничего не остерегаемся - дуем по улице. Полицаи все разбежались; не знаю, сколько их там было. Но у мельницы все-таки подстрелили двоих, которые охраняли. Сломали замки на складах зерна и муки. Зовем население. Все бегут к мельнице и запасаются. Тащат мешками, ящиками, ведрами и в подолах. Мальчишки тоже тут вертятся, сыпят себе в шапки.

Мы кричим: "Тащите, товарищи, прячьте! Немцы придут - валите все на нас, на партизан! Наша марка выдержит!"

Организовали митинг. И я говорил. Такую речугу закатил, что ты и не подозреваешь. Я, когда возбужден, честное слово, оратор. Меня поздравляли я говорили, что надо перевести в агитаторы. Это, конечно, шутки. Я теперь с диверсионной работы ни за что не уйду.

Одно лишь величавое зрелище дает такое счастье. Знаешь, что и ты к этому руку приложил. Дух захватывает. Ведь пожар всегда красив. А тут пожар и возмездие немцам! Кроме того,

возбуждает риск. Нет, мамочка, если кто не видел, никогда не поймет, до чего это здорово.

Но ты не беспокойся, дорогая мамочка, вовсе это не так опасно. В Москве, на крышах, когда бросают бомбы, по-моему, куда опаснее. Там ведь полная неожиданность, правда? Там ведь невозможно ответить на огонь противника. Нет, не волнуйся, твой Вовка, честное слово, не пропадет!"

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОЕДИНЕНИЕ

Немцы вели наступление на юге. Радио приносило нам тяжелые вести. Красная Армия отходила к Сталинграду. Казалось, на Украине оккупанты могли чувствовать себя спокойнее, чем когда бы то ни было. Казалось, население такого глубокого немецкого тыла должно было, наконец, смириться. Сводки о положении на фронтах, даже наши советские сводки говорили, что враг, не считаясь с жертвами, лезет вперед.

Но не только не смирялось население оккупированной земли, а ожесточеннее сопротивлялось, все больше партизанских отрядов поднималось на борьбу.

Не знаю, как в других областях, но и в Черниговской области, и на Орловщине, и в юго-восточных районах Белоруссии, то есть в местах, по которым мы рейдировали летом 1942 года, народ, несмотря на быстрое продвижение врага к Кавказу, чувствовал, что скоро немцы будут сломлены и побегут. Здесь народ ежедневно видел доказательства плохой организации немцев, их военного и экономического ослабления.

Наш отряд, а точнее - те несколько черниговских и орловских отрядов, которые соединились, совершали теперь очень часто рейды - переходы по нескольку десятков километров. Общее наше число перевалило далеко за тысячу. А когда к нам примыкали местные партизаны, доходило и до двух тысяч человек. На марше колонна растягивалась километра на полтора. Иногда мы ходили скрытно, болотами, лесами. Но чаще двигались прямо по населенным пунктам. Демонстрировали свою мощь. И почти в каждом местечке, в каждом селе мы проводили митинги, раздавали листовки, заходили в хаты и беседовали с народом.

Встречали нас радушно. Гордились партизанами. Преувеличивали наши силы. Народ говорил нам, и это было, конечно, правдой, что встречи с отрядом поднимают дух. Мы, в свою очередь, во встречах с народом черпали уверенность в непобедимости нашего дела.

Помню, в одном из сел я разговорился со стариком. И упрекнул его полушутя в том, что он не партизанит. Было тому старику лет пятьдесят пять. Сильный, здоровый человек. Людей

его возраста партизанило много. Так что упрек мой он принял всерьез, и в ответе его звучала обида.

- То не правда, начальник, что я не партизан. Погляди ты, начальник, на поля наши. Сунься во дворы общественные, побачь, як працюет народ. В полсилы, в четверть силы, а то и зовсим против того, что дело подсказывает. Як же мы, начальник, не партизаны, коля нимець с автоматом и плеткой не расстается...

Старик был прав. Достаточно было взглянуть на крестьянские поля, чтобы понять, как плохи дела оккупантов. Следы массового саботажа лежали на всем. Не прошло еще и года, как немцы вступили в эти районы, а сельское хозяйство было страшно запущено. Оно разрушалось не только крестьянами, но и самими немцами.

История этого разрушения была такой. Превосходный Урожай 1941 года был частично убран и вывезен до прихода немцев. Хлеб, оставшийся на полях, вытаптывали и сжигали армии. Но его было так много, что и немцам кое-что досталось. Убрали они его, конечно, не своими силами. Немецкая организация уборки в 1941 году выражалась в единственном "мероприятии" - под страхом всяческих репрессий они требовали от крестьянства, чтобы хлеб был убран. Потом немцы его конфисковали. Крестьянам осталось только то, что удалось зарыть в ямы, скрыть от глаз оккупантов и предателей.

Осенью 1941 года фронт был еще близок. Озимых поэтому почти нигде не сеяли. Но фронт отдалился, немцы утвердили свою власть, провели так называемую "реформу", начали по-своему организовывать сельскохозяйственное производство.

С недоумением и нарастающим презрением следило крестьянство за потугами гебитскомиссаров и новоиспеченных помещиков. В своих газетах и листовках немцы, при помощи националистов и потерявших стыд продажных писак, всячески хаяли колхозы, совхозы и всю систему социалистического земледелия. Ну и, конечно, превозносили свои организационные способности.

Они говорили крестьянству: "Вот увидите, как поставим дело мы на основе германского опыта, германской индустрии, германской точности, аккуратности, культуры..."

Но еще зимой крестьяне поняли, что все это болтовня. Прежде всего оккупанты забрали зерно. Кое-где в общинах оставляли семена, однако, начиная с декабря, стали вывозить и их. Боялись, что попадет к партизанам. Рабочих лошадей отобрали почти всех. Оставили волов. Но сколько тех волов в колхозном селе? Разве можно на них провести весеннюю пахоту? Разве можно пробороновать и засеять огромные колхозные

просторы этими дедовскими средствами?

МТС были эвакуированы. А те тракторы, которые вывезти не удалось, почти все были выведены из строя. Кое-где немцы пытались наладить зимний ремонт оставшегося тракторного парка. Но из этого ничего не вышло. В своих газетах они писали, что скоро из Германии придут тысячи новых машин, что машины эти не чета советским. Повсеместно была объявлена мобилизация трактористов, механиков, шоферов.

И что же, пришла весна. Гебитскомиссары, ландвиршафтсфюреры, коменданты потребовали от крестьян, чтобы те вывели на поля быков и коров. Ни тракторов, ни автомашин оккупанты не привезли. А мобилизованных шоферов, механиков и трактористов под стражей усадили в вагоны и отправили в Германию.

- Яки ж то хозяева, - говорили крестьяне. - Воюют за землю, мало им своей нимецькой земли, а вот она теперь пустует, бурьяном зарастает, а наших хлопцив та дивчат к себе везут пахать.

Зерно для сева в некоторые общины привезли. Приставили специальных немцев-контролеров, чтобы те следили за расходом посевного материала. Но семена дали скверные, плохо отсортированные, зараженные клещем, амбарным долгоносиком и сорняками. На работу в общинах выходили только по принуждению. Часть людей саботировала сознательно, не желая работать на немцев. Другая часть - просто не видела никакого смысла работать. Немцы обещали тем, кто будет активно помогать в борьбе с партизанами, с советским активом, с коммунистами и комсомольцами, тем, кто отличится, кто будет выполнять нормы на севе, дать самые лучшие участки земли при распределении. Но уже никто не верил ни одному слову немцев. Даже полицаи. Их немцы тоже заставляли выходить на общинные поля. Но и они работали кое-как.

Пришла пора уборки. В конце июня и в июле, проходя по полям, мы видели картину страшного запустения. На общинных посевах сорняки нигде не выпалывались. Да и засеяно-то было никак не больше половины колхозных земель. Только на приусадебных участках, да и то не везде, крестьяне следили за своими посевами. Убирали тайком, ночами. Молотили цепами во дворах, а то и в хатах.

Вся надежда крестьян была на картошку. На нее оккупанты охотились не так рьяно.

И крестьянство делало, на основе своих наблюдений, следующие выводы.

- Зарвались нимецьки гадюки. Не можут воны хозяйнуваты.

Яки ж то хозяева, колы воны тилько тягнут; за землей не ходят, не смотрят. Пришли, усе забрали, повытаптывали, пожгли. И с этим-то справиться не можут, дальше грабить идут. Так воны долго не продержатся, побегут!

В городах немецкая экономическая политика сводилась также к грабежу. Крупные предприятия повсеместно были закрыты. Только в некоторых цехах располагались ремонтные мастерские танковых, автомобильных и авиационных частей. Остатки оборудования и даже металлический лом вывозили в Германию. Железные изгороди садов, памятники, кладбищенские кресты и плиты - все забрали, ничем не брезгали. В первый период еще пробовали наладить кое-где производство. Но летом 1942 года начали массовую мобилизацию молодежи для отправки в Германию. В первую очередь отправляли квалифицированных рабочих.

Это не было признаком немецкой мощи. Украинский народ переживал трагедию, но видел, что немцы слабеют с каждым днем.

Сопротивление усиливалось. В леса уходили новые сотни и тысячи людей. Бежали от мобилизации, бежали из общин, бежали из немецких поместий.

Не все, кто приходил в леса, присоединялись к большим отрядам; некоторые группы спасались просто от преследования немцев. Плохо вооруженные или даже безоружные, такие группы пользовались щедротами природы: теплом солнца, тенью лесных деревьев, речной водой. Вот только природа, к сожалению, накормить их как следует не могла. Недостаточно сильные и решительные, чтобы нападать на немецкие обозы, они обращались за продовольствием в села. Иждивенцев у крестьян появилось довольно много. Беда состояла в том, что некоторые такие группы не имели политически выдержанных вожаков. Голод не тетка. Под влиянием голода они, случалось, таскали кур, гусей, а то и бычка у крестьян. Сами того не понимая, они наносили этим вред партизанскому движению.

Обком обсудил вопрос о таких группах. Положение было двойственное. Самый факт роста лесного населения свидетельствовал об усиливающемся сопротивлении немцам. Это хорошо. Но группы, которые только скрываются, гуляют по лесам, - это же еще не партизаны. Было решено привлекать их в областной отряд, вооружать и включать в наши части. Проводить среди них политико-воспитательную работу.

28 июля в Рейментаровских лесах было окончательно оформлено соединение партизанских отрядов.

Не знаю, где впервые появилась такая организационная

структура. Мы к этому времени встречались только с отрядами. Правда, незадолго до того наши разведчики связались с отрядами Героя Советского Союза Ковпака и Сабурова. И у них и у нас было большое желание встретиться, познакомиться, провести совместную серьезную операцию. 7 июля наша дальняя разведка доложила, что соединенные отряды Ковпака и Сабурова ведут бои на левом берегу Десны. Некоторые их части форсировали Десну и заняли районный центр нашей Черниговской области - село Гремяче. Мы двинулись им на помощь.

Прошли уже свыше сотни километров, когда узнали, что немцы бросили против Ковпака и Сабурова крупные силы, блокировали подступы к Гремяче и 11 июля заставили партизан вернуться за Десну. Наша встреча не состоялась. Встретились мы только в 1943 году, когда шли в рейд на запад.

Наши разведчики, побывавшие у Ковпака, рассказали, что отряд его, так же как и наш, состоит из многих отрядов. У него единое командование. Все подчиняются Ковпаку и комиссару Рудневу. Называлось ли такое содружество соединением, - не знаю. Да это и не важно.

Жизнь подсказала нам решение соединить группы черниговских отрядов еще в конце 1941 года. Они стали сперва взводами, а позднее ротами единого большого отряда имени Сталина. В марте 1942 года в Злынковских лесах мы действовали совместно с орловскими партизанами Маркова, Ворожеева и Левченко. Для согласования плана оборонительных и наступательных операций мы организовали тогда партизанский гарнизон. Ворожеев со своим отрядом от нас ушел. Марков и Левченко с той поры сопровождали нас повсюду. Присоединился к нам еще один довольно значительный отряд под командованием Тарасенко. Кроме того, как я уже сказал, небольшие группы советских людей, скрывавшихся в лесах, которые называть партизанскими отрядами было еще рано, тоже присоединялись к нам.

Почему мы не сделали их просто ротами или взводами одного отряда? Ведь, казалось бы, такое решение было самым простым и естественным. Тем более, что некоторые самостоятельные отряды были меньше роты, а некоторые даже меньше взвода.

Этого не следовало делать. Причина в том, что организовались эти отряды не в Черниговской области. У каждого из них была своя славная история возникновения. Каждый из них в районах организации имел связи и часто пополнялся за счет своих районов. Колхозники, уходившие в леса, искали "свой отряд". Этого одного было достаточно, чтобы сохранить за ними

старое название.

Вторая, не менее важная, причина была в том, что слово "соединение" показывало небольшим отрядам и группам, действующим порознь в ближних лесах, что и они могут присоединиться к нам, в названии этом была видна и наша конституция.

Командиром соединения обком утвердил меня, комиссаром - товарища Дружинина, начальником штаба - Рванова. Командиром областного отряда имени Сталина был утвержден Попудренко, комиссаром остался Яременко. В состав соединения вошли отряды: областной имени Сталина, имени Ворошилова, имени Кирова и имени Щорса. Были созданы службы соединения: диверсионная, разведочная, минометная батарея, хозяйственная часть, особый отдел, управление связи, отдел пропаганды, кавалерийская группа.

Одновременно с созданием соединения все отряды в торжественной обстановке приняли общую партизанскую присягу. Среди нас появились уже бойцы и командиры, отмеченные правительственными наградами: 18 мая 1942 года 46 наших партизан были награждены орденами и медалями, а мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Тут же было установлено обязательное ношение красной партизанской ленточки на головном уборе.

*

В конце июля мы узнали о новом приказе Гитлера. Он требовал уничтожить партизан к 15 августа. Выделил для этой цели шестнадцать дивизий "по наведению порядка". Дивизиям были приданы танковые, авиационные и артиллерийские части.

Действительно, вскоре на Украину стали прибывать новые полки и дивизии. Среди них были теперь не только немцы и венгры. Появились финны и итальянцы.

Разумеется, приказ Гитлера выполнен не был. Однако преследовать нас стали большими массами войск. Столкновения с ними участились. И еще один существенный результат приказа: так как вновь прибывшие войска жгли села и грабили население со свежими силами, разруха и голод значительно увеличились. Не могло это не отразиться и на продовольственном положении партизан.

Начиная с конца июля, противник не оставлял нас в покое. Преследовал по пятам. Мы находились в почти беспрерывном движении. И, случалось, попадали в очень тяжелые переделки. Особенно скверно пришлось нам во второй половине августа. Мы потеряли тогда значительную часть своего конского поголовья в болотах. Многих лошадей вынуждены были съесть. На некоторое

время из-за отсутствия аккумулятора мы даже потеряли связь с Москвой и фронтом. Однако и в этот период мы не ослабляли своих ударов по врагу.

В каждом отряде нашего соединения, по приказу командования, велся дневник боевых действий. Дежурные "летописцы" назначались командирами отрядов. Менялись они помесячно, а некоторые охотники писать становились как бы штатными историками отрядов. Писали, разумеется, не регулярно, а когда позволяла обстановка. Факты каждый летописец подбирал по своему вкусу. Единственное требование, которое к нему предъявлялось командованием, - правдивость.

На привалах наши "летописцы" подзывали к себе бойцов, опрашивали их, делали заметки, а на больших стоянках писали. Нам удалось сохранить дневники почти всех отрядов. Но установить сейчас, кто является автором того или иного отрывка, совершенно невозможно.

Период с конца июля по ноябрь 1942 года хорошо и достаточно подробно освещен в дневнике областного отряда. Привожу его, начиная со знаменательного дня 28 июля, когда было создано соединение и принята присяга.

ДНЕВНИК

боевых действий областного отряда имени Сталина

соединения партизанских отрядов под командованием

Героя Советского Союза А. Ф. Федорова

После читки приказов и принятия присяги состоялся концерт художественной самодеятельности. Его организовали и сами принимали в нем участие артисты Черниговского областного театра имени Шевченко - партизаны Хмурый, Коновалов, Исенко.

Вечером ожидали самолет и жгли костры. Но ожидания наши были напрасны.

Разведка донесла, что в Холмы и Корюковку прибыло большое количество немецких войск. Днем со стороны Богдалаевки наступала группа мадьяр и немцев. Под натиском партизан противник отошел, бросив крупнокалиберный пулемет и несколько человек убитыми, в том числе одного офицера.

29 июля начались бои у переправы из села Савенки. Противник обстреливал нашу оборону из артиллерии и минометов, но переправиться ему мы не дали. На наших глазах немецкий офицер расстрелял солдата, который отказался выполнить какое-то его распоряжение.

Ночью немцами были заняты села Рейментаровка, Савенки, Самотуги, Желтые, Сядрино, Олешня, Богдалаевка. Всю ночь был слышен гул машин. В Савенки прибыли танки.

Тридцатого немцы перешли в наступление и дошли до

заставы лагеря. Завязался жаркий бой под Богдалаевкой, где стояла вторая рота Сталинского отряда под командованием Балабая. Всю тяжесть боя принял на себя второй взвод этой роты под командованием Быстрова Он не дал немцам пройти к лагерю. В этом бою сам Быстров был ранен в ногу. Бойцы Попов и Гончаренко в упор расстреливали немцев со стороны Савенок. Особенно надоедал нам один миномет.

Наш минометчик товарищ Мазепов вступил с ним в поединок. Победа осталась за Мазеповым.

Пошли в наступление танки, но застряли в болоте и остались на месте. К ночи противник окружил лагерь засадами. У нас патроны на исходе.

Четвертой роте приказано пойти на аэродром принимать самолет, но там оказались немцы. Пришлось с боем уходить. Всю ночь маневрировали, а к утру вышли в лес.

Усталые люди падали под деревья. За прошедшие сутки никто ничего не ел.

Вдруг послышался лающий крик немецкой команды. Противник подошел к нам вплотную и не успел открыть огонь, как заработало партизанское оружие. Немцы стреляли куда попало, удирали, бросив своего крикливого офицера с дыркой в голове.

Было приказано занять круговую оборону. Вокруг нас все время слышался гул автомашин. Это противник готовился наступать на лагерь со стороны села Жукли. Показались конные разведчики, посмотрев в бинокли, вернулись в село.

Часов в одиннадцать показалась немецкая колонна.

Партизаны хорошо замаскировались. Васька Курносый (так его все звали, фамилию его знал только штаб) из Кировского отряда влип в ручки станкового пулемета, когда-то отнятого Авксентьевым у мадьяр.

Колонна подходила все ближе. Мы открываем ураганный огонь. Немцы падают, бегут, ползут, стараясь укрыться. "Ура-а-а!.." Партизаны пошли в атаку и загнали фрицев в село Жукли.

Возвращаясь обратно, подбирали трофеи и вытряхивали дохлых фрицев из их обмундирования.

Было подобрано два ротных миномета, три ручных пулемета и тысячи две патронов. Битых фрицев насчитали более шестидесяти. С нашей стороны потерь не было.

Из Жуклей начала бить пушка. Снаряды падали невдалеке от лагеря. На них никто особого внимания не обращал, так как обед был готов и все старались утолить голод.

С наступлением темноты лагерь был нами оставлен. Артиллерия усилила обстрел места нашей дневки. Ребята в

сторону взрывов показывали кукиши: "на, мол, выкуси".

Нашлись нытики, которые струсили. Над ними смеялись, не отвечали на их многочисленные трусливые вопросы. Большинство нытиков - новички.

Старые партизаны были уверены, что наше командование из окружения выведет. Бывало с нами и похуже.

___

31 июля расположились между хутором Кистер и Жуклями. День прошел спокойно.

Дан приказ: оставить повозки для раненых, остальные бросить и с наступлением темноты, соблюдая абсолютную тишину, двинуться в путь.

Прошли между Богдалаевкой и Ченчиками, недалеко от впадения реки Олешня в Убедь. Остановились в старом лагере возле хутора Будущее.

В полдень послышался гул машины и одиночные выстрелы со стороны Радомки.

Противник нас преследовал.

___

Ночью на 2 августа пошли старым своим маршрутом в Блешнянские леса и стали на дневку. Часов в двенадцать послышалась артиллерийская стрельба. Это фрицы обстреливали Тополевские дачи, думая, что мы там.

- Лупи! У вас боеприпасов хватит, - шутили ребята.

3 августа, форсировав реку Сновь, мы дневали уже в Соловьевском лесу Орловской области. Путь наш проходил по давно известному маршруту.

Днем немцы бомбили Блешнянский лес.

В 20 часов двинулись в путь через Соловьевку. Население радостно встречало бойцов. Выносили молоко, хлеб, табачок, спрашивали, скоро ли придет Красная Армия. Искренно удивлялись, что так много партизан.

Дежурный по соединению - Балицкий. Когда колонна прошла село, он вернулся, чтобы проверить, не застрял ли кто. Навстречу ему попалась старушка; он ее спрашивает:

- Тіточко! Чи не було тут у вас партизанив?

- Булы.

- Скилько?

- Мільон.

- Тіточко, а вы до тысячи можете считать?

- Та чого вы до мене придираетесь. Мільон не мільон, а земле було тяжко.

Днем обнаружили в лесу ямки, в них спрятаны патроны, а вскорости пришли к нам их хозяева - группа парашютистов,

которая недавно здесь высадилась.

С темнотой лагерь переменил место и расположился между Софиевкой и Великими Лядами.

До 14 августа с немцами шли бои на отдельных участках обороны. Патронов становится с каждым днем меньше. Пополнять неоткуда. Противник занял все окружающие села.

Продуктов нет. Питаемся кониной. По двести граммов на душу.

Утром 15 августа не успели ободрать очередную лошадку, как немцы начали артиллерийскую подготовку одновременно с трех сторон. Били из минометов и пушек. Потом показались солдаты с собаками-ищейками.

Партизаны дали хорошего перцу и фрицам и их бобикам, в лагерь не пустили.

Командир соединения Герой Советского Союза Федоров дал приказ оставить повозки, груз забрать на вьюки, для раненых сделать носилки, вынести раненых на плечах. Приказ был выполнен быстро.

Наступила абсолютная темнота, и мы двинулись в путь. Перешли шлях Воронова Гута - Софиевка и потом по болоту.

Носилки с ранеными несли на плечах. На болоте большие кочки, часто спотыкались. Раненые стонали, умоляли их не трясти.

Перешли шлях, остановились в лесу. Сразу все легли отдыхать, выставив заставы и дозоры, а повара начали варить конину. По воду ходили километра за два в канаву.

Отдохнув и поев мяса, многие пошли к воде, чтобы помыться и постирать белье.

Начальник хозчасти Капранов радовался: "От накормив сьогодні хлопців! Дав по 500 граммів конины!"

А во вчерашнем нашем лагере бегали сородичи Геббельса и щелкали фотоаппаратами, снимали брошенные повозки и ненужное тряпье, чтобы поместить в газете очередную фальшивку с заголовком: "Партизаны уничтожены все до единого. Вот что от них осталось".

___

Разведка выяснила обстановку на пути дальнейшего нашего движения. Простояли мы здесь два дня, после чего пошли на север по густому, болотистому лесу к железной дороге. Перешли ее у хутора Красный Уголок.

Во время перехода колонны промчался поезд на восток, и у многих чесались руки хотя бы обстрелять его. Но обстановка не позволяла.

У хутора Медвежье остановились, чтобы нарыть картофеля.

Рыли руками и ссыпали в сумки, мешки, карманы. Картофель очень давно не ели.

___

Несколько дней вели разведку, искали брод через реку Ипуть. Пришлось прибегнуть к помощи старика-лесника. С этого момента мы следили за каждым его Шагом, так как сын его служит в полиции.

По приказу командования соединение двинется дальше. А здесь для отвлечения внимания и диверсионной работы остается группа во главе с Балицким.

___

23 августа распрощались с группой Балицкого. К 19 часам приготовились к движению. В 19.30 - шагом марш.

Колонна бесшумно двинулась, только изредка под ногами слышно похрустывание сухих веток. Идем болотистой местностью. Идти трудно, каждый партизан несет на себе свои вещи, боеприпасы, оружие, только кухня на вьюках. Пройдя восемь километров, сделали привал вблизи домика лесника. Здесь начинается переправа через реку Ипуть.

Берега топки. Навьюченные лошади, утомленные в походах, еле вытаскивают ноги. Часть обессилевших лошадей так и не смогла выйти. С них снимали вьюки и распределяли по бойцам.

К полуночи достигли реки. Бойцы разделись донага. Глубина больше полутора метров, поэтому весь груз надо нести над головой.

Реку форсировали благополучно. Теперь мы на белорусской земле.

Утро. Не спуская глаз смотрели бойцы на село, думая про себя, как бы выйти из колонны, чтобы достать кусочек хлеба или вареную картофелину. Но без разрешения никто не имеет права никуда уходить.

Вскоре достигли места дневки, и отряд наш начал размещаться. После размещения стали рыть колодцы, чистили картофель, чтобы сварить завтрак, а некоторые легли отдыхать.

Отряд, посланный на уничтожение противника, окружил общежитие полицаев и начал вести огонь по дому. Ошеломленные предатели, не ожидавшие партизан, начали вылетать из здания в одном белье. Меткий огонь партизан уничтожал их тут же. В этом бою был убит политрук Леоненко, ранен Миша Егоров и без вести пропал пулеметчик Есентимиров.

Партизаны забрали все продукты, приготовленные немцами: масло, хлеб, мед. Завтрак был вкусный и богатый.

___

На пути движения было много рябины. Мы с жадностью

срывали кисти с ягодами и ими питались на протяжении дня и ночи.

25 августа форсировали реку Беседь. Отряд не делал привала, стараясь скорее оторваться от противника, который подтягивал силы. Ребята еле передвигают ноги. Через каждые двести-триста метров падали на сырую землю от усталости.

Командование разрешило отдых на четыре часа, чтобы сварить обед.

Заготовили дрова, вырыли колодцы, как вдруг передается приказание: "Отставить варить обед, будет только отдых на два часа".

Не зная причины, бойцы начали ругаться. Но приказ есть приказ. Делать было нечего, пришлось ложиться на мокрую землю. Уснули, как мертвые.

Через полтора часа команда: "Приготовиться к движению".

Третьи сутки идем с боями почти без пищи и сна.

С нами вместе шагают Федоров, Попудренко, Дружинин, Яременко, Рванов. Своих лошадей они отдали бойцам, которые не могут идти.

Километров за десять до Чечерских лесов влево село. Командование решило произвести хозяйственную операцию.

Выделили боевую группу под командованием политрука третьей роты Кудинова. Несмотря на усталость и голод, партизаны с радостью, пошли на эту операцию. Полицейские после первых же выстрелов разбежались. Партизаны узнали у крестьян, где хаты полицаев, где хата старосты.

В хате заместителя старосты разведка обнаружила бочку меда, приготовленного немцам. Ребята, видя, что разведчики несут мед, быстро ввалились в хату. Там получилась неразбериха. Крик, шум, ругань - все смешалось в одно.

Некоторым бойцам меду не досталось, и они спросили у хозяйки, есть ли еще. Она сказала, что больше нет. Но в кладовой нашли еще две бочки меду. Потом обнаружили еще пять бочек. Эти пять бочек доставили в лагерь и организованно распределили по подразделениям.

26 августа. Вошли в Чечерские леса. Расположились между хутором Ямицким и селом Высокая Грива. По лесу ходили неизвестно чьи коровы, и начальник хозчасти соединения Капранов этому очень обрадовался.

Хозяевами коров оказались светиловские и чечерские партизаны. Их командир после неудачного боя ушел через линию фронта. Отряд, разбившись на небольшие группы, сидел в кустах, никуда не показывая носа.

Командиру соединения удалось собрать эти группы и создать

Светиловский и Чечерский отряды. Они примкнули к нашему соединению.

Отсюда совершили удачные налеты на полицейские гарнизоны сел Полесье и Казацкие Болсуны.

В первых числах сентября перешли реку Покоть.

На дороге Чечерск - Сидоровичи подорвали несколько автомашин.

11 сентября навязали нам бой. Мы замаскировались на опушке леса южнее села Сидоровичи. Вскоре из села вышла колонна гитлеровцев. Подпустив их метров на пятьдесят, мы открыли огонь из пулеметов, автоматов и винтовок. Гитлеровцы побежали назад. Падали убитые, орали раненые.

Медсестра Валя Проценко внимательно следила за немцами, ползавшими по полю, и указывала пулеметчику на каждого немца, старавшегося скрыться. Валя была ранена в плечо, пулеметчику Саше Широкову пуля разорвала ухо и поцарапала голову.

На шляху у мостика поставили мину с таким расчетом, что крестьянская повозка может пройти, а грузовая автомашина обязательно должна подорваться. Пулеметчики легли в засаду. Показался грузовик. Наехал на мину задним левым колесом.

Оглушительный взрыв - и машина с патронами и мост полетели в воздух. Пулеметчики подобрали обрывки документов, газет и вернулись в лагерь.

___

12 сентября. Приказ приготовиться к дальнейшему движению.

Непроглядная ночь, проливной дождь. Наша колонна движется на север. В пути несколько раз останавливаемся, так как колонна разрывается. Приходится держаться за хвост лошади, чтобы не оторваться от своих.

Утром такой же дождь. Возле хутора Гута Осиповская остановились, чтобы сварить обед. Над лесом поднялось облако дыма. Это заметили фрицы. В лагерь полетели снаряды. Из хозчасти прибежал во взвод диверсантов какой-то боец, спрятался от снарядов за ящиками с толом. Это вызвало общий хохот.

Вечером колонна двинулась в путь. Прошли поселок Криничный, южнее Михайловки. Здесь на лугу паслись немецкие лошади, и ребята воспользовались этим, чтобы заменить своих измученных лошадей.

Обошли с юга Ларневск, свернули на северо-восток, с юга обошли село Медведи и там, на двух ветряных мельницах, забрали муку, а вместе с ней и дежурного полицейского.

15 сентября остановились в лесу юго-восточнее села

Попоротня. Воды не было, пришлось рыть глубокие колодцы и дежурить с кружкой, пока натечет вода, чтобы ее зачерпнуть и вылить в ведро. Боец Лопачев рассказал: "Я сидел в колодце, ведро стояло наверху почти полное. Еще наберу одну кружку и понесу на кухню. Зачерпнул, подымаюсь, и... на меня глядит благодарными глазами худая кляча, роняя изо рта капли драгоценной влаги. Ведро пустое".

___

16 сентября вечером шагали. Лес кончился. Поле. Ясная лунная ночь. Трава белая от мороза. Подошли к реке Беседь между местечком Хотимок и Киселевкой. Началась переправа. Бойцы быстро раздеваются и входят в воду, неся свои пожитки над головой. Шуму нет, только слышен плеск воды, да у ребят стучат зубы от мороза.

___

Два дня отдохнули и начали готовиться к большой операции, которую нам обещали. Идти в бой рвется каждый партизан и очень огорчается, когда почему-либо получает отказ.

___

Гордеевская операция.

23 сентября 1942 года вечером группа партизан человек в триста вышла из лагеря с задачей разгромить гарнизон районного центра - Гордеевки.

Кроме того, предстояло уничтожить спиртозавод в поселке Творишино. Командовать операцией назначен Попудренко.

На спиртозавод отправлялась рота отряда имени Ворошилова во главе с Марковым.

Основной удар по райцентру наносили первая и вторая роты отряда имени Сталина. Несколько групп отряда имени Щорса залегли у дороги.

К 4.00 24 сентября подразделения подошли к исходному положению. Зазвенела пила, и телеграфные столбы повалились на землю. Связь была прервана.

Щорсовцы разошлись по засадам. Оставалось еще два часа до начала операции, поэтому почти все бойцы улеглись в придорожную канаву, чтобы отдохнуть и хоть немного укрыться от холодного осеннего ветра.

Командиры собрались возле Попудренко, который давал последние указания.

Скоро командиры начали подымать свои подразделения, чтобы принять боевой порядок. Все, ежась от холода и стараясь не шуметь, занимали свои места.

На правом фланге была первая рота, на левом - вторая. Вытянувшись в шеренгу, пошли, зорко вглядываясь в улицу

местечка.

В 6.00 ударил наш батальонный миномет. Это сигнал к атаке. Мина просвистела, и утреннюю тишину разорвал резкий взрыв. Все бросились бегом к домам, бежали по улицам. Вот треснуло окно, и из него выскочил полицейский, пробежал немного и повис на заборе, как платье для просушки.

Подбежали к дому начальника полиции. Он в одних подштанниках со своей квартиры проскочил на квартиру учительницы, откуда выпрыгнул в окно.

Один из партизан крикнул: "Стой, не стрелять, ребята, я его догоню", и бросился со всех ног за перепуганным начальством.

Иудушка был пойман и тут же расстрелян.

Первая рота подошла к комендатуре. Фрицы, спрятавшись за кирпичный гараж, стали перебрасывать через него гранаты, не давая партизанам подойти.

Сколько командир роты ни кричал, ничего не получилось. Ребята сами орали, но вперед не шли. Тут двинул дело Сережа Мазепов. Изловчившись, он убил немца, который метал гранаты, и крикнул: "Ребята, немцы удирают, за мной, бегом!" И комендатура была занята.

Остатки немцев удрали на мельницу, где нашли свою смерть.

Партизаны вошли в центр. Бой в основном прекратился, только по огородам и окраинам местечка партизаны вылавливали поодиночке фрицев и их слуг. Был пойман также брюхатый бургомистр.

Освободили арестованных. Среди них оказался учитель. Он по приказу немцев собрал на районное совещание учителей и там вдруг завел патефон и начал проигрывать пластинки с советскими песнями.

Население, не ожидая окончания боя, вышло почти все на улицу. Нас жадно расспрашивали о фронте, о Советском Союзе, о Красной Армии. Охотно помогали нам вылавливать немцев и полицейских. Один житель проткнул вилами немецкого следователя.

Тут нам показали немецкую листовку. В ней за голову Федорова обещали пятьдесят гектаров удобной земли и пятьдесят тысяч деньгами. Кроме того, соль, спички, неограниченное количество рому или водки по выбору. За живого или мертвого - все равно. За Попудренко обещали тридцать тысяч деньгами. За средний комсостав по десять тысяч. За рядового партизана пять тысяч и тоже соль, спички и керосин.

Мы открыли склады и роздали населению соль, спички и другие товары.

3 октября после операции отдохнули сутки и повернули

назад. Противник из засады обстрелял нашу колонну. Немедленно развернулись первая и вторая роты сталинцев.

Заработал пулемет Авксентьева, Сережа Мазепов метко долбил противника из миномета. Бывшие в засаде немцы побежали, бросив сорок солдат убитыми и четыре горящие автомашины.

С нашей стороны были потери - двое убитых и трое раненых.

Быстро перешли мост, а затем железную дорогу, прошли хутор Соколовский и остановились в лагере местного отряда Шемякина.

Тут простояли дней десять. Народ отдыхал, веселился. Вечером танцевали под гармошку и пели песни. Отделом пропаганды был подготовлен очередной номер живой газеты.

В этом лесу пришла к нам группа военнопленных из тринадцати человек во главе с Костей Лысенко, служивших в немецкой армии и бежавших оттуда, чтобы перейти к нам; они принесли с собой тринадцать винтовок и три ручных пулемета.

Вскоре мы оставили гостеприимный лес.

Пошли по маршруту Осинка, Вьюково, Садовая, Котолино, где опять форсировали реку Ипуть. В селе Николаевка нас встретила партизанская застава.

___

Догнала нас группа Балицкого. Мы не виделись с нашими лучшими диверсантами больше двух месяцев. В последнее время не имели о них никаких сведений. Устроили им торжественную встречу. Командиры расцеловались с каждым бойцом по очереди и каждому поднесли французского вина, а тем, кто попросил, дали еще и спирту.

Храбрый командир диверсантов прочитал рапорт в присутствии всех партизан соединения:

"За время с 23 августа по 25 октября диверсионной группой, оставленной по вашему заданию на железных дорогах Бахмач - Брянск и Гомель - Чернигов, сделано следующее.

Убито 1487 немецких оккупантов, из коих 327 офицеров и один генерал. Ранено 582 немца. Уничтожено девять вражеских эшелонов: 10 паровозов и 125 вагонов. Приостановлено движение на этих магистралях в общей сложности на 191 час. Подорвано на шоссейных дорогах пять грузовых и одна легковая машина. Казнено десять старост и полицейских".

___

Лес, в который мы прибыли, в народе называется Клетнянскими дачами.

Размеры его довольно внушительные. Тянется он сплошной полосой, соединяясь на севере с Мухинскими и на востоке с

Брянскими лесами.

Сразу же по прибытии стали строить землянки и другие подобные сооружения.

Кроме нашего соединения, в этих лесах обосновались многочисленные отряды, большие и малые. В общем лес этот представлял собой гигантский партизанский лагерь.

Во все стороны расходились дороги и тропы к соседним отрядам: Шемякина, Шестакова, Зебницкого, Еремина, Горбачева, Антоненко, Клетнянскому районному, Мглинскому районному и др.

Тысячи непокоренных собрались здесь, чтобы мстить ненавистному врагу за поруганную землю, за кровь своего народа.

Эта территория в несколько сот квадратных километров поистине представляла собой партизанский край. Десятки сел и поселков жили свободной жизнью советских граждан, не зная гнета немецких оккупантов.

Население помогало партизанам продовольствием, теплой одеждой, средствами транспорта.

В деревне Котолино работала водяная мельница производительностью в 300 пудов в сутки, обслуживала все партизанские отряды.

В деревне Николаевка был организован пункт обработки шерсти. Жители этих сел охотно давали партизанам хлеб, картофель, сено, молоко для раненых. В своих хатах размещали госпитали.

В свою очередь партизаны охраняли труд и покой советских граждан, несли гарнизонную службу во всех селах вокруг леса в радиусе пятнадцати-восемнадцати километров.

Молодежь окружающих сел помогала бойцам нести гарнизонную службу, вместе с бойцами-партизанами дежурила на заставах, в дозорах, секретах, выделяла проводников. Девушки вязали рукавицы, шили-маскировочные халаты.

Партизаны доставляли в эти села газеты, регулярно снабжали их сводками Совинформбюро, а когда наладилась связь с Москвой, стали демонстрировать кинокартины, читать лекции силами квалифицированных лекторов, прилетавших к нам из советского тыла.

На поле у села Николаевка был оборудован аэродром для приемки самолетов с посадкой.

По приказу командования быстро расчистили площадь. Охрану аэродрома поручили второму взводу первой роты. По условному сигналу каждую ночь на поле вспыхивали костры.

10 ноября 1942 года ожидается первый самолет с посадкой.

Все для этого подготовлено. В 11 часов вечера послышался гул моторов. Ближе и ближе. В темноте вырисовывается силуэт самолета-гиганта. Несколько приветных кругов, и огромная машина садится на нашем аэродроме. Крики "ура".

Ликуют партизаны. Летчики охотно рассказывают им о Большой Земле, Москве, о заводах и колхозах. Угощают партизан папиросами.

В разгар беседы подъезжает командир соединения Герой Советского Союза Федоров.

Веселым взглядом окидывает он присутствующих.

"Ну, - говорит он, - до свидания, желаю успеха", - и быстро карабкается по лесенке в кабину.

Бойцы-партизаны ходят вокруг самолета, разглядывают его и гладят рукой. Заревели моторы, включен яркий свет прожекторов. Самолет дрогнул и побежал по белой глади поля, затем легко оторвался от земли и, сделав несколько прощальных кругов, взял курс на восток.

*

Стрелок-радист втащил лестницу, захлопнул дверцу. Я бросился к окну, но успел только увидеть, как мелькнул костер. Моторы взревели, самолет застучал, запрыгал на буграх: аэродром все-таки был далеко не идеальным. Еще несколько секунд, стук прекратился - мы оторвались от земли.

Мы оторвались от Малой, от Партизанской Земли и, если верить летчикам, через три часа будем на Большой Земле - в Москве.

Поверить в это очень трудно.

Даже теперь. Хотя самолет уже в воздухе и холод высоты все настойчивее лезет за пазуху.

Впрочем, холод это пустяки. Чувство, которое испытываешь, гораздо сложнее. Тут смешались и ликование, и мальчишеский задор, и задумчивость, и страх.

Не страх перед возможной катастрофой и смертью. Нет, страх перед мыслью о том, что можешь не долететь и Москвы никакой не будет. Многое рисуешь сейчас в воображении, закрыв глаза: Красная площадь, Большой театр, улица Горького и как ты идешь, и как открываешь дверь кабинета, и навстречу тебе поднимается из-за стола Никита Сергеевич Хрущев... Все это пока воображение: страшно, что вдруг что-нибудь случится и так оно и останется воображением.

Скажу по совести, - очень я завидовал Ковпаку, Сабурову, словом, всем тем партизанским командирам, которые попали в Москву в августе. Мне было известно, что я тоже был в числе приглашенных на совещание партизанских командиров в

Центральный Комитет ВКП(б). Читатель уже знает, что радиосвязь с нами была в то время потеряна. Центральный Комитет и штаб партизанского движения направили в немецкий тыл одну за другой две группы со специальным заданием найти отряд Федорова. Одна из них героически погибла, попав в расположение противника, а другой, после долгих блужданий по лесам, удалось в конце октября найти нас. Эти товарищи доставили нам новую портативную рацию и они же рассказали об августовском совещании в Кремле. Но если бы связные прибыли даже и вовремя, мне все-таки не удалось бы вылететь в Москву: немцы тогда нас так прижали, что мы не решились бы принять самолет.

Конечно, я, как и все мои товарищи, был очень взволнован известием о том, что в Москве состоялось совещание партизанских командиров. Связные, разумеется, не могли рассказать нам никаких подробностей об этом совещании. Но нам стало ясно, что ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У обеспокоены потерей радиосвязи с нами и отсутствием оперативных данных о нашем положении и наших действиях. Было также ясно, что партия ждет от нас подробного отчета.

Все мы понимали, что пройдет неделя, две, месяц и, как только представится возможность, к нам прилетит из советского тыла самолет, заберет тяжело раненых и, быть может, передаст мне приказ вылететь в Москву с отчетом.

И действительно: не прошло и двух недель, а я уже находился на пути в Москву.

В тяжелой полевой сумке, лежавшей у меня на коленях, я вез в Центральный Комитет партии отчет о боевой и политической деятельности нашего подпольного обкома. Последние две недели в условиях тяжелых переходов и непрерывных стычек с наседавшими на нас карателями обком неоднократно собирался. То ночью в хате на окраине села, то в поле у костра мы подолгу обсуждали каждую страницу отчета. А однажды, укрываясь от осеннего дождя в брошенном итальянском фургоне, мы размечтались... Да, именно размечтались, хотя составляли отчет. К тому времени мы уже знали, что Ковпак и Сабуров получили какое-то новое задание. Мы понимали, что отчет - это не только подытоживание прошлого, но и взгляд в будущее. В зависимости от того, как оценит партия наши боевые дела, нашу работу с народом, определится, что нам можно доверить в будущем.

Я раскрыл полевую сумку и перелистал отчет. В его скупых и лаконичных строчках воплотились все наши мысли, чувства, надежды, мечты... Я снова представил себе Москву и снова испытал страх, подумав о том, что с самолетом может что-нибудь

случиться.

Густая тьма за окнами и тусклый свет малюсенькой лампочки в кабине, слабые голоса товарищей. Кто-то из них трогает за плечо, спрашивает... Что-то ему кричишь в ответ...

Часто смотришь на фосфор циферблата, но не замечаешь, сколько прошло времени. Стараешься запомнить в другой раз, но когда опять взглянешь, оказывается, уже забыл, сколько было перед этим. Становится душно и очень холодно. Открывается дверца отделения летчиков. Второй пилот сообщает, что летим над линией фронта.

Я зашел к летчикам. И вдруг увидел фронт. Мы летим на высоте в четыре тысячи метров. Ночь ясная, но звезд нет. Скорее всего, я их не замечал: так много ярких огней сверкало над землей. Думаю, что радиус обзора был километров сорок. Зеленые, красные, фиолетовые, желтые ракеты прочерчивали темноту во всех направлениях. По земле ползли в разные стороны длинные лучи... Я не сразу догадался, что это фары автомобилей. Чувство тревоги пропало. Его заменило восхищение. Никогда я не видел такого фейерверка. Вероятно, салют победы в Москве был еще более ярким, но тогда о салютах нам ничего не было известно, а окончательная победа была еще далека.

Второй пилот прокричал мне что-то в ухо, и в то же мгновение лес лучей поднялся в воздухе. Столбы прожекторного света стали шарить вокруг нас. Блеснуло серебристое крыло нашего самолета. Красные шары стали лопаться совсем близко, немного выше и чуть ниже. Шум моторов, свирепый вой и свист ветра заглушали все звуки. Я довольно долго развлекался, глядя на эти красные шары. И вдруг понял - это снаряды. Это же и есть то самое, чего больше всего нам нужно бояться.

Самолет, по-видимому, шел вверх. Холод стал нестерпимым. Я вернулся в общую кабину и встал на колени у окна. Все, кроме тяжело раненых, тоже прилгнули к стеклам. Вскоре разрывы стали редеть. Мы пытались делиться впечатлениями. Дышалось легче: самолет резко снижался. Сердце уже не так быстро стучало. Мускулы болели: оказывается, все это время я был крайне напряжен.

Прошло минут сорок. Снова открылась дверца кабины летчиков, второй пилот сообщил, что приближаемся к Москве.

Аэродром был освещен очень скупо. Незнакомые лица окружили нас. Мне кто-то жал руки, я расцеловал какого-то незнакомого усача, потом встречающие расступились, женщина в военной форме протянула мне руку. Рукопожатие ее было резким и сильным. Она громко представилась:

- Подполковник Гризодубова.

Потом мы шли по лесной, слегка заснеженной аллее. Открылась дверь... Яркий свет, десятки белых столиков и масса людей в комбинезонах и меховых куртках... Нам все жали руки. Мы ели, поднимали стопки, говорили, отвечали на множество вопросов, хохотали.

Это была столовая летчиков подмосковного Монинского аэродрома. Оказывается, не для нас специально готовили пищу: тут в любое время суток прилетевшие из далеких рейсов могли пообедать.

В седьмом часу утра подполковник Гризодубова сообщила нам, что можно отдохнуть. Приготовлены койки. Я спросил, как устроены наши раненые, хотел пойти к ним. Но Гризодубова сказала, что они все уже в аэродромном госпитале и все спят.

В маленькой комнате я разделся и лег между двумя изумительно белыми простынями. Лег, отлично понимая, что не усну. Но с наслаждением вытянулся и вдыхал свежий запах чистого белья. И вдруг расхохотался: на стуле я увидел странные доспехи: огромную шапку с красной лентой, мадьярку куртку из пышной венгерской цыгейки, кожаное пальто, а поверх всего лежали автомат, четыре запасных диска, маузер, парабеллум...

Все это минуту назад было на мне и весило, наверное, не меньше пуда. Вот почему мне сейчас так легко. В последнее время я почти никогда не снимал с себя всей этой амуниции.

Ждали представителей ЦК КП(б)У и Украинского штаба партизанского движения. Товарищ Гризодубова сказала, что уже соединилась по телефону с гостиницей "Москва": там нам приготовили номера. Сейчас приедут за нами машины.

Но машин не было. Мы лежали часа два, разговаривали. Потом Володин он был москвичом и все здесь знал - предложил не ждать, а ехать электричкой.

Идея нам понравилась. Мы быстро оделись и, распрощавшись с гостеприимными хозяевами аэродрома, пошли на станцию Монино.

*

Монино - конечная станция. В поезде сперва было свободно. Одновременно с нами в вагон вошло только несколько женщин и школьников. Потом рядом со мной сел старый рабочий.

Мальчишка лет восьми тыкал в нашу сторону пальцем. А потом, когда народ стал прибывать, мы заметили любопытные взгляды, обращенные на нас. Первым заговорил со мной старик:

- Откуда вы, сынок, такие?

- Какие такие, папаша?

- Кто вас поймет - оружия понавесили, будто в бой собрались. По одежде будто не солдаты...

Чумазый ремесленник вмешался и звонким голосом сказал:

- Партизаны.

- Как ты узнал? - спросил Яременко.

- Автоматы немецкие, усы, ленточки. Каждый грамотный человек поймет. Бороды вы, наверное, сбрили, да?

Так завязалась беседа. Минуту спустя нас обступили. Входящие на других станциях жались к центру вагона. Мы стали предметом всеобщего внимания. Посыпались вопросы. Пожилая женщина крикнула через головы людей:

- А нет ли у вас Морозова? Виктор Николаевич Морозов. По радио передавали, что служит в партизанском отряде, а где - не сказали.

Интересовались решительно всем. Когда кто-нибудь из наших ребят говорил, в вагоне становилось необычайно тихо, как на лекции. Внимание людей нас взволновало и растрогало. Мы заметили, что у москвичей преувеличенное представление об опасностях, которым подвергаются партизаны. Когда мы пытались развеять эти страхи, слушатели протестовали:

- Это вы скромничаете, знаем...

Я сказал ремесленнику, что ребят его возраста у нас в отряде больше двадцати. Мальчик сперва загорелся:

- А можно к вам записаться, правда? Я бы очень хотел, у меня два брата на фронте, я бы им помог!

Кругом рассмеялись. Он смутился, покраснел:

- Нет, я понимаю, - сказал он, глядя в окно, - надо быть совсем другим...

- Правильно, - подтвердил мой сосед - старик. - Надо быть героем. Партизаны - это, брат ты мой, люди особого закала и выдержки, мы с тобой мало каши ели.

Это в сущности очень вредное представление о партизанах, как о каких-то чудо-богатырях, внушали газетные очеркисты и литераторы. Я позднее, почитав в Москве газеты и журналы, увидел, что рассказы о партизанских подвигах нередко преувеличены. Герои этих очерков так безгранично храбры и необыкновенны, что даже совестно: почему ты не такой. И, конечно, рядовой читатель думает: "Куда мне равняться с такими смельчаками". Преодоление страха - вот о чем мало пишут. А это и есть самое главное. Обидно было также и то, что нет в наших рядах писателя, который мог бы правдиво рассказать о том, как самые обыкновенные люди работают и учатся в лесах, как героизм становится необходимостью, частью общей дисциплины и сознания.

А мы в свою очередь удивлялись всему тому, что видели. Я, по всей вероятности, не очень деликатно разглядывал худую

высокую женщину в очках. На плече она держала, как ружье, лопату с надетой на нее папкой для бумаг; даже ленточки были завязаны вокруг черенка. Улыбнувшись, она сказала:

- Вы так на меня смотрите...

- Откровенно говоря, - не на вас, а на лопату...

- В самом деле? Да ведь правда, это, должно быть, смешно с непривычки. А вы посмотрите вокруг...

Я последовал ее совету и тут только заметил, что лопаты были у многих - завернутые в тряпки, в бумагу... И почти все пассажиры - на коленях, за плечами, в руках - держали наполненные мешки и кошелки.

- Картошка-кормилица, - серьезно объяснила молодая работница. - Мы, товарищи партизаны, герои лопаты... А что вы думаете, - разгорячившись, продолжала она, - зачем смеяться? Тут, поди, каждый той же лопаткой траншеи вокруг Москвы рыл...

Замечательна эта способность советского человека - просто и душевно разговаривать во всех условиях. Десять-пятнадцать минут общения - и мы уже прекрасно понимали друг друга, и казалось, что знакомы много лет.

- Жалко, что немецкие поезда не ходят с такой скоростью! - воскликнул Балабай.

И не только мы, почти все пассажиры его поняли и рассмеялись.

- Вы, небось, приучили фрицев ездить медленно! - с пониманием дела заметила проводница вагона. - На таком ходу, если мина, - каша получится, верно, папаша? - обратилась она ко мне.

Я взглянул на нее с интересом. Было ей никак не меньше тридцати лет.

- Рано вы меня в папаши...

- А сколько вам?

- Сорок.

- Да ну! Не верится что-то... И вы, верно, не поверите, что мне двадцать два. Вот и считайте.

Она весело расхохоталась, и я с ней, и кругом все стали улыбаться. Почему? Казалось бы, надо загрустить...

- Вот ведь мы какие, советские люди, - объяснил все старик.

Ехали довольно долго. Я захотел курить, свернул папиросу и поднялся, чтобы пойти в тамбур.

- Сразу видать партизан, - сказала проводница. - Дисциплинки не хватает. Да ладно, вы гость, курите здесь, я контролеру, в крайнем случае, объясню.

Когда мы вышли на Комсомольскую площадь, всеобщее внимание заставило нас подтянуться. Мы и сами не заметили, как

выстроились и пошли в ногу. Так, строем, мы вошли на станцию метро.

Через десять минут мы расцеловались со Строкачем, Корнийцом, Спиваком, Старченко, Гречухой - многие руководящие работники ЦК КП(б)У и правительства Украины жили в то время в гостинице "Москва". Потом Леонид Романович Корниец организовал по случаю встречи торжественный завтрак.

Я слушал речи и тосты, а с улицы доносились звонки трамваев, сигналы автомашин...

- Слушайте, товарищи! - неожиданно воскликнул, прервав всех, Балабай. - Да ведь это же, черт возьми, Москва! Мы ведь в Москве. Ведь рукой подать - Кремль! Давайте же выпьем за Москву!!!

В Москве в это время действовал Украинский штаб партизанского движения, фактическим руководителем которого был Никита Сергеевич Хрущев. Несмотря на большую работу, которую он проводил как член Военного Совета юго-западного направления, а затем Воронежского и 1-го Украинского фронтов, товарищ Хрущев непосредственно руководил партизанским движением на Украине. Начальником штаба партизанского движения являлся товарищ Строкач. Кроме того, в Москве действовал Центральный штаб, начальником которого был секретарь ЦК КП(б) Белоруссии товарищ Пономаренко. Штабы были подчинены Климентию Ефремовичу Ворошилову.

Здесь, в Москве, встречаясь с работниками Центрального Комитета партии и партизанских штабов, я увидел, как велики партизанские силы, какой гигантский размах приобрело народное сопротивление в тылу врага. И, что, может быть, еще важнее, я увидел и почувствовал, что в общей сумме вооруженных сил государства партизанское движение занимает очень значительное место, что оно планируется и направляется Центральным Комитетом ВКП(б).

В армии роты, полки, дивизии, фронты повседневно чувствуют соседство других рот, дивизий, фронтов, единство не только целей, но и действий. Партизанские отряды, всегда разобщенные, всегда окруженные врагом, часто преувеличивают свое одиночество. Радио и авиация - вот и все, что связывает их с Большой Землей, с армией. Нити этой связи легко рвутся, и тогда-то уж одиночество кажется полным.

В Центральном и Украинских штабах я познакомился с высококвалифицированными офицерами, повседневно и оперативно работающими с далекими, затерянными в лесах партизанами. Поговорив со Строкачем и Пономаренко, я узнал, что, когда мы потеряли связь с Москвой, это было не только

нашим несчастием.

В Москве волновались не меньше нас. Поиски были обоюдными. Но мы только слегка попискивали, когда находили радиопитание, а Москва круглосуточно посылала в эфир тревожные сигналы. Просила другие отряды, военных разведчиков, подпольщиков: "Сообщите, где Федоров?"

Я узнал, что инженеры думают изо дня в день над специальными видами партизанского вооружения, конструируют мины, глушители для огнестрельного оружия. И если бы мы не потерялись, то получили бы кое-что из оригинальных новинок.

Я узнал, что тысячи добровольцев со всех концов страны шлют в Москву заявления - просят, а некоторые даже требуют: "Направьте нас к партизанам". Нет, не только украинцы и белорусы, которым хотелось участвовать лично в борьбе за освобождение родных областей. Такие заявления приходили от людей всех или почти всех национальностей СССР.

Все эти заявления в партизанских штабах систематизировались, люди, их приславшие, изучались. И многим, очень многим, после проверки, посылали вызов в Москву.

Я узнал, наконец, что в Москве есть специальный партизанский госпиталь. Сотни наших товарищей по борьбе во вражеском тылу уже вылечились там и улетели обратно, в свои отряды...

Прямо скажу, в Москве мое партизанское самоуважение очень повысилось. Особенно после того, как товарищи Пономаренко и Строкач показали кое-какие суммарные цифры. Познакомили с некоторыми общими итогами партизанской борьбы. Дух захватывало от этих цифр. Публиковать их, разумеется, пока не следовало. Но мне очень захотелось поскорее увидеться с товарищами, рассказать в отрядах, что такое партизанское движение.

Да, именно так, рассказать партизанам, что такое партизанское движение. Об этом они знали очень мало. Только то, что видели и делали сами. А между тем в Москве каждый человек, который узнавал, что я "оттуда", задавал мне тот же самый вопрос: "Что такое партизанское движение? Расскажите подробнее..."

12 ноября 1942 года меня принял товарищ Ворошилов. После того как Пономаренко меня представил, Климентий Ефремович пожал мне руку и сказал:

- Садитесь. Доложите и возможно подробнее.

*

Я докладывал больше двух часов. В сущности это был не

доклад, а живая, непринужденная беседа. Атмосферу непринужденности создал сам Климентий Ефремович. В самом начале беседы, обратившись к генералам и полковникам, которые тут присутствовали, товарищ Ворошилов сказал:

- Должен вас предупредить, что товарищ Федоров не военный специалист, а секретарь обкома. В некоторых специфически военных вопросах он имеет право на ошибки.

Я постарался, конечно, не очень широко пользоваться данным мне правом. Вопросов Климентий Ефремович Задал множество. И хотя готовился я к докладу долго и серьезно, некоторые из них застали меня врасплох.

Когда я кончил докладывать, Климентий Ефремович поднялся из-за стола и, внимательно, испытующе глядя мне в глаза, сказал:

- Вы, вероятно, понимаете, что в Сталинграде сейчас решаются Судьбы войны и что... в недалеком будущем фронт приблизится к вам. Наступление Красной Армии будет стремительным. Думали вы над тем, как должна измениться ваша партизанская тактика в условиях Широких наступательных действий Красной Армии? - Не дав мне ответить, он продолжал: - Ваша помощь будет очень нужна Красной Армии.

Климентий Ефремович вышел из-за стола. Он подвел меня к стене, почти сплошь закрытой шелковыми шторами. Раздвинув их и открыв большую карту-десятикилометровку, всю исчерченную цветными карандашами, товарищ Ворошилов взял указку и обвел ею районы, где смыкаются Гомельская, Черниговская и Орловская области, то есть районы наших действий. Я, вероятно, не сумел скрыть удивления, когда увидел намеченный синими стрелками весь путь нашего движения за последние полгода. Замечательно, что сообщение, которое я только вчера сделал в штабе о наших действиях в самое последнее время, уже нашло отражение на этой карте. Климентий Ефремович, подметив мое удивление, улыбнулся.

- Близко к истине?.. Так вот, не думаете ли вы, что вам пора отсюда двинуться в направлении какого-нибудь крупного железнодорожного узла, оседлать этот узел, стать там хозяином и не пропускать на фронт вражеские эшелоны?

Я не нашел сразу, что ответить. Товарищ Строкач меня опередил:

- Разрешите, товарищ Маршал? Мнение Украинского штаба - возможно скорее вернуть соединение Федорова из Клетнянских лесов в Черниговскую область...

- Бахмач? - с живостью откликнулся Климентий Ефремович и, подумав, продолжал: - Можно и Бахмачский узел, но можно и

Коростеньский, и Шепетовский... Вы, между прочим, знаете, товарищ Федоров, что Ковпак и Сабуров вышли в рейд на запад? Тоже неплохое дело. Здесь близость фронта будет вам мешать. Не лучше ли отойти поглубже? Там меньшая концентрация немецких войск... Хватит у вас сил на большой рейд? Мы, разумеется, вам кое в чем поможем... Хорошо, не отвечайте сразу, подумайте. Но только учтите, что пора значительно усилить диверсионную деятельность. Это сейчас главное. У вашего соединения есть уже некоторый опыт, не так ли?

- Сорок шесть эшелонов, - оказал я.

- Какими средствами вы пользуетесь? Где берете взрывчатку?

- Мы получали тол. Мины делаем сами. В последнее время и взрывчатку добываем из немецких снарядов и неразорвавшихся авиабомб.

Климентий Ефремович заинтересовался нашими кустарными опытами. Я передал некоторые подробности: как выплавляем тол из снарядов, как охотимся за неразорвавшимися бомбами.

- Немцы, Климентий Ефремович, учат своих летчиков прицельному бомбометанию и посылают для этого бомбить хутора, мельницы, маленькие населенные пункты, а то и большие. При этом много бомб не взрывается. Как только наши диверсанты завидят звено таких "учеников", так скачут в населенный пункт "ловить бомбы". Народ даже сердится на ребят: "Вы, говорят, - черти, радуетесь, видно, когда нас бомбят..." Радость, конечно, не велика, но тол нужен.

- Так, значит, просто, в порядке учебы и бомбят? Даже не в наказание за партизанские действия? - Покачав головой, Климентий Ефремович после паузы добавил: - О таких фактах надо писать, надо рассказывать нашему народу, солдатам... Но вернемся к нашему разговору. Итак, - продолжал Климентий Ефремович, - что нужно еще, чтобы вы могли выйти в глубокий рейд? Вы уже обдумали этот вопрос, согласны, что выходить надо?

Я действительно уже принял такое решение, но только не успел его высказать. И я перечислил наши нужды. Просил побольше автоматов, пулеметов, противотанковых ружей, несколько пушек, несколько радиостанций, походные типографии, бумагу. Рассказал о наших бытовых нуждах. Но как-то случилось, что я забыл упомянуть взрывчатку.

- Вот видите, товарищ Пономаренко, - обратился Климентий Ефремович к начальнику штаба: - недооценивают ваши командиры диверсионную работу.

Это был досадный промах. Тем более досадный, что важность этой стороны партизанской деятельности я вполне осознал.

Пришлось оправдываться. Климентий Ефремович оказал:

- Обсудите с товарищами Пономаренко и Строкачем, какое избрать направление, продумайте маршрут.

И опять товарищ Ворошилов вернулся к подробностям партизанской жизни. Интересовался тем, как организован отдых бойцов, питание, как работают наши госпитали. Особенно большое внимание уделил связи с населением:

- Создавайте по пути следования партизанские резервы и резервы Красной Армии. Вы понимаете, о чем идет речь? Впечатление, которое вы, проходя, оставите у народа, ваша пропагандистская и агитационная работа подготовят и вам и нам тысячи помощников. Это важная часть дела. Очень важная.

Прощаясь, Климентий Ефремович спросил:

- Вы, наверное, захотите встретиться с семьей, поедете к ней?

Я сказал, что не предпринимал еще никаких попыток связи, не знаю пока даже точного адреса. Но если выберу время, конечно, поеду.

- А может быть, лучше привезти семью сюда, к вам? В самом деле, товарищ Строкач, организуйте это дело. Насчет самолета я распоряжусь. Устраивает вас такое решение, товарищ Федоров? Вот и хорошо... Готовьтесь к рейду. И ничего не забывайте.

На этом мы распрощались.

Через два дня на центральном аэродроме я встретил жену и троих своих дочерей.

Они, между прочим, утверждают, что хотя я ужасно изменился и был одет в немыслимый партизанский тулуп, узнали меня еще из окна самолета. И что, когда они, выйдя из машины, кинулись ко мне, то правая щека у меня дрожала, как телеграфный аппарат.

До сих пор не знаю, стоит ли им верить.

*

Через некоторое время в Москву приехал Никита Сергеевич Хрущев. На заседании ЦК Коммунистической партии (большевиков) Украины я сделал доклад о полуторагодичной работе Черниговского подпольного обкома и боевых действиях нашего партизанского соединения. На этом же заседании Центральный Комитет решил разделить наше соединение на два и одно из них послать в большой рейд на Западную Украину.